

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Политическая элита в поисках новой идеологии

6

Я.Пляйс

Понимая, что без системы идейных ценностей, содержащейся в государственной идеологии, на одном голом прагматизме, любая страна не сможет правильно выстроить свою внутреннюю и внешнюю политику, руководители страны и политическая элита, несмотря на конституционное табу, основательно заняты поиском новой государственной идеологии. Указав, что этот поиск наиболее остро выражается в широкой и острой дискуссии по поводу концепции “суверенной демократии”, в которой участвует большое количество знаковых фигур, автор пытается разобраться в ней. С этой целью он, начав с небольшого экскурса в историю вопроса, рассматривает цель и содержание концепции “суверенная демократия”, позиции ее сторонников и оппонентов, в том числе Д.Медведева, С.Миронова, Е.Примакова, и делает соответствующие выводы.

Кадровые проблемы инновационного развития России

18

Б.Габараев, В.Ершов

Указав на то, что время бросило России серьезный вызов – оставаться ли ей по-прежнему “сырьевой” сверхдержавой или идти другим путем, авторы подчеркивают, что высшее руководство государства решительно сделало ставку на инновационный путь развития и в этих целях осуществило необходимую для этого мобилизацию административного, финансового, кадрового и других ресурсов. При этом решения по некоторым из них были приняты практически одномоментно. Однако сложнее, по мнению авторов, обстоят дела с кадровым ресурсом, то есть с человеческим фактором.

В связи с закрытием или перепрофилированием в 90-е годы многих техникумов и профтехучилищ возник дефицит специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих многих специальностей. Именно это серьезно тормозит реализацию программ инновационного развития. Авторы предлагают некоторые пути решения проблем кадрового ресурса.

Цена политических иллюзий

29

И.Максимычев

Во второй части статьи на основе анализа материалов вышедшего в свет в конце 2007 г. третьего тома мемуаров бывшего канцлера Федеративной Республики Германии Гельмута Коля, освещающих с западногерманской точки зрения события 1990–1994 гг., дается оценка Г.Колем его взаимоотношений с президентом РФ Б.Ельциным, в частности по вопросу о выдаче ФРГ бывшего руководителя ГДР Э.Хонеккера, об ускорении вывода Западной группы войск с германской территории практически в чистое поле, так как обещанная немцами многомиллиардная программа строительства жилья для возвращавшихся из Германии военнослужащих оказалась невыполненной, а также о западной поддержке политики Ельцина в тот период.

Кредитно-банковская система России в период буржуазной модернизации

39

Е.Илларионова

Рассматривая особенности буржуазной модернизации России, а также значение капиталистической кредитно-банковской системы в ее осуществлении, автор показывает динамику процесса становления многоуровневой кредитно-банковской системы, характер ее функционирования, роль в ускорении развития экономики, в значительном повышении темпов индустриализации, обеспечивших вхождение России в начале XX в. в пятерку наиболее развитых стран мира.

Трансформация органов судебной власти в советский период

48

Д.Фетищев

В статье рассматривается структура и деятельность судебных органов в первые годы советской власти, введение новых основ советского правосудия в соответствии с Конституцией СССР 1936 г. и Законом о судостроительстве Союза ССР, а также вопросы дальнейшего развития системы судостроительства в Советском Союзе.

Американские концепции “стратегического паралича”

57

О.Иванов

Отметив, что военная сила является важным инструментом достижения внешнеполитических целей США, автор рассматривает основные положения концепций “стратегического паралича”, разработанных американскими военными теоретиками Дж.Бойдом и Дж.Уореном, выделяя их положительные и отрицательные стороны, которые объясняют некоторые характерные особенности применения американской военной силы в современных условиях.

“Демократическое мессианство” США на Ближнем Востоке

69

А.Вавилов

Во второй части статьи рассматривается практическое воплощение (на примере Ирака и других арабских стран) “демократического мессианства”. Отмечается его влияние, осложняющее положение в этих странах и обстановку в регионе в целом, излагаются подходы России к этому опасному направлению в американской политике на региональном и мировом уровнях.

Миграция и трансформация национальных государств Европы

81

М.Симон

Исследуя воздействие миграционных процессор на национальные государства Европы и их социальную политику, автор на примере Германии, Франции, Нидерландов и Швейцарии рассматривает развитие европейского законодательства по вопросам миграции. Особое внимание при этом уделяется проблемам национальной идентичности в эмигрантской среде, а также нелегальной эмиграции, ставшей актуальной для большинства государств современной Европы.

Технологии несилового разрешения международных и внутривполитических конфликтов

89

А.Манойло

Рассматривая культурно-цивилизационный подход к современным моделям, способам и технологиям психологического управления международными и внутривполитическими конфликтами, автор отмечает наличие огромного многообразия различных методов, способов и технологий психологического воздействия на конфликты, которые имеют четкие культурно-цивилизационные отличия и условно могут быть объединены в рамках четырех основных миротворческих подходов: англосаксонского, восточноазиатского, ближневосточного (исламского) и западноевропейского (романо-германского).

Антидемократические тенденции в деятельности политических партий

97

Б.Исаев

Отметив, что в настоящее время сложной проблемой партийных организаций является нарастание в них антидемократических тенденций и антиморальных проявлений, выражающихся в их олигархизации, бюрократизме, коррупции и т.п., автор рассматривает причины появления и развития этих явлений и нежелание или неумение партийных руководителей бороться с ними.

Выборы как институт формирования элиты

109

Ю.Усова

В статье на основе итогов выборов, состоявшихся 2 декабря 2007 г., предлагается политологический анализ процессов формирования региональной элиты в Республике Северная Осетия-Алания и рассматривается ряд серьезных политических проблем в этом субъекте Российской Федерации.

В.Галицкий

Основываясь на изучении истории итальянских военнопленных в СССР, автор описывает судьбу солдат и офицеров 8-й итальянской армии, попавших в плен зимой 1942–1943 гг. под Сталинградом, когда, несмотря на принятые Советским военным командованием меры, отмечалась значительная смертность среди них. Автор показывает причины такого положения и рассматривает условия содержания итальянцев в лагерях для военнопленных во время войны и после ее окончания, привлечение военнопленных к работам на промышленных объектах, информационная работа с военнопленными и их последующая репатриация.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., БОЙКО Ю.П., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗАДОХИН А.Г., ЗИМЕНКОВ А.Л., ИЗВЕКОВ Н.Н., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., КРУГЛОВ В.В., ЛЕБЕДЕВ Ю.В., ЛУНЬКОВ А.Г., ОРЛОВ А.А., РЕПКИН Ю.М.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежала», доктор технических наук
ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
ДЕЛЯГИН М.Г. – председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
ЕФИМОВ Б.Е. – народный художник СССР
ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокompании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
ИВЛИЕВ Г.П. – депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, председатель комитета по культуре
КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, председатель Российской ассоциации содействия ООН, член-корреспондент РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол
ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Политическая элита в поисках новой идеологии

Яков Пляйс,

доктор исторических наук, профессор
(Финансовая академии при Правительстве РФ)

Без системы идейных ценностей, содержащейся в государственной идеологии, на одном голом прагматизме любая страна не сможет правильно построить свою внутреннюю и внешнюю политику.

Именно поэтому политическая элита современной России всерьез озабочена поиском такой идеологии. Однако в отличие от 90-х годов прошлого века, когда этим были заняты многие, и поиск шел во многом стихийно, современный процесс идет более осмысленно и целенаправленно. И занята им, главным образом, политическая элита страны

От редакции

Предисловие

Осенью 2006 г. в отечественном идейно-политическом пространстве вспыхнула продолжающаяся до сих пор масштабная и весьма острая дискуссия по поводу новой дефиниции – “суверенная демократия”.

В спор быстро втянулись не только представители науки, но и политической элиты, включая высших представителей власти – президента страны В.В.Путина, двух первых вице-премьеров – Д.А.Медведева, С.Б.Иванова и многих других известных фигур.

Их участие в развернувшихся дебатах явно указывало на то значение, которое придается самому этому концепту и его укоренению, с одной стороны, в массовое сознание россиян, а с другой – в политическую и идеологическую реальность. Поэтому не удиви-

тельно, что развернувшаяся полемика с самого начала сопровождалась многочисленными статьями в прессе, монографиями и пр.

И участие самых высоких лиц государства, и весьма активные масштабные дискуссии среди научной общественности – все это уже само по себе было беспрецедентно и о многом говорило. Например, о том, что руководители страны и элита основательно озабочены поиском новой идеологии власти.

То, что политическая элита ищет новую национальную (точнее говоря – государственную) идеологию, несмотря на конституционное табу, давно очевидно.

Этот поиск сначала проводился под видом выработки и формирования национальной идеи при президенте

Б.Ельцине, затем в виде программных установок “Единой России”, зачатую называемой партией власти, а теперь в виде концепции “суверенная демократия”, с которой выступила часть высшего эшелона политической элиты.

Почему идет такой поиск разъяснил В.Сурков на одном из брифингов для западных журналистов (конец июня 2006 г.): “Строительство вертикали власти было необходимо и сегодня необходимо, но бюрократическое строение недолговечно, если мы не обогатим его идеологией, признаваемой целой нацией”. Под термином “идеология” Сурков имеет в виду мировоззрение и ценности, которые можно также назвать “набором убеждений”.

“Некоторым нашим чиновникам не мешало бы получить эти убеждения”¹. Докладывая на этом брифинге, что “нация не может существовать без идеологий”, В.Сурков, вместе с тем, отметил, что российская национальная идеология по принципиальным моментам не будет сильно отличаться от европейской.

“Российская модель, – считает Сурков, – конечно, специфична, но не сильно отличается”.

В тоталитарных режимах идеология не нужна, поскольку “там есть страх”. В де-

мократических режимах, “где репрессивный аппарат приводится в действие в основном в крайних случаях”, “без идеологии, принимаемой обществом добровольно, не обойтись”².

В России, по убеждению Суркова, создается не “управляемая демократия”, а “суверенная”, и наше понятие о демократии ничем не отличается от европейского. “Мы строим открытое общество, – заявил Сурков, – не забывая о том, что мы свободны. Мы хотим быть открытой нацией среди других открытых наций и сотрудничать с ними по справедливым правилам, а не управляться извне”. По мысли Суркова, “управляемая демократия” – это “навязываемая некоторыми центрами глобального влияния всем народам без разбора – силой и лукавством – шаблонная модель неэффективных и, следовательно, управляемых извне экономических и политических режимов”².

Не развивая дальше тему содержания концепции, так как этому посвящен один из последующих разделов, отмечу, что раз уж в ее обсуждении участвует необычно большое количество знаковых фигур, разобраться в ней является настоятельной необходимостью. И начать следует с истории вопроса.

Небольшой экскурс в историю

Начало дискуссии вокруг “суверенной демократии” относится не к осени 2006 г., как было сказано в начале статьи, а фактически к весне 2005 г., когда В.Сурковым, заместителем главы администрации Президента РФ, была инициирована дискуссия о национальных приоритетах. Продолжение последовало в феврале 2006 г., когда он же выступил с основными положениями концепции “суверенной демократии” перед активом “Единой России”. Сообщалось, что в ее формировании приняли участие такие известные российские политологи, как Вячеслав Никонов, Глеб Павловский, Ва-

лериий Фадеев, Виталий Третьяков, Андрианик Мигранян, Алексей Чадаев, Максим Соколов, Леонид Поляков, Виталий Иванов, Леонид Радзиховский и некоторые другие.

В 2007 г. их статьи, опубликованные в разных периодических изданиях, были изданы в ряде сборников³.

Через некоторое время к дискуссии подключились и руководители “партии власти” “Единая Россия”, начиная с ее председателя Б.В.Грызлова.

Они попытались сделать этот проект своеобразным партийным брэндом и положить его в основу своей предвыборной программы. Но вскоре, как

показалось, “единороссы” как-то “поостыли” к этому “новоязу” и даже несколько дистанцировались от него. За тем, однако (перед думскими выборами 2007 г.), он снова зазвучал, теперь уже в предвыборной программе этой партии.

Особенно настойчиво и интенсивно идею суверенной демократии стали продвигать, начиная со второй половины 2006 г.

Происходило это в самых разных аудиториях. В некоторых из них (например, в вузах) особенно активно.

Например, в начале 2007 г. в Современной гуманитарной академии было издано 46-страничное учебное пособие В.Суркова “Основные тенденции и перспективы развития современной России”, в котором утверждается, что “демократия в России – это всерьез и надолго”, что “как ни парадоксально, демократическое общество... куда более идеологизировано, чем тоталитарное, где страх заменяет идею”.

Широко и подробно излагая все, что связано с суверенной демократией, Сурков предупреждает о том, что **настоящей угрозой суверенитету России является опасность “мягкого поглощения”, при котором “размываются ценности, объявляется неэффективным государство, провоцируются внутренние конфликты”.**

По мнению Суркова, эта опасность не снята с повестки дня. “Думаю, – отмечает он, – эти попытки не ограничатся 2007–2008 годами”.

Спасительным лекарством Сурков считает “формирование национально ориентированного ведущего слоя общества”, или, иначе говоря, элиты⁴.

Весьма важно, что и состояние демократии, и ее перспективы В.Сурков связывает с борьбой против бедности.

“Если мы не снизим всерьез уровень бедности в нашей стране, то, конечно, наше общество не сможет быть устойчивым”. Сейчас же “рентабельность демократии не для всех пока очевидна”⁴.

В этой связи автор упоминает президента США Франклина Рузвельта, чей успех в борьбе против Великой депрессии снискал ему заслуженную славу не только внутри его собственной страны.

Этот аспект темы был развит Сурковым на научной конференции, состоявшейся 8 февраля 2007 г. в МГИМО. Это мероприятие, проведенное под названием “Уроки «Нового курса» для современной России и всего мира”, было посвящено 125-летию со дня рождения американского президента.

Выступая на конференции, В.Сурков, в частности, отметил: “Демократия – это не коммунизм, который, как известно, мог быть построен однажды и навсегда, это не факт, а процесс, и мне кажется, что система Рузвельта, демократия в ее реальном понимании каждый день проигрывает и отстает там, где совершается несправедливость, нарушается закон и где увеличивается бедность и каждый день побеждает там, где люди добиваются справедливости, где они имеют возможность высказываться и где растет их материальное благополучие”⁵.

Несколько новых штрихов к своей концепции В.Сурков добавил в выступлении “Напутствие начинающему либералу”, произнесенном на “круглом столе” “Февральская революция 1917 года. История и современность”, состоявшемся в середине февраля 2007 г. в Российском государственном гуманитарном университете.

“Не надо быть семи пядей во лбу, – подчеркнул здесь Сурков, – чтобы понять, что никто же не возражает против свободы, справедливости, демократии, но темп, органическое развитие – вот что важно, только тогда она укоренится и будет питать нацию, а не убивать ее. Она должна расти изнутри страны и народа, а не насаждаться откуда-то извне. У нас могут быть общечеловеческие ценности, но все-таки практика – применение воплощения в жизнь этих идеалов – она у каждого народа своя”⁶.

Еще одной площадкой Суркова для изложения своих взглядов стал “круглый

стол" "Суверенная демократия и справедливость", проведенный 24 апреля 2007 г. в Институте США и Канады РАН.

"Я ношусь, как всегда, со своей концепцией суверенной демократии, – говорил он на этом "круглом столе". – Это наша попытка формулировать в гуманитарной сфере ту позицию, которая повлияет на политику".

Однако "с точки зрения практической политики теория о том, что суверенитет отмирает – это большая натяжка. Я верю, что наше будущее национально, что Россия, русская культура – они будут".

Вместе с тем, стремление сохранить свою суверенность не исключает для России возможности заимствовать что-то из-за рубежа.

В качестве "дорожной карты суверенной демократии" участники "круглого стола" признали формулу: "Справедливость для каждого в России и справедливость для России в мире".

Об уроках, оставленных Франклином Рузвельтом, подробно говорили самые разные участники упомянутого "круглого стола".

"На мой взгляд, – отметил Сурков, – Рузвельт стал олицетворением высшей власти народа, власти, неотчуждаемой большими деньгами и большими начальниками, он сам был властью, которая стремилась к свободе для всех, поощряя активных и защищая слабых".

По мнению американского посла в России Уильяма Бернса, также участвовавшего в дискуссии, гений Рузвельта заключался в том, что "он понял, что опираться надо не на личности, а на институты".

Позицию У.Бернса попытался подкорректировать Константин Косачев, глава Комитета по международным делам Госдумы, отметивший, что "допустимо ограничение священных коров демократии, но только в том случае, когда они направле-

ны на решение проблем нации и общества, а не на укрепление режима личной власти". Но его тут же поправил Сурков, заявивший: "Замечание о том, что от демократии можно отступить – методологически неверно". Демократия, – по мнению Суркова, – это живой организм, в котором могут смещаться акценты, как в любом организме".

Спор вокруг концепции "суверенная демократия" развивался, надо признать, совсем не так прямолинейно, как может показаться на первый взгляд. После встречи В.Путина с участниками международного дискуссионного клуба "Валдай" (14 сентября 2007 г.), во время которой акценты были расставлены достаточно ясно и твердо (хотя и с оговорками о пользе таких дискуссий), кое-кто пришел к выводу, что дискуссия вообще скоро утихнет.

Но этого почему-то не случилось, что также наводит на новые размышления и определенные выводы. Например, на вывод о том, что в высшем эшелоне политической элиты бытуют существенные (если не глубинные) идеологические расхождения, которые, наоборот, сказываются и на политической практике как внутренней, так и внешней.

Однако такие расхождения существуют всегда и во всех странах. Они особенно велики в переходные эпохи. Но их масштаб, степень остроты дискуссий, а также формы проявления различны.

В современной России они достигли почти крайних проявлений, что чревато не просто расколом элит, но и острой борьбой между их сегментами, в частности, по поводу стратегии развития страны.

К вопросу о цели и содержании концепции

Масштаб и уровень дискуссии вокруг концепции "суверенной демократии" наводит на такие вопросы,

как: в чем состоит цель проекта, каково его содержание и какие перспективы его ждут?

Что касается цели, то она представляется достаточно очевидной – заполнить образовавшуюся в начале 90-х годов идеологическую брешь и одновременно указать на ту идеологическую доминанту, которая должна определять и основное содержание идейно-политической жизни страны.

Относительно содержания ситуация сложнее, потому что с самого начала споры развернулись именно вокруг этого: кто-то был и остается однозначно “за” суверенную демократию, кто-то – очевидно “против”, а кто-то осторожно ищет золотую середину.

Сторонники и пропагандисты термина “суверенная демократия” утверждают, что связан он с президентским Посланием-2005. В нем В.В.Путин, не употребляя сам этот термин, предложил закрепить за Россией как “суверенной страной” исключительное право “самостоятельно определять для себя и сроки, и условия” реализации “принципов свободы и демократии”⁸.

Аналитики вспоминают и о том, что до озвучивания этого термина у нас в России, его стали произносить на Западе.

Так, в 2004 г. Романо Проди назвал Европейский союз “федерацией суверенных демократий”.

А вице-президент США Дик Чейни заявил в 2006 г. на конференции в Вильнюсе, что провидит на постсоветском пространстве “сообщество суверенных демократий”⁹.

И Романо Проди, и Дик Чейни вкладывали особый смысл в свои высказывания. Первый, скорее всего, имел в виду, что страны ЕС, все более сближаясь и превращаясь в реальную федерацию, вместе с тем остаются суверенными демократическими странами. Едва ли он имел в виду независимость от США.

А вот Дик Чейни явно подразумевал совсем другое, а именно – независимость новых прибалтийских государств от России.

Какой же смысл вкладывает в термин “суверенная демократия” *российская* политическая элита и *российские* ученые-обществоведы?

Отвечать на этот вопрос надо с учетом той интерпретации этого термина, которую предлагает политическому и научному сообществу В.Сурков.

В концептуальной статье “Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию” есть маленький параграф “Определение”, в котором автор излагает свое понимание этого термина.

“Рассуждение о суверенной демократии в России, – пишет он, – отвечает положениям Конституции, согласно которым: *во-первых*, “носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ”; *во-вторых*, “никто не может присваивать власть в Российской Федерации”⁹.

Таким образом, “допустимо определить суверенную демократию как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими”⁹.

Фактически в то же время, когда была опубликована статья В.Суркова представители руководства партии “Единая Россия” объявили на “круглом столе” “Суверенная демократия: от идеи к доктрине”, состоявшемся в московской штаб-квартире партии, о том, что доктрина “суверенной демократии” станет основой программы этой партии.

Объявивший об этом заместитель секретаря президиума генсовета “Единой России” Олег Морозов отметил: “Мы признаем все демократические ценности, но все они реализуются в конкретной национальной модели”. По его оценке, концепция

“суверенной демократии” – это “ответ на конкретные ожидания общества”. “Статья настолько отвечает на ожидания, – подчеркнул О.Морозов, – что ее хочется не критиковать, а только приумножать заявленные в ней позиции”¹⁰.

Защищая демократию, которая “нам также дорога, как и суверенитет”, О.Морозов целью партийной работы определил: сделать термин “суверенная демократия” “понятным для любого гражданина”. “Доктрина, – добавил он, – должна “спуститься” на бытовую, общедоступный уровень”¹¹.

Интересными и весьма показательными представляются данные ВЦИОМ, которые представил на “круглом столе” директор этого центра Валерий Федоров¹¹.

По данным исследования, слово “суверенитет” вызывает эмоции лишь у 14% россиян (у 10% – положительные, у 4% – отрицательные). Остальные в большинстве своем его просто не понимают, а если понимают, то не реагируют.

Для обывателя “независимость” это что-то далекое, а вот “демократия” и особенно один из ее фундаментальных принципов – равенство всех граждан перед законом – это близко. И людей очень раздражает, что этот принцип в России по-прежнему не соблюдается. Хуже того, большинство респондентов убеждено, что он у нас “вряд ли приживется”.

“У россиян, – отметил Федоров, – за последние годы накопился дефицит ощущения того, что демократия – это для тебя, а элита таких настроений не улавливает, разговор между властью и обществом по-прежнему ведется на разных языках”¹².

Если “единороссы” всерьез возьмутся внедрять в общественное сознание концепцию суверенной демократии, перед ними,

по мнению Федорова, “возникнет целый ряд проблем”. Первая из них заключается в том, что в течение 90-х годов “понятие “демократии” оказалось подзабытым (точнее сказать – девальвированным – Авт.) и потеряло часть своей силы”.

Что же касается термина “суверенитет”, то по исследованиям ВЦИОМ, молодежи это слово незнакомо, а для более старшего поколения оно ассоциируется с “парадом суверенитетов”, или, иначе говоря, носит негативный смысл. “Люди просто не понимают, что это такое...”, – говорит директор центра¹⁰.

Наиболее полное и весьма аргументированное толкование нового термина было дано В.В.Путиным на уже упоминавшейся выше его встрече с участниками международного дискуссионного клуба “Валдай” (14 сентября 2007 г., Сочи). Отвечая на вопрос: “Какая будет демократия следующего президента?”, В.В.Путин сказал: “Суверенная демократия, на мой взгляд, это спорный термин. Это все-таки небольшое смешение.

Суверенитет – это нечто такое, что говорит о качестве наших взаимоотношений с внешним миром, а демократия – это наше внутреннее состояние, внутреннее содержание нашего общества.

Но в современном мире и в точных науках, и в гуманитарных многие вещи находятся как бы на грани, на стыке различных областей и сфер. Определенная логика у тех, кто утверждает, что такой термин возможен и его можно взять на вооружение, тоже есть.

Поэтому я стараюсь, если Вы заметили, не вмешиваться в эту дискуссию. Не считаю, что она наносит какой-то ущерб. Наоборот, хорошо, когда люди

* В “Российской газете” от 29 ноября 2006 г. цитата Федорова представлена несколько иначе: “Дефицит равенства, дефицит ощущения, что демократия для тебя – это один из моментов, который недостаточно улавливается элитой”.

об этом думают, то есть думают о том, как обеспечить наши национальные интересы вовне, создав эффективное, очень чувствительное к происходящим в мире событиям и комфортное для наших собственных граждан общество. Мне кажется, поиск подобных концепций полезен. Поэтому я не вмешиваюсь и не занимаю какую-то однозначную позицию, потому что сама дискуссия мне нравится.

Если совсем откровенно говорить, не так уж много сегодня в мире стран, которые имеют удовольствие и счастье заявить, что они являются суверенными. Это Китай, Индия, Россия и еще несколько стран. Все остальные находятся в определенной и очень существенной зависимости либо друг от друга, либо от лидеров блока. Это не очень приятно, но это мое глубокое убеждение, и это правда...

Поэтому суверенитет – это очень дорогая вещь и на сегодняшний день, можно сказать, эксклюзивная. Но Россия – такая страна, которая не может существовать без защиты своего суверенитета. Она будет либо независимой и суверенной, либо, скорее всего, ее вообще не будет”¹².

Достаточно четкую позицию в споре о суверенной демократии с самого начала его возникновения занял также первый вице-премьер Д.А.Медведев. Свое отношение к этому термину он излагал не раз. И внутри страны, и за ее пределами.

Например, на популярном Давосском форуме (конец января 2007 г.) обращаясь к западным экспертам, Медведев отметил, что “в России существует реальная демократия”, что демократия “как общественное явление, как юридическая конструкция не требует специальных пояснительных слов и является вполне универсальным термином”. Отметив также, что “та ситуа-

ция, в которой Россия живет сегодня, принципиально отличается от той конструкции, которая была еще 15 лет назад”, Медведев заявил: “Но мы не будем останавливаться на достигнутом, мы будем совершенствовать здание нашей демократии еще долгие-долгие годы”¹³.

“Сегодня мы строим новые институты, основанные на базовых принципах полноценной демократии. Демократии – *без ненужных дополнительных определений*. (курс. – Авт.). Демократии эффективной, опирающейся на принципы рыночной экономики, верховенства закона и подотчетности власти остальному обществу. Мы хорошо понимаем, что еще ни одно недемократическое государство не стало по-настоящему процветающим по одной простой причине – **свобода – лучше несвободы**”¹⁴. На взгляд Медведева, демократические государства “тем и отличаются от недемократических, что в случае прихода к власти других сил, других партий сохраняется преемственность курсов”¹⁴.

Чтобы как-то сгладить явные разночтения с Сурковым, Медведев уже на следующий день после возвращения из Давоса на встрече с активистами молодежных организаций, отвечая на вопрос, не окончен ли его давний спор с В.Сурковым по поводу того, какая демократия нужна России, отметил, что этот спор носит исключительно “дружеский характер”. “Дело ведь не в терминах и прилагательных, которые могут быть применимы к понятию “демократия” – добавил Медведев. – Я считаю, что демократия может быть эффективной только в условиях суверенного государства. А суверенитет может принести результат только в условиях демократического режима”.

Присутствовавший на встрече В.Сурков также отметил, что никаких

принципиальных расхождений во взглядах на демократию у него с Медведевым нет. “Наши расхождения во взглядах – это мелочи” – подчеркнул Сурков.

Наряду с “мягкими” оппонентами у концепции “суверенная демократия” есть и значительно более “жесткие”. Наиболее последовательным противником понятия “суверенная демократия” является спикер Совета Федерации ФС РФ Сергей Миронов. Общаясь с воронежскими журналистами (начало августа 2007 г.), С.Миронов заявил: “Под термином «суверенная демократия» нужно понимать наращивание суверенитета и сокращение демократии”. Миронов считает, что термин этот “надуманный”, поскольку “демократия не нуждается в каких-то эпитетах, определениях или прилагательных”¹⁵.

Оценивая заявление Миронова, аналитики немедленно связали его с предвыборной борьбой и необходимостью “Справедливой России”, лидером которой является С.Миронов, противопоставлять себя “Единой России” и ее идеологии.

К достаточно “жестким” оппонентам новой концепции можно отнести и неординарного политика, академика РАН Е.М.Примакова. По его мнению, категория “суверенная демократия” имеет ярко выраженный защитный характер, направленный на отстаивание суверенитета государства от внешнего диктата*.

Он пишет: “Суверенитет выражает право нации на свободный и независи-

мый политический, экономический и социальный курс при запрете на какое бы то ни было вмешательство извне.

Суверенитет непосредственно проявляется в процессе осуществления государством его функций во внутренней и внешнеполитической деятельности”¹⁶.

Понимая, что В.Сурков назвал российскую демократию “суверенной” для того, чтобы подчеркнуть самостоятельный тип нашей демократии”, Е.Примаков призывает “видеть и негативные моменты, связанные с этим термином”. Такие моменты он связывает с тем, что организаторы и проводники необъявленной пропагандистской войны против нас, могут использовать этот термин “как показатель справедливости своих упреков в отгороженности России от общепринятых демократических принципов”.

Отделяя политическую оценку от научной ценности термина “суверенная демократия”, Е.Примаков отмечает, что она, “как представляется, весьма сомнительна”.

В доказательство своего вывода он совершенно обоснованно ссылается на то, что “сама суверенность, даже будучи органично отнесенной к государственности, становится в настоящее время далеко не абсолютной.

Ее относительность хотя бы в том, что в интеграционных объединениях государства делегируют часть своего суверенитета на наднациональный уровень. Относительность государственного суверенитета вытекает и из ряда по-

* Статья (Независимая газета.2007. 24 августа) опубликована в рамках дискуссии о лекции В.Суркова “Русская политическая культура. Взгляд из утопии” (НГ от 22.06.07).

Ранее в этой же газете были опубликованы статьи К.Ремчукова и С.Бовта (22.06.07), С.Степашина и М.Барщевского (29.06.07), В.Жириновского и А.Стреляного (06.07.07), Алексея Малашенко и Дмитрия Орлова (13.07.07), Н.Белых и Б.Грызлова (20.07.07), А.Богданова (10.08.07).

Понятно, что таков состав авторов не случаен. Одни “за” суверенную демократию, другие – “против”.

ложений Устава и практики Организации Объединенных Наций.

Группа высокого уровня, созданная бывшим Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, в которой мне довелось состоять, пришла к единодушному мнению о возможности (но обязательно при решении Совета безопасности ООН) вмешательства во внутренние дела государства, если внутренняя ситуация в нем угрожает миру и стабильности в регионе или на глобальном уровне.

Это положение, рассматриваемое как альтернатива американскому унитаризму, вытекает из главы VII Устава ООН¹⁶.

Наряду с мягкой критикой, сочетающейся с определенной поддержкой, которая звучит, к примеру, в той же упомянутой статье Е.Примакова, за прошедшие два года по теме “суверенной демократии” было опубликовано немало и остро критических статей и отзывов.

Откровеннее всех высказалась либеральный политолог Л.Шевцова, считающая, что “... слова “суверенитет”, “территория”, “мощь”, “державность” уже выброшены из политического лексикона”, что “... российская элита продолжает считать военную мощь, территорию и суверенитет, то есть атрибуты прошлого века, единственно возможным способом суще-

ствования государства, потому что по-другому она править не научилась”¹⁷.

Другой либеральный политолог, заместитель председателя федерального политсовета СПС Л.Гозман пишет: “Невозможно разделять идею угрозы суверенитету России. Через страхи такого рода проходили многие страны, но ведь давно прошли... Бороться сегодня за суверенитет России – это то же самое, что готовиться к отражению нашествия марсиан...”¹⁷.

Весьма критично по поводу “суверенной демократии” и идей В.Суркова относительно русской политической культуры высказывается и лидер СПС Н.Белых.

“Изложенные в его докладе идеи, – пишет он, – сами по себе вряд ли кого-то объединяют и на что-то вдохновляют”. “Внимательно изучив “рассказ” Суркова, – читаем мы дальше, – можно сделать вывод: в нем не только, да и, честно говоря, не столько, содержатся идеи главного идеолога страны, сколько формулируются принципы, на которые опирается верховная власть, а если говорить прямо, то эти принципы “спускаются” обществу сверху.

Именно “ореол власти”, присущий автору, делает этот текст ценным (или даже “бесценным”), интересным и заслуживающим внимания и подробного обсуждения”¹⁸.

Можно было бы и дальше цитировать мнения и оценки сторонников и противников концепции “суверенной демократии”, коих достаточно. Но приведенных вполне достаточно, чтобы прийти к некоторым обобщениям.

Некоторые итоговые размышления и выводы

1. Появление в последние годы концепции “суверенной демократии”, как и жаркая непрекращающаяся дискуссия вокруг нее, явления вполне понятные и объяснимые.

Идет поиск государственной идеологии (или системы идейных ценностей), без которой ни одна страна нормально существовать и целенаправленно развиваться не может. Ясно и то, что на начальном этапе разработки

концепции, ее трактовки, естественно, различные и нередко весьма противоречивые.

Как противоречивы и взгляды В.Суркова, основного автора концепции. В одной обстановке (выступая, например, перед западными журналистами) он говорит, что демократия в России не отличается от европейской, в другой – он утверждает, что у каждого народа она своя.

Противоречивых взглядов, нередко диаметрально противоположных, придерживаются также другие авторы и различные элитные группы. (Кстати говоря, абсолютной интегрированности элит нет ни в одной стране, даже в тоталитарных. Степень консолидации элит – это всегда понятие весьма относительное. Таков закон функционирования элит).

Концепцию суверенной демократии Сурков с самого начала связывал с идеей национальной идеологии. Ни левой, ни правой, а центристской.

Когда в процессе дискуссий (например, в Институте США и Канады) эту концепцию стали увязывать с идеей социальной справедливости, стало ясно, что она по сути своей – левая. И не только в России.

Нет никакого смысла говорить о подлинной власти народа, не задумываясь об условиях, которые эту власть могут реально обеспечить.

2. В рассуждениях и аргументации авторов и сторонников “суверенной демократии” прослеживается методологическая ошибка.

Она состоит, *во-первых*, в стремлении соединить то, что соединять не следует, а именно в стремлении соединить такие разнонаправленные феномены, как суверенитет и демократию.

Понятие суверенитет предполагает независимость государства от внешнего мира, а демократия имеет внутреннюю направленность.

На это совершенно обоснованно указал и В.В.Путин.

Тем не менее, авторы дефиниции “суверенная демократия” понять можно. Интерпретируя ее они полагают, что никакая внешняя сила не имеет право вмешиваться во внутренние дела России и диктовать, как должна строиться и развиваться наша демократия и есть ли она у нас вообще или нет.

Другая сторона методологической ошибки авторов и сторонников рассматриваемой концепции заключается в том, что они недостаточно ясно представляют себе теорию вопроса.

Начиная с различий между типами идеологий (в частности, партийной, государственной и национальной) и заканчивая тем, как каждая из них формируется, как одна трансформируется в другую, и как они укореняются в государственной жизни и общественном сознании. (Эта особая тема заслуживает отдельного рассмотрения).

3. В ускоренно глобализирующемся мире подлинно суверенными могут быть только те страны и государства, которые обладают мощным совокупным потенциалом, позволяющим им принимать решения без оглядки на мнение и реакцию остального мира. Но таких стран в сегодняшнем мире фактически нет. Даже самые могущественные, начиная с США, признаваемые как сверхдержавы, да и великие державы вынуждены считаться с другими, порой самыми слабыми.

В этом контексте у нас нет достаточных оснований говорить об *абсолютном*, или полном *суверенитете*, которого, к слову сказать, не было и в прежние времена. Поэтому речь может идти лишь об *относительном суверенитете*. И эта относительность также различна. Тот, кто сильнее, опытнее, успешнее, тот более свободен в своих решениях и действиях, и наоборот.

К сказанному надо добавить, что ускоренная глобализация объективно ведет к унификации, преодолению и, в конечном счете, вполне вероятно, к стиранию различий между государствами. Особенно это касается унификации механизмов взаимодействия между ними для решения все более обостряющихся глобальных проблем.

Именно поэтому государства вынуждены по объективным причинам

заимствовать друг у друга наиболее эффективный опыт и унифицировать не только институты и механизмы внешнеполитических отношений, но и внутренней политики. Поскольку наиболее эффективными в этой ситуации оказываются институты и механизмы, основанные на конкурентных демократических началах, постольку их объективно берут за основу.

В подтверждение этого тезиса сошлюсь на тот хорошо известный факт, как много при разработке российской Конституции 1993 г. было заимствовано у западных стран из их политического опыта.

Но нельзя думать, что процесс унификации моментальный. По историческим меркам он достаточно быстротечен, но по меркам человеческой жизни весьма даже растянут.

4. Надо ясно представлять себе всю относительность демократии, как и вообще любого социально-политического феномена.

Эта относительность выражается во многом.

Например, в том, что демократия предполагает подчинение воли меньшинства воле большинства. Но именно меньшинство (и таких примеров

история знает немало) нередко оказывается правым. В то время как большинство, подчиняясь влиянию момента или другим обстоятельствам и ища сиюминутную выгоду, выбирает подчас неверное с исторической точки зрения решение.

Подлинная демократия, в том числе так называемая *суверенная*, может образоваться там, где есть для этого необходимые условия. Прежде всего, мощная экономика, способная обеспечить социальные права и свободы граждан. Голодный и социально незащищенный человек – зависимый субъект – объект манипуляции государства. Ему нет дела до типа и содержания демократии. Он думает лишь о том, как добыть кусок хлеба насущного и как найти надежный и безопасный кров, а не о том, какая должна быть в стране избирательная система: смешанная или пропорциональная.

Но в этом мире все тотально взаимосвязано и взаимозависимо. Поэтому от того, какая власть в стране, как она формируется и относится к своим гражданам и как они к ней, в конечном счете, зависят результаты деятельности страны и благополучия ее жителей.

Примечания

¹ Известия. 2006. 29 июня.

² Независимая газета. 2006. 29 июня.

³ PRO суверенную демократию. Сборник / Сост. Поляков Л.В. М.: Изд-во “Европа”, 2007; Суверенитет. Сборник / Сост. Н.Гараджа. М.: Изд-во “Европа”, 2007; Суверенная демократия. От идеи к доктрине. Сборник. М.: Изд-во “Европа”, 2007.

⁴ Независимая газета. 2007. 25 января.

⁵ Известия. 2007. 12 февраля.

⁶ Известия. 2007. 15 марта.

⁷ Российская газета. 2007. 09 февраля.

⁸ PRO суверенную демократию. Сборник / Сост. Поляков Л.В. М.: Издательство “Европа”, 2007. С. 3, 4.

⁹ Сурков В. Национализация будущего. Параграфы PRO суверенную демократию // Эксперт. 20–26 ноября (№ 43 (537)). 2006. С. 102.

¹⁰ Российская газета. 2006. 29 ноября.

¹¹ Известия. 2006. 29 ноября.

¹² www/president.kremlin.ru

¹³ Независимая газета. 2007. 30 января.

¹⁴ Известия. 2007. 29 января.

¹⁵ Независимая газета. 2007. 07 августа.

¹⁶ Независимая газета. 2007. 24 августа.

¹⁷ Известия. 2006. 24 апреля.

¹⁸ *Белых Н.* Идеология суверенной демократии // Независимая газета. 2007. 20 июля.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Кадровые проблемы инновационного развития России

Борис Габараев,
Владимир Ершов

Обращаясь к новейшей истории постсоветского российского государства, еще не успевшей, собственно, стать историей, авторы сделали ряд вполне очевидных наблюдений:

во-первых, кошмар 90-х годов XX в. безвозвратно остался в прошлом;

во-вторых, благодаря последовательным действиям нового руководства страны, положившим конец бесчинствующему разгулу 90-х годов, к настоящему времени (начало 2008 г.) установилась определенная внутривластная стабильность, то есть кончилось действие ельцинского призыва: “*берите столько суверенитета, сколько сможете унести!*”;

в-третьих, началось восстановление утраченных позиций России на внешнеполитической арене;

в-четвертых, все последние годы характеризуются устойчивым приростом российского ВВП, пусть даже уступающим китайскому показателю, но превосходящим темпы увеличения экономики стран Европейского союза.

Казалось бы, остается только порадоваться за светлое будущее нашей России, но время бросило ей очень серьезный вызов. Смысл его сводится к вопросу, будет ли Россия и впредь довольствоваться лестной, на первый взгляд, ролью “сырьевой” сверхдержавы, которую за ней, скрепя сердце, признало мировое сообщество. На месте России было бы грешно не воспользоваться тактическими преимуществами такого положения для отстаивания своих текущих интересов на международной арене. При этом особенно эффективны “энергосырьевые” рычаги, о чем наглядно свидетельствуют последние успехи российской международной политики.

Однако в стратегическом отношении искушение “сырьевыми” долларами чревато для России большой опасностью.

Во-первых, чисто “сырьевая” сверхдержава не очень далеко ушла от заурядной “банановой” республики, так как для населения избранных стран “золотого миллиарда” российский народ в идеале представляется немногочисленной (15–20 млн. чел.) обслуживающей нацией нефтяников, газовиков, шахтеров, металлургов и лесорубов.

Во-вторых, “гусара век”, как поется в песне, недолог, то есть сырьевые запасы России, будь то нефть, газ, металлы и т.п., далеко не беспредельны.

Что же в этом случае ожидает российский народ?

Неужели подаваться на Запад в гастарбайтеры, повторяя там незавидную судьбу узбеков, таджиков и молдаван в современной России.

К счастью, высшее руководство государства предвидя столь мрачные перспективы чисто сырьевой ориентации, решительно сделало ставку на инновационный путь развития России. Хорошее будущее гарантируют наукоемкие технологии, особенно в тех направлениях, где наша страна в значительной степени сохранила свой прежний потенциал или успела заново создать хороший задел.

В порядке реализации новой технической политики руководство России буквально в считанные месяцы создало несколько государственных корпораций в области судостроения, авиастроения, атомной энергии, нанотехнологий и т.п.

Каждая из этих государственных корпораций призвана консолидировать соответствующую отрасль российской экономики для реализации проектов национального и международного масштаба. Для успеха этих проектов необходима мобилизация самых разных ресурсов: административного, финансового, кадрового и т.д.

Политическая воля высшего руководства России, отраженная в принятии решений о создании государственных корпораций, обеспечила требуемый административный ресурс. Она же обеспечила выделение необходимых финансовых ресурсов из Государственного бюджета, Фонда развития и т.д. Решения были приняты руководством России практически одномоментно. Куда сложнее обстоит дело с кадровым ресурсом, то есть с человеческим фактором.

Проблемы кадрового ресурса

Кадры требуются как для управленческих, так и технологических целей.

Управленческие кадры необходимы на всех уровнях, начиная с самого высшего.

По вполне понятным причинам численная потребность в управленцах высшего уровня исчисляется в каждой отрасли буквально десятками, если даже не единицами. Такие управленцы, как правило, очень востребованы и находятся на виду, будучи людьми весьма незаурядными.

На Западе есть примеры легендарных топ-менеджеров кризисного управления, способных спасти от банкротства и привести к процветанию компании национального и транснационального масштабов.

Однако за примерами совсем не обязательно ходить на Запад, так как

поговорка о том, что “несть пророка в своем Отечестве” не всегда, к счастью, отвечает действительности. Достаточно хотя бы вспомнить, что в СССР становлением атомной науки и техники и созданием ядерного и термоядерного оружия, атомных подводных лодок и электростанций с самого начала руководили такие управленцы от Бога, как Ванников Б.Л., Малышев В.А., Завенягин А.П., Первухин М.Г., Славский Е.П., Курчатов И.В. и Александров А.П.

Столь же яркие примеры успешных руководителей в высшем эшелоне управления нетрудно найти и в истории других отраслей экономики СССР.

Положительный опыт выполнения в 2007 г. российских **национальных проектов** по образованию, жилищному строительству, здравоохранению и

сельскому хозяйству позволяет с уверенностью судить о том, что в реализации любых планов инновационного развития за управленцами высшего уровня дело не станет.

Что касается управленцев среднего и нижнего уровня, то в них уже имеется массовая потребность, однако это не должно служить предметом особой тревоги. В самом деле, существенный прогресс, достигнутый в области информационных технологий, и достаточно активное освоение зарубежных методов управления масштабными инновационными проектами дают основания надеяться, что проблема нехватки управленцев этих уровней может быть решена в сжатые сроки, были бы деньги и желание.

Куда хуже обстоит дело с кадрами для технологических целей, которым предстоит обеспечить выполнение всей технологической цепочки инновационного развития.

К таковым относятся научные работники и конструктора, рабочие и инженеры машиностроительных заводов, строители, монтажники, эксплуатационники и т.п. В частности, комментируя ситуацию с этой категорией кадров применительно к оборонно-промышленному комплексу (ОПК) России, первый вице-премьер российского правительства С.Б.Иванов с нескрываемой тревогой отметил, что **“проблема не в деньгах на выпуск вооружений, деньги есть, проблемы в кадрах, технологии, перевооружении производств”***. В выступлении С.Б.Иванова на первое место по актуальности поставлена проблема с кадрами. Это не в меньшей степени справедливо и для других прорывных направлений инновационного развития России.

Однако было бы ошибкой полагать, что данная проблема актуальна только для России. Напротив, с необходимостью ее решения сталкиваются все страны, “замахнувшиеся” на реализацию масштабных инновационных проектов, причем даже развитые страны не составляют исключения. В качестве наглядной иллюстрации можно обратиться к ситуации в такой благополучной стране, как США.

Эта ситуация подробно описана на примере ядерной энергетики¹.

Рост стоимости сооружения атомных электростанций (АЭС) привел в конце 70-х годов к снижению энтузиазма инвесторов американских АЭС. Компании прекратили набор новых сотрудников, а программы подготовки инженеров-атомщиков в вузах были свернуты.

С 1980 г. в США закрыли 34 профильных кафедры и к 2007 г. их осталось всего 29.

К концу 90-х годов число студентов-атомщиков сократилось до менее чем 500 чел.

На сегодня средний возраст персонала АЭС достигает уже 48 лет, что является одним из самых неблагоприятных показателей в промышленном секторе экономики США.

К 2010 г. почти 27% этих людей (примерно 15600 чел.) получают право на пенсию и “пойдут играть в гольф”.

Еще около 7600 чел., как ожидается, увольются по другим причинам.

Отрасль, долгие годы пребывавшая в спячке, уже начала ощущать острый кадровый голод, который в ближайшие 5–10 лет будет только усиливаться.

Описанная картина кадрового голода отнюдь не является спецификой ядерной энергетики США. С этим явлением неминуемо столкнется и Россия, приступив к реализации масштаб-

* Из выступления 7 декабря 2007 г. на расширенном заседании Научно-технического Совета при Военно-промышленной комиссии (ВПК) при Правительстве РФ.

ных проектов, которые выбраны как приоритеты прорывного инновационного развития страны. При ближайшем рассмотрении можно было бы выделить целый ряд аспектов, касающихся научных сотрудников, инженерно-технических работников, заводских рабочих, строителей, монтажников, эксплуатационников и т.д.

В первую очередь, обратимся к проблемам *научных сотрудников и инженерно-технических работников*.

Научные кадры России неудержимо стареют: более 50% находятся в возрасте от 50 до 60 лет, недостаточно запаса докторов и кандидатов наук моложе 50 лет для решения предстоящих задач инновационного развития российской экономики. Оплата труда научного сотрудника или преподавателя ВУЗ, имеющих ученую степень, в 2–3 раза ниже, чем у неквалифицированного рабочего, в 11–15 раз ниже, чем у наемного торгового работника (менеджера по продажам) и едва превышает прожиточный минимум².

Если не предпринимать никаких мер, то уже этих двух причин – старения и низкой зарплаты достаточно, чтобы в России к 2015–2017 г. численность научных сотрудников в потенциально инновационных отраслях сократилась почти вдвое. А еще надо помнить о “потерянном поколении” нынешних 30–40-летних, вынужденных в бурные 90-е годы уходить в свободное плавание без привязки к своей профессии в науке.

Помимо старения и относительно низкой зарплаты, характерных в частности, и для ядерной энергетики США, инновационные отрасли нашей страны сталкиваются со специфическими для нее проблемами:

- выпускники вузов, расположенных в мегаполисах, практически не едут на работу в регионы;

- принятое Министерством обороны РФ решение об отмене отсрочки от

призыва в армию в случае его единовременной реализации может нанести непоправимый ущерб тем предприятиям, в которых число соответствующих льготников исчисляется сотнями;

- многие выпускники кафедр по подготовке специалистов для инновационных отраслей уходят в более высокооплачиваемый бизнес, преимущественно, коммерческий либо сразу по окончании вуза, либо по достижении непризывного 27-летнего возраста. Таким образом, инновационные отрасли и их предприятия, всячески поддерживающие “свои” профильные кафедры, невольно выступают в роли “спонсоров” для других отраслей отечественного, а иногда и иностранного бизнеса.

Помимо научных сотрудников и инженеров для реализации российских инновационных проектов требуется многотысячная армия *техников, машиностроительных рабочих, сварщиков, строителей и монтажников*. С этой армией тоже дело обстоит не так просто, причиной чему послужил предшествующий многолетний постсоветский упадок российской экономики.

Промышленный подъем последних лет выявил множество проблем.

В России произошло массовое пере-профилирование и закрытие средних специальных учебных заведений. Отсюда проблема переподготовки специалистов среднего звена (техников), потребность в которых резко возрастает. В настоящее время происходит возрождение этих учебных заведений, правда уже не в виде техникумов советского периода, а всяких энергетических и других колледжей.

Похожая картина также сложилась с так называемыми ПТУ (промышленно-техническими училищами), в которых активно готовили молодых рабочих, строителей и монтажников. Таких ПТУ в СССР было великое множество,

они имелись не только в городах, но и многих поселках. На сегодняшний день даже не в каждом промышленном городе с населением 50–100 тыс. чел. можно обнаружить ПТУ.

Недаром брошен клич: *“Пока не вымерли высококлассные сварщики и слесари-сборщики, монтажники, строители – превратить их в учителей в колледжах, на заводах и стройплощадках!”*.

Пришла пора восстанавливать институт наставничества, широко распространенный в СССР.

Для более полного понимания картины обратимся к конкретным цифрам применительно к строительству АЭС.

Во времена СССР на территории России на строительстве АЭС было занято до 70 тыс. рабочих. Кроме этого, дополнительно 20% к общей численности занятых на сооружении АЭС составляли военные строители и кадры стран СЭВ.

Только монтажников в системе Минсредмаша было 30 тыс. чел.

Все это надо восстанавливать, поскольку в современной России основной контингент строителей составляют гастарбайтеры из Средней Азии и Молдавии, которых привлечь к строительству АЭС невозможно.

На сегодняшний день строительно-монтажный потенциал на площадках российских АЭС уменьшился до 5 тыс. чел., собранных со всей страны³.

В этой же публикации также отмечены кадровые проблемы предприятий атомного машиностроения России.

Приводятся слова вице-президента “Атомстройэкспорта” Е.А.Решетникова о том, что более чем 12 лет полного отсутствия атомных заказов привели к потере квалификации многими российскими производителями.

Из 16 тыс. работавших на ЛМЗ* в 1990 г. осталось 5 тыс. чел. От 32 тыс. рабочих “Ижорских заводов” осталось 2,5 тыс.

Пути решения проблем кадрового ресурса

Как известно, времена не выбирают, в них живут, а с проблемами не мирятся, их решают.

Путей решения кадровых проблем еще больше, чем самих проблем, что вполне понятно, поскольку зачастую для одной и той же проблемы существует несколько решений.

В США кадровые проблемы, аналогичные российским, решаются намного проще.

Например, в атомной энергетике компании США планируют возобновить строительство АЭС в своей стране, а также совершить активную экспансию в Китай, Индию и т.д. Для этого поставлена задача увеличить набор студентов на нужные для ядерной энергетики специальности с 500 чел. в конце 90-х годов до 2000 в 2007 г.

Стартовая зарплата в отрасли выросла на 6,6%, примерно до 54600 долл. США в год.

Кроме того, в США проводится значительная работа по повышению престижа ядерной энергетики, что также способствует притоку молодежи в эту отрасль.

В качестве дополнительного кадрового резерва компании США рассматривают ученых и инженеров пенсионного возраста, создавая условия для того, чтобы они бросили играть в гольф и вернулись на работу. Этот резерв может выручить на первые несколько лет, пока не будет реализована программа расширенного выпуска специалистов нужного профиля.

Некоторые страны частично ориентируются на привлечение высококвалифицированных иностранных специалистов.

* ЛМЗ – Ленинградский механический завод.

В качестве иллюстрации можно назвать Южную Корею, где создана и поддерживается кадровая база данных, насчитывающая более 10 тыс. зарубежных ученых и инженеров.

По этому же пути идут в ряде случаев и другие страны, особенно на начальных этапах освоения или развития сложных технологий. Одновременно они прибегают к обучению и стажировке своих специалистов в развитых странах, таких как США, Франция, Россия и т.п.

Как уже отмечалось, в России кадровые проблемы реализации инновационных проектов характеризуются своей спецификой. В качестве наглядного примера можно привести отношение к пенсионерам в США и России.

Если компании США специально создают условия, чтобы еще на несколько лет удержать на работе трудоспособных ученых и инженеров пенсионного возраста, то российские НИИ и КБ страдают от переизбытка специалистов не то, что просто пенсионного, а преклонного возраста. Действительно, в страхе перед нищенской пенсией российские пенсионеры не увольняются буквально до тех пор, пока могут хоть как-то добираться до своего рабочего места.

Популистское российское трудовое законодательство фактически запрещает работодателю уволить пенсионера без его желания. К тому же, гуманный российский менталитет и признание заслуг пенсионеров само по себе является причиной того, что руководство российских институтов и КБ даже независимо от популистского законодательства пытается до последней возможности не увольнять своих пенсионеров. Это является одной из причин катастрофического увеличения среднего возраста российских ученых и инженеров, так как резко уменьшается темп

естественного процесса образования вакансий для молодых специалистов.

Однако беда еще и в том, что даже если бы были в достаточном числе вакансии для молодых специалистов, то этих молодых специалистов еще предстоит найти и предложить им приемлемые условия. А что понимают молодые специалисты под приемлемыми условиями?

Например, проведенная МГУ оценка значимости мер, способствующих привлечению молодых кадров в российскую науку, показала, что для молодежи важны:

- увеличение заработной платы (92,5%);
- наличие современной материально-технической базы (47,5%);
- возможность профессионального роста, успешной профессиональной карьеры (41,3%);
- условия для полноценной реализации профессиональных амбиций (38,7%);
- возможность зарубежных командировок (32,5%);
- повышение престижа науки (31,2%);
- помощь в решении жилищного вопроса (30,8%);
- возможность избежать призыва в армию (18,5%);
- доступность современных информационных и коммуникационных возможностей (14,8%).

Как видно, на первое место по степени важности молодежь поставила с огромным отрывом (почти вдвое выше второго места) увеличение заработной платы. Отрадно отметить, что на второе место поставлено наличие современной материально-технической базы, так как это говорит о стремлении молодежи не просто “получать”, а зарабатывать деньги, имея необходимый инструмент в виде современной материально-технической базы.

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) выяснил в начале 2008 г., на какую зарплату молодого специалиста рассчитывают старшекурсники.

Оказалось, что 40% молодых хотят получать от 30 до 50 тыс. руб., 19% – больше 50 тыс.

На сегодня большинство российских НИИ и КБ едва ли может предложить молодому специалисту больше 15 тыс. руб.⁴.

Тем не менее, если задействованные в инновационных проектах российские предприятия смогли бы даже заплатить молодым специалистам 30–50 тыс. руб. в месяц и обеспечить их другие приоритетные потребности, все равно они столкнулись бы с нехваткой этих молодых специалистов. Последняя проблема имеет место и в США (как показано выше на примере ядерной энергетики)¹. Однако в США нехватка молодых специалистов для этой отрасли объясняется закрытием более половины профильных кафедр (34 из 63), тогда как в России постсоветского периода число профильных не уменьшилось, а даже несколько увеличилось, пусть даже за качество новых кафедр не всегда можно твердо поручиться.

В России основной причиной нехватки числа молодых специалистов является сокращение набора абитуриентов.

Например, в 60-е годы кафедра инженерной теплофизики Московского энергетического института набирала, как минимум, две группы по 25 чел., а в настоящее время она ежегодно набирает 15–17 абитуриентов, то есть в три раза меньше.

Для России естественным решением проблемы нехватки молодых специалистов представляется кардинальное увеличение набора абитуриентов на профильные кафедры по специальностям, востребованным для российских инновационных проектов. Для этого в качестве первого шага достаточно организовать на базе существующей инфраструктуры дополнительные группы, набирать в каждую из групп по 25–30 чел. и, соответственно, увеличить числен-

ность профессорско-преподавательского состава кафедр. Далее можно будет расширять инфраструктуру существующих кафедр и/или создавать новые кафедры, но на это уже потребуется больше времени и денег, а вышеупомянутый первый шаг позволит как раз выиграть необходимое время.

Однако даже в случае организации дополнительных групп, увеличения числа студентов и создания новых профильных кафедр все еще просматривается целый ряд проблем.

Прежде всего возможна нехватка абитуриентов, причем отнюдь не только по причине демографических “волн”, а в силу отсутствия должного престижа профессии. В России сегодняшней модно учиться на менеджера, экономиста, таможенника, гостиничного управленца и т.п.

Не так уж много желающих стать атомщиком, гидростроителем, нефтехимиком, металлургом, монтажником... Поэтому необходима масштабная работа по повышению престижа профессий, необходимых для реализации российских инновационных проектов. Она должна охватывать буквально все население страны, начиная с молодых родителей и школьных учителей, так как именно под их влиянием протекает основной этап становления личности ребенка и формируются его приоритеты.

Необходимо мобилизовать творческую интеллигенцию, средства массовой информации, шоу-бизнес и т.п.

Например, применительно к профессии атомщиков полезно объяснять будущим абитуриентам, их родителям и учителям роль ядерной энергетики как единственного экологически и экономически приемлемого альтернативного источника энергии в условиях постепенного истощения нефтегазовых топливных ресурсов и угрозы ката-

строфического глобального потепления земной атмосферы.

Успешное решение вопроса о поднятии престижа профессий, востребованных российскими инновационными проектами, может эффективно способствовать притоку достаточно большого числа абитуриентов на профильные кафедры. Однако только это само по себе не может быть окончательной гарантией необходимого высокого уровня подготовки.

Студент должен получать достаточно большую стипендию, чтобы он мог в полную силу заниматься учебой, не прибегая ко всяким побочным заработкам. Для этого необходимо обеспечить размер стипендии, не уступающий минимальному прожиточному уровню в соответствующем регионе. Очень полезна практика присуждения самым способным студентам повышенных стипендий имени выдающихся ученых и деятелей отрасли.

Профессорско-преподавательский персонал кафедры должен быть достаточно многочисленным, хорошо оплачиваемым и социально защищенным, тогда студенту будет гарантировано полноценное общение с учителем, не обремененным поисками побочного заработка.

Заслуживает уважения инициатива фонда В.О.Потанина, учредившего 500 стипендий лучшим вузовским преподавателям.

Немалую роль также играет наличие в необходимом объеме соответствующей инфраструктуры в виде аудиторий, библиотеки, компьютерной техники, лабораторной и методической базы.

Еще одним фактором высококачественной подготовки специалиста является использование достаточно хорошо проработанных образовательных стандартов.

Вполне естественно задаться вопросом: Является ли финансовое обеспечение проблем вузов исключительно обязанностью государства?

Например, в США заинтересованные компании с давних времен оказывают университетам финансовое содействие не только и не столько в виде чистой благотворительности. Основная помощь со стороны компаний идет в виде заказных исследований, которые выполняют университетские преподаватели, аспиранты и студенты. Такой подход вдвойне полезен, так как выпускники приходят в компанию уже в значительной степени состоявшимися профессионалами.

Если российские отрасли и предприятия, участвующие в реализации инновационных проектов, заинтересованы в приеме на работу хорошо подготовленных выпускников вузов, то они должны активно участвовать в решении вышеупомянутых материальных и методических проблем профильных кафедр и вузов. Это участие может принимать форму программы межотраслевого сотрудничества, например, между федеральным образовательным ведомством и заинтересованной отраслью.

В недавнем прошлом имели место примеры успешной реализации таких программ, например, между Минобрнауки и Минатомом России.

Следующий “этаж” взаимодействия составляют интегрированные научно-образовательные центры “отраслевое предприятие-вуз”.

В качестве примера таких интеграций можно было назвать:

– физико-энергетический институт им. А.И.Лейпунского с Обнинским государственным техническим университетом атомной энергетики;

– Сибирский химический комбинат с Томским политехническим университетом;

– ОАО “СвердНИИхиммаш” с Уральским государственным политехническим университетом.

Полезной представляется практика заключения двух- или трехсторонних Соглашений по целевой контрактной подготовке молодых специалистов в рамках договоров “отраслевое предприятие – студент – вуз”.

В этих договорах для закрепления молодых специалистов на предприятиях предусматривается достаточно высокий уровень оплаты труда, содействие решению жилищного вопроса и создание условий для продолжения образования, повышения квалификации, профессионального и административного роста.

В связи с переходом на двухуровневую подготовку дипломированных специалистов заслуживает внимания предложение о том, чтобы учебу на втором уровне оплачивали на договорных условиях заинтересованная отрасль или отраслевое предприятие. Не меньший интерес представляет в таком случае и предложение о паритетном совмещении последних двух лет обучения с реальной практикой на предприятии.

По примеру компаний США многие российские предприятия широко привлекают вузовских преподавателей и студентов к участию в реализации инновационных проектов путем заключения договоров между вузом и предприятием.

В качестве примера можно привести участие Московского энергетического института и Московского государственного

технического университета им. Н.Э.Баумана в разработке инновационной ядерной энерготехнологии с реакторной установкой БРЕСТ по договору с НИКИЭТ им. Н.А.Доллежала.

В свою очередь, российские отраслевые предприятия активно участвуют в учебном процессе. Ключевые специалисты этих предприятий ведут преподавательскую и методическую работу на профильных кафедрах. Крупные предприятия нередко организуют у себя филиалы профильных кафедр.

Заслуживает отдельного внимания вопрос о законодательной поддержке решения кадровых проблем инновационного развития России.

В частности, руководители многих отраслевых предприятий ратуют за выдвижение законодательных инициатив об отнесении на тариф за производственную продукцию затрат предприятий на помощь образовательным учреждениям и на целевую подготовку молодых специалистов (студентов). Это тем более важно, поскольку законодательно не обеспечена возможность финансовой поддержки вузов со стороны предприятий и, в частности, по участию предприятий в подготовке кадров и в модернизации вузовской учебной базы.

Еще одно предложение касается законодательной инициативы о введении обязательного государственного распределения (на 3–5 лет) молодых специалистов, обучавшихся на бюджетной основе, в распоряжение наиболее важных отраслевых предприятий.

Подводя итоги

Руководство современной России не поддалось искушению довольствоваться ролью “сырьевой” сверхдержавы, отдавая себе отчет, как недолгог век экономики, подсевшей на “нефтегазовую” иглу. Не отказываясь от тактических сиюминутных преимуществ этой роли, оно выбрало в перспективе курс на форсированный инновационный путь развития России.

В считанные месяцы 2007 г. были созданы государственные корпорации в области судостроения, авиастроения, атомной энергии, нанотехнологий и т.п.

Для успеха проектов, реализуемых этими корпорациями, требуется мобилизация административного, финансового, кадрового и других ресурсов. Политическая воля руководства страны практически одномоментно решила вопросы административного и финансового ресурсов. Куда сложнее обстоит дело с кадровым ресурсом, то есть с человеческим фактором.

Проблема высшего уровня управленческих кадров решается практически автоматически, потому что топ-менеджеры, как теперь их принято называть, всегда находятся на виду, будучи людьми незаурядными. Управленцы среднего и низшего звена нужны в массовом масштабе, однако, успехи в области информационных технологий и активное освоение зарубежных методов управления проектами позволяют надеяться на успешное и быстрое решение проблемы дефицита таких управленцев.

Немного сложнее ситуация с кадрами для технологических целей, которые призваны обеспечить выполнение всей технологической цепочки инновационного развития. К кадрам этого рода относятся научные работники и конструкторы, рабочие и инженеры машиностроительных заводов, строители, монтажники, эксплуатационники и т.п. Проблема дефицита таких кадров актуальна не только для России, но также и для США и ряда других стран, реализующих инновационные проекты.

В частности, следует отметить старение научных сотрудников и инженерно-технических работников – более 50% в возрасте от 50 до 60 лет, низкий уровень оплаты труда и социальной защиты. Молодые специалисты, получив образование в техническом вузе, предпочитают уйти в коммерческий или какой-либо другой высокооплачиваемый бизнес, иногда даже зарубежный.

Закрылись или перепрофилированы многие средние технические учебные заведения (техникумы) и профессионально-технические училища, отсюда дефицит специалистов среднего звена, квалифицированных рабочих, строителей-монтажников, катастрофически не хватает сварщиков высокой квалификации. Компенсация этого дефицита гастарбайтерами из Средней Азии и Молдавии представляется неприемлемой.

Однако ситуация не совсем безвыходная.

Необходимо повысить зарплату и содействовать решению социальных проблем (в первую очередь, жилье) имеющих работников, а при приеме на работу молодых специалистов учитывать сложившуюся у них систему приоритетов.

Для подготовки молодых специалистов требуемого количества и качества необходимо проводить работу по повышению престижа нужных профессий, увеличению набора абитуриентов, повышению студенческих стипендий и зарплаты профессорско-преподавательского состава профильных кафедр, улучшению социальной защищенности.

Также необходима тесная интеграция отраслевых предприятий с вузами, заключение двух- или трехсторонних Соглашений по целевой контрактной подготовке молодых специалистов в рамках договоров “отраслевое предприятие – студент – вуз”. Следует задуматься над предложением о том, чтобы учебу на втором уровне (магистратура) оплачивали на договорных условиях заинтересованная отрасль или отраслевые предприятия.

Полезна практика привлечения вузовских преподавателей, аспирантов и студентов к выполнению инновационных проектов в рамках договоров “вуз – отраслевое предприятие”. В свою очередь, отраслевые предприятия активно участвуют

в учебном процессе, направляя своих ведущих специалистов для чтения лекций на профильные кафедры или создавая филиалы этих кафедр у себя.

Следует поддержать предложение о выдвижении законодательных инициатив.

Одна из них подразумевает отнесение на тариф за производственную продукцию затрат предприятий на помощь образовательным учреждениям и на целевую подготовку молодых специалистов (студентов). Второе касается введения обязательного государственного распределения (на 3–5 лет) молодых специалистов, обучавшихся на бюджетной основе.

Таким образом, реализация проектов инновационного развития сталкивается с целым рядом кадровых проблем. Решение этих проблем, в принципе, вполне возможно, однако, требует существенных затрат финансов и времени.

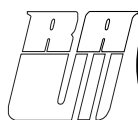
Примечания

¹ Астон А. Кому работать на АЭС? // Business Week. Россия. 2007. 29 января. С. 51.

² Мурогов В.М. Человеческий фактор // Nuclear.ru. 2006.17 сентября. 08:52.

³ Тихонов М.Н., Муратов О.Э. Ядерная энергетика: осторожный оптимизм и оправданный пессимизм // Энергия: экономика, технология, экология. 2007. № 12. С. 12.

⁴ Рубрика “опрос” // Комсомольская правда. № 10 (24037). 2008. 25 января. С. 3.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2008 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2008 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Цена политических иллюзий*

Игорь Максимычев,
доктор политических наук
(Институт Европы РАН)

Конец ЗГВ

Декларация “четверки” не сыграла заметной роли в свержении ГКЧП, но способствовала укреплению среди “новых людей” на верхушке властной пирамиды в Российской Федерации и в СССР иллюзий в отношении политики Запада, похожих на иллюзии команды Горбачева. Кроме того, она послужила поводом для установления прямого контакта Коля с руководством России.

Уже 21 августа канцлер позвонил Ельцину и похвалил его за проявленные в дни кризиса мужество и стойкость, а также передал ему приглашение посетить ФРГ. В ответ российский президент выразил Колю благодарность за поддержку и принял приглашение, пообещав не откладывать визит в долгий ящик (S. 368–369)**.

5 сентября Коля снова позвонил Ельцину, поинтересовался его оценкой ситуации в СССР и предложил ему приехать в ФРГ во второй половине ноября с официальным визитом (S. 370–371).

Хотя экс-канцлер постоянно оговаривается, что в его цели не входило вызывать “ревность” со стороны Горбачева, совершенно четко просматри-

вается перенесение центра тяжести в сфере отношений ФРГ с СССР на контакты с Ельциным. “Реальная политика” диктует свое, ничего не поделаешь!

21 ноября с воинских почестей начался трехдневный визит Ельцина в ФРГ, первый официальный визит президента РФ в западную страну и вообще его первый визит за границу после ареста ГКЧП. Коля сразу же договорился с ним о регулярных личных контактах, в том числе по телефону.

Канцлера интересовала, прежде всего, ельцинская интерпретация внутреннего развития в СССР. Ему явно пришлось по душе заявления гостя о том, что дело идет к установлению конфедеративных отношений между республиками Союза и что “российских граждан больше устраивало бы полное отделение” республик друг от друга.

Ельцин успокоил Коля также в отношении советского ядерного оружия, которое размещалось на территории России, Украины и Казахстана: в соответствии с пожеланиями Вашингтона РФ предложила сократить наличное ядерное оружие на 50% таким образом,

* Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2008. № 2.

** Все ссылки на страницах даны по: *Helmut Kohl. Erinnerungen, 1990–1994. München, 2007.*

чтобы оно осталось лишь на российской территории.

Гармония царила и в отношении ситуации в Югославии. Коль сообщает: “Мы были едины в том, что войны не должны иметь места в Европе 1991 года. Агрессия не должна оправдывать себя. Поэтому Ельцин поддержал миротворческие усилия ЕС и заявил, что, кроме того, Россия готова принять конструктивное участие в миротворческих усилиях в рамках ООН”.

Канцлер обратился также с просьбой о выдаче ФРГ находившегося в Москве Хонеккера. Ельцин ответил, что, по его мнению, удовлетворение просьбы ФРГ не вызовет затруднений, поскольку Хонеккер въехал в РФ с нарушением соответствующего российского законодательства (как будто российское законодательство в момент прибытия Хонеккера отличалось от общесоюзного!) и посоветовал переговорить на эту тему с Горбачевым (S. 378–382).

Совету Ельцина Коль не последовал, поскольку время Горбачева явно заканчивалось.

Характерны страницы воспоминаний Коля, посвященные моменту дезинтеграции Советского Союза.

Экс-канцлер уделяет величайшей трагедии в истории страны, с народом которой он, по его собственным словам, собирался дружить, всего несколько фраз: “25 декабря, с созданием СНГ, СССР перестал существовать. В этот же день Горбачев объявил о своей отставке. Тем самым в первый день Рождества 1991 года закончилось длившееся три четверти века советское господство”.

Все остальное место занимает похвальное слово в адрес лично Горбачева. Коль пишет: “Чем только мы не были обязаны этому бывшему коммунистическому лидеру! Без него не было бы немецкого единства так, как оно состоялось. Это останется навеки. Горбачев

заслужил благодарность всех немцев и давно уже завоевал их сердца. То, что он сделал для нашей страны, для народов, для наших соседей, навсегда войдет в европейскую историю”.

Однако показательно, что имя Горбачева практически исчезает с этого момента со страниц мемуаров Коля, возвращаясь на них лишь по таким незначительным поводам, как присвоение в 1992 г. почетного гражданства города Берлина ему, Колю и Рональду Рейгану (S. 497).

Подытоживая события 1991 г., Коль подчеркивает: “Конечно, это был непростой год. Однако, оглядываясь назад, мы можем сказать: в целом это был хороший год для нас, немцев, и у нас были все основания быть благодарными за него” (S. 401–403).

Дезинтеграция СССР закрепила за объединенной Германией лидирующее положение на европейском континенте.

Уже 16 декабря 1991 г. министры иностранных дел стран Европейских сообществ утвердили в Брюсселе предложенный ФРГ документ “Принципы признания новых государств в Восточной Европе и в Советском Союзе”, в котором положение в СССР уравнивалось с катастрофической ситуацией в Югославии.

Все входящие в них республики подлежали признанию в качестве самостоятельных государств в случае, если они выразят желание об этом и выполнят условия, названные в документе (прежде всего уважение прав человека, прав национальных и этнических групп, а также соблюдение существующих границ). За признанием должно было последовать установление дипломатических отношений с обменом посольствами до середины января 1992 г.

Через 3 дня после опубликования брюссельского документа правительство ФРГ приняло решение о признании Словении и Хорватии.

Подобная спешка вызвала недолюбоподобие партнеров ФРГ в Западной Европе. В частности, Миттеран указывал, что этот шаг противоречит только что согласованной в Маастрихте цели выработки единой внешней политики ЕС. Коль объясняет западноевропейскую критику “завистью и недоброжелательством, вызванными нашими экономическими успехами”.

Канцлер единой Германии потребовал расширения практики использования немецкого языка в органах ЕС на равных основаниях с английским и французским (S. 405–407).

Дезинтеграция Советского Союза осложнила ситуацию в мире, поскольку сохранялась угроза дальнейшей дестабилизации на постсоветском пространстве. Решающее значение приобрела устойчивость появившейся на международной арене новой России. В этих условиях установленный Колевым личный контакт с Ельциным получил особый вес в глазах Запада.

Во время переговоров с канцлером в марте 1992 г. президент США Буш рекомендовал ему пригласить Ельцина на предстоящий саммит “семерки” в Мюнхене. Коль согласился, подчеркнув в связи с планами оказания финансовой помощи России: “Следует делать различие между тем, что должны сделать русские, и тем, что можем сделать мы. Решающий момент состоит в том, чтобы ответственные лица бывшего Советского Союза поняли, что они должны помогать себе сами” (S. 426–427).

Исчезновение СССР не улучшило, а ухудшило шансы России на получение

существенной помощи Запада, который отныне имел возможность ссылаться на отсутствие ясности в том, что касается перспектив развития обстановки на Востоке. Курс на то, чтобы скромные финансовые вливания в экономику России использовались как рычаг для получения больших политических выгод, стал определяющим для западных столиц.

На мюнхенском саммите “семерки” 6–8 июля Ельцин побывал только после его официального закрытия. Ему был обещан “пакет помощи” в размере 24 млрд. долл. в обмен на обязательство выплатить уже имеющиеся у России долги. И хотя Коль утверждает, что Ельцин до конца своих дней оставался ему благодарен за решения “семерки” (S. 466–467), большой пользы эта “помощь” России не принесла.

Вернувшись из США, Коль сразу же позвонил Ельцину, который сообщил, что эксперты МВФ остались очень довольны переданными им перечнями экономических реформ, которые уже реализуются и будут в ближайшие месяцы полностью претворены в жизнь в России (речь шла о гайдаровских экспериментах, ввергших страну в жесточайший экономический и социальный кризис).

На вопрос Коля о положении с немцами Поволжья Ельцин обещал ускорить восстановление автономии для них. В отношении Хонеккера он отметил, что тот находится в чилийском посольстве в Москве и таким образом недоступен для российских властей*.

* После дезинтеграции СССР в декабре 1991 г. Хонеккер попросил и получил политическое убежище в посольстве Чили в Москве. Решение чилийского посла Клодомиро Альмейды обуславливалось тем, что он сам, как и сотни других демократов из Чили, жил в ГДР в качестве политического эмигранта в годы диктатуры Пиночета. Единственная дочь Хонеккера вышла замуж за чилийца и уехала в Чили. Однако Альмейда был вскоре отозван и заменен другим дипломатом. Эрих и Маргот Хонеккеры вновь оказались в подвешенном состоянии. В целом они провели в посольстве Чили в Москве 232 дня.

Ельцин посоветовал немцам активизировать работу с правительством Чили по вопросу о выдаче Хонеккера.

В соответствии с предложением германской стороны Коль и Ельцин договаривались регулярно, раз в три недели, звонить друг другу, чтобы быть в курсе событий (S. 432–434).

В дальнейшем Ельцин сдержал данное Колью слово по обеспечению скорейшей выдачи бывшего руководителя ГДР. После того как канцлер добился от президента Чили указания своему послу в Москве передать Хонеккера российским властям (чилийское руководство не хотело высылать его в ФРГ напрямую, чтобы Чили нельзя было упрекнуть в “неблагодарности”), экс-председатель Государственного совета ГДР был немедленно выслан из России в Германию.

29 июля 1992 г. самолет “Аэрофлота” доставил Хонеккера в Берлин, где он был арестован и препровожден в тюрьму Моабит, которая была ему хорошо знакома с нацистских времен, поскольку он отбывал в ней часть своего многолетнего заключения за антифашистскую деятельность.

Однако судебный процесс против него так и не состоялся из-за крайне тяжелого состояния здоровья обвиняемого.

В январе 1993 г. германские судебные власти были вынуждены освободить Хонеккера из-под стражи, и он вылетел к жене и дочери, проживавшим в Чили, где скончался 29 мая 1994 г. (S. 456–459).

В мемуарах Коля нет ни слова со страдания по поводу трагической судьбы человека, которого он совсем недавно принимал у себя в качестве государственного гостя, которому набивался в друзья, с которым вел переговоры и подписывал соглашения о сотрудни-

честве. Не нашлось места даже для простого человеческого сочувствия.

Растущая нестабильность обстановки в России обусловила то обстоятельство, что для правительства ФРГ на первом месте в российско-германских отношениях закрепился вопрос об ускорении вывода ЗГВ с германской территории.

Визит Коля в Россию в середине декабря 1992 г. был почти целиком посвящен реализации пожеланий ФРГ в этом плане. На переговорах министров иностранных дел и финансов обеих стран развернулся жесткий торг, поскольку российская сторона выдвинула встречные требования об увеличении германских выплат (она запросила дополнительно 850 млн. марок со ссылкой на действительно возрастающие транспортные и строительные расходы, а также на инфляцию). Был поднят вопрос о возмещении стоимости принадлежавшей ЗГВ недвижимости, которая, естественно, оставалась в Германии*.

Ельцин заговорил о компенсации жертвам германской оккупации на территории Советского Союза (Коль предпочитает говорить о “жертвах национал-социалистического режима”). Канцлер ответил напоминанием о нуждах “российских немцев”.

Немецкая сторона выразила также озабоченность фактическим прекращением очень тесной ранее кооперации между промышленными предприятиями бывшей ГДР и России, что негативно сказывается на обстановке в “новых землях”, и без того переживающих глубокий экономический кризис после присоединения к ФРГ.

Результаты переговоров в целом устраивали Коля (“большой успех”, комментирует он).

* По некоторым данным, ЗГВ принадлежало более 39000 строений на территории бывшей ГДР.

Завершение вывода ЗГВ было передвинуто на 31 августа 1994 г. — ускорение на четыре месяца по сравнению с первоначально установленной датой. (Для Коля было также важно, что эта договоренность достигнута именно с Российской Федерацией, а не с уже несуществующим СССР).

Дополнительные германские выплаты определены в 550 млн. марок. Недвижимость ЗГВ передавалась правительству ФРГ бесплатно.

Немцы согласились на отсрочку до 2000 г. платежей по российской задолженности, составлявшей 17,6 млрд. марок.

Обсуждение вопроса о компенсации жертвам германской оккупации было отложено на будущее.

С российской стороны было подтверждено намерение восстановить автономию немцев Поволжья, для чего сначала там будут созданы “немецкие районы”.

Ельцин согласился с предложением Коля совместно обратиться к бизнесу обеих стран с тех позиций, что “Германия и Россия соседи, они должны быть друзьями и помогать друг другу справляться с возникающими трудностями”.

Было подписано культурное соглашение с его не очень удачной для России формулировкой о возвращении культурных ценностей*.

Коль подытоживает: “Россия и Германия решили практически все военные и финансовые проблемы, проистекающие из развала Советского Союза.

Борис Ельцин и я подписали соответствующее принципиальное заявление” (S. 511–515).

Однако обострение разногласий между Ельциным и Верховным Советом и связанный с ним рост внутривнутриполитической напряженности вызывали опасение, что выполнение договоренностей о выводе ЗГВ может быть вновь поставлено под вопрос.

Это заставило Коля еще раз посетить Москву в марте 1993 г.

В изложении Коля российский президент заявил в беседе с ним, что “за исключением самого Ельцина в России нет ведущих демократических фигур, а есть лишь деятели, однозначно выступающие против демократии, против реформ и против рыночной экономики. [...] В результате может возникнуть ситуация, в которой он как президент будет вынужден принять крайние меры”.

Ельцин подчеркивал, что “его противники спекулируют на том, что «семерка» дает различные обещания, но ничего не делает — за исключением немцев, но и их помощь в последнее время резко сократилась. Если западным странам придется защищаться от реакционной России, то это обойдется им во много миллиардов”.

Коль заверил Ельцина в западной поддержке и пообещал, что он будет приглашен в июле на встречу “семерки” в Токио.

* Эта формулировка (стороны “согласны в том, что пропавшие или незаконно вывезенные культурные ценности, находящиеся на их территории, должны возвращаться владельцам или их наследникам”) была заимствована из текста “Большого договора” от 9 ноября 1990 г. Она давала немцам возможность интерпретировать договорное обязательство в том духе, что ограбление нацистскими зондеркомандами оккупированной территории СССР и действия Советской военной администрации в Германии после войны признаются однотипными актами и подлежат немедленному “исправлению”.

Поскольку же культурной собственности СССР на германской территории нет и куда она передавалась, власти ФРГ не знают и выяснять не намерены, то «исправляться» должен СССР или, соответственно, Россия.

Канцлер вернулся из Москвы с убеждением, которое он постарался передать членам своего правительства: “Если реформы в России потерпят неудачу и вернется «старый» режим, это будет иметь фатальные последствия также и для Германии”.

Однако кабинет остался невосприимчивым к алармистским призывам канцлера, и ему пришлось утешаться тем, что “в период с 1989 по 1993 год мы (ФРГ) выделили более 80 миллиардов марок на процесс реформ в России и других государствах бывшего Советского Союза”.

Единственное, что было сделано после визита Коля, – правительство ФРГ выступило с инициативой скорейшего заключения между Европейским союзом и Россией соглашения о партнерстве и сотрудничестве (S. 537–540).

Во время визита в США в конце марта Коль попытался убедить президента Билла Клинтона в необходимости коллективной западной поддержки главы российской исполнительной власти: “Только в том случае, если Запад поможет Ельцину, у того будет шанс, да и то не на 100%. Если Ельцин будет свергнут, ситуация станет гораздо более сложной и обойдется впоследствии дороже, тем более что тогда состоится возврат к старым структурам”.

Надо что-то предпринимать, продолжал Коль, но возможности Германии действовать в одиночку исчерпаны – “как известно, мы взяли на себя 53% общей помощи странам СНГ”.

Жесты в поддержку Ельцина не обязательно должны стоить много денег: например, 30 университетов США, Великобритании, Франции и Германии могли бы взять шефство над таким же числом университетов в России.

Клинтон подхватил эту мысль и сослался на запрос российского министра иностранных дел А.В.Козырева, с ко-

торым разговаривал неделю назад и который просил, в первую очередь, увеличить число западных советников в России на постоянной основе.

В конечном счете Клинтон пообещал подумать над тем, как использовать саммит “семерки” для поддержки Ельцина (S. 559–561).

В июле 1993 г. в Токио было принято решение об отсрочке платежей по долгам России и о выплате МВФ первой доли предоставленного Москве кредита.

На обратном пути Коль сделал остановку в Иркутске и провел день вместе с Ельциным на берегу Байкала.

Наряду с совместным походом в баню и переходом в общении между собой на “ты” оба государственных деятеля вновь обсуждали вопрос об ускорении вывода тех 150 тыс. солдат ЗГВ, которые еще оставались в Восточной Германии.

Ельцин продолжал настаивать на увеличении германских выплат на эти цели, но Коль отклонил это, как он выразился, “чрезмерное требование” своего русского друга (S. 601–605).

Следующая встреча “друзей” произошла 22 ноября, когда Коль возвращался из поездки в Китай.

Расстрел российского парламента 3 октября не удостоился внимания автора мемуаров, который лишь мимоходом говорит о “попытке переворота национал-коммунистов”.

Коль утверждает, что призвал граждан России “поддержать путь к демократии и рыночной экономике в их стране”, и добавляет: “Будучи убежденным в том, что Ельцин и его команда намерены построить жизнеспособную и мощную демократию, я воздержался от критики проекта российской конституции, которая предусматривала сильную президентскую власть. Я мог только предостеречь каждого на

Западе, кто захотел бы переносить свои масштабы на Москву” (S. 626–627).

К концу 1993 г. стало ясно, что вывод Западной группы войск будет завершен в срок.

Эта проблема переставала висеть камнем на шее Германии, ощущавшей ее как препятствие для своего стремления как можно скорее продемонстрировать миру новые германские потенции.

На саммите НАТО в Брюсселе в начале января 1994 г. при активном участии ФРГ были приняты решения, означавшие укрепление связей между альянсом и Европейским союзом, а также подавшие сигнал бывшим членам Варшавского договора о предстоящем приеме их в Североатлантический блок.

Президент США Клинтон заявил о том, что 100 тыс. американских солдат будут и дальше находиться в Европе. НАТО подтвердила решимость применения ее ВВС для вмешательства в гражданскую войну в Югославии на стороне противников сербов.

Комментируя эти шаги, Коль подчеркивает: “В последнее время мы стали свидетелями того, как вновь вспыхнули и привели к кровавым конфликтам старые очаги напряженности в Европе и на ее периферии.

Бывшая Югославия только один – хотя и самый страшный – пример того, что война не изгнана из Европы” (S. 642–647).

Получалось, что не новые хозяева положения несут вину за возвращение войн на территорию Европы, а “старые очаги напряженности”.

Так начиналась односторонняя перекройка соотношения сил на континенте, готовившая новые линии раздела и новую геостратегическую ситуацию в мире.

О том, что все эти телодвижения имеют своей целью изоляцию России, свидетельствует беседа Коля и Клинтона 18 января на украинскую тему, содержание которой передается в мемуарах следующим образом:

“Коль: Важно сохранить суверенитет [этой] страны и поддерживать Украину. Нельзя концентрироваться только на Москве, у Украины также есть достоинство, честь, которые нужно уважать.

Клинтон согласился.

Если указанная мной тенденция потерпит поражение и Украина чего доброго вернется к России, то развалится вся теория, на которой базируются решения саммита НАТО.

Украина является ключом к развитию обстановки в Центральной и Восточной Европе.

В ходе своей встречи в Праге с лидерами центральноевропейских стран он открыто говорил на эту тему...” (S. 653).

В условиях, когда Коль не собирался более поддерживать “друга Бориса” иначе, как вербально, следовало как можно более интенсивно убажывать его лично.

Этой цели служил официальный визит Ельцина в ФРГ (11–13 мая 1994 г.).

Помимо туристических удовольствий вновь обсуждался вопрос о завершении вывода войск ЗГВ, но уже в протокольном плане – как будет обставлена церемония прощания с последними покидающими ФРГ солдатами. Договорились, что в случае возникновения трудностей решать их будут на высшем уровне.

О прочих моментах содержательной части визита Коль сообщает лишь, что были достигнуты договоренности о “возвращении культурных ценностей, вывезенных обеими сторонами во время войны” и “создании совместной комиссии, которая должна изучать новейшую историю германо-российских отношений”.

По последнему вопросу экс-канцлер разъясняет: "Если мы со всей откровенностью займемся историческими фактами, то мы скорее сможем залечить раны, нанесенные нами друг другу".

В остальном Коль по-прежнему говорил о том, что Россия должна "играть свою ответственную роль в рамках общеевропейского государственного порядка", условием чего ФРГ ("мы и наши западные партнеры") считает ее "конструктивное участие в урегулировании европейских и международных кризисов" (S. 669–671).

По-видимому Запад был доволен поведением ельцинской России, поскольку на саммите "семерки" (8–9 июля в Неаполе) российский президент участвовал уже и в политической части переговоров.

По этому поводу Коль с удовлетворением отмечает: "Теперь из «семерки» получилась фактически «восьмерка»" (S. 698).

31 августа 1994 г. наступил, наконец, долгожданный для Коля день, когда германскую столицу покидала Берлинская бригада, последнее из остававшихся в ФРГ подразделений Западной группы войск*.

Коль замечает, что был "более чем счастлив" в связи с этим событием. Отметить его прибыл в Берлин и Ельцин.

Праздничное настроение руководителей обеих стран чуть было не испортил тот факт, что обещанная немцами многомиллиардная программа строительства жилья для возвращавшихся из Германии солдат оказалась невыполненной.

Коль сообщает: "Все было хорошо запланировано и пущено в ход, и все же ненадежность турецких субподрядчиков, которые должны были постро-

ить новые жилища, привела к возникновению неожиданных проблем. План не выполнялся, и русские стали выдвигать новые денежные претензии.

В беседе с глазу на глаз с Ельциным [...] я мог лишь с сожалением сообщить ему, что не в состоянии выделить больше ни пфеннига на дополнительные требования. Мы однозначно стали разрушителем договора, так как наш немецкий генеральный подрядчик жилого строительства в России не мог ссылаться на несостоятельность субподрядчика.

С пустыми руками и с четким сознанием нашего провала я мог лишь просить моего друга Бориса о снисхождении. И что же сделал этот властный человек после возбужденной дискуссии между экспертами с обеих сторон?

К всеобщему изумлению, в первую очередь своих собственных людей, Ельцин сказал: «Россия не выдвинет требований к Федеративной Республике. Я не причину затруднений федеральному канцлеру».

Тем самым для германской стороны с этой проблемой было покончено. А ведь у России были все основания затянуть вывод войск на годы".

Экс-канцлер добавляет: "Как [русские] справились с ситуацией несмотря на отсутствие жилья, я не могу себе представить. Пострадавшими были бесспорно солдаты..." (S. 717–718).

Повествование о проходах Берлинской бригады Коль сопровождает своеобразным экскурсом в область философии истории, который дополнительно проливает яркий свет на его (и многих немцев), мягко говоря, своеобразные представления о русских и их месте в европейской цивилизации.

*Последние 30 офицеров ЗГВ вылетели с аэродрома Шенефельд 9 сентября 1994 г.

Он пишет: “Обращая ныне свой взгляд в будущее, мы должны постоянно помнить о всей истории, о ее светлых страницах, но также и о ее темных главах.

Мы не забываем о германском нападении на Советский Союз 22 июня 1941 года.

Немцами и от имени немцев русскому народу причинены страшные страдания. Ужасная война стоила стране много миллионов жертв.

Мы не хотим и не имеем права забывать об этом – равно как мы не имеем права забывать о том, что было затем причинено немцам в ходе реванша.

Все это нельзя ни вытеснять из сознания, ни производить взаимный зачет, мы должны извлечь из этого уроки” (S. 720).

Ни слова о войне на уничтожение мирного населения, которую вела нацистская Германия на Востоке, о беспримерном подвиге советского народа, взвалившего на свои плечи главную тяжесть борьбы с агрессором и внесшего главный вклад в Победу, об освободительной миссии Советской армии, о дружбе советских солдат и населения ГДР!

Разгром нацистской Германии объявляется “реваншем”...

С этим экскурсом стоит сопоставить комментарий экс-канцлера к уходу из Берлина гарнизонов трех западных держав, состоявшемуся 8 сентября 1994 г. (западные державы не захотели общей с ЗГВ церемонии прощания со столицей Германии).

Вот что пишет Коль по данному поводу: “Продолжавшееся десятилетиями присутствие трех держав в Берлине доказывало миру, что мы никогда не примиримся с расколом Германии и Европы.

Никто не забудет, по какой причине [западные] союзники пришли в Германию и в Берлин.

Они пришли в конце войны, развязанной преступной германской диктатурой, они пришли как победители над насилием и бесправием.

Что стало бы с Германией и Европой, если бы они не противопоставили бы тирану военную силу?” (S. 723).

Именно такой однобокой интерпретацией новейшей истории объясняется типичность для Германии курьезного случая в одной из западноберлинских школ, когда ученик на вопрос, на какие 4 сектора был поделен Берлин в 1945 г., ответил: на американский, английский, французский и турецкий.

Мемуары – весьма специфический литературный жанр, мемуары политических деятелей тем более.

Чтобы книга воспоминаний читалась с интересом, нужен недюжинный талант рассказчика, умеющего раскрыть горизонты происходившего, выделить главное и масштабное из того, что он видел и делал, увлекательно преподнести даже то, что читателю уже известно.

Мемуары Гельмута Коля однозначно не относятся к такой категории.

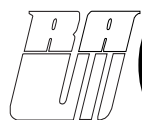
Их отличает серость языка, бесконечные повторы, надоедливое изрекание азбучных истин, очень узкий угол зрения на события, отнюдь не впечатляющий интеллектуальный уровень.

Диву даешься, как с подобными данными Коль смог поразительно долго (1982–1998 гг.) продержаться у власти в важнейшей западноевропейской стране, да еще обводить вокруг пальца лидеров мировых держав! Видимо, качества этих лидеров были не намного выше его собственных.

В то же время для российских историков мемуары Коля, несмотря на все их слабые стороны, являются *кладезем оценок “с другой стороны”* по важнейшим аспектам противоречивого и болезненного процесса выталкивания (и ухода) нашей страны с позиций мировой державы. Они лишний раз доказывают, что успеха добивается лишь тот политик, который ни на секунду не забывает об интересах ведомой им нации и использует все средства для достижения четко сформулированной цели.

Градация приоритетов для Коля никогда не менялась: на первом месте стояло преуспеяние ФРГ, на втором – благо Запада (прежде всего США) в том виде, как Коль его понимал.

Забота об интересах России никогда не входила в круг его задач, скорее наоборот: об “оси Берлин-Москва” он и не помышлял, но охотно поддерживал иллюзии на сей счет.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

***На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:***

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2008 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2008 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Кредитно-банковская система России в период буржуазной модернизации*

Елена Илларионова,
кандидат исторических наук

Реформы середины XIX столетия положили начало буржуазной модернизации России по западному образцу. Перед страной стояла проблема коренного обновления и усовершенствования важнейших сфер общественной жизни, перехода к индустриальному обществу такого типа, который уже утвердился в передовых странах Европы и Северной Америке.

Осуществляя вариант догоняющей модернизации, Россия должна была решить комплекс задач. В сфере народного хозяйства речь шла о “переводе России на рельсы капиталистического предпринимательства”¹. Однако экономическая и политическая отсталость страны, низкий уровень культуры населения оставались серьезной преградой на пути капиталистического развития.

В силу особенностей обществ второго эшелона, к которым относилась Россия, модернизация встречалась здесь с особыми препятствиями. Догоняющий характер развития порождал скачкообразность, диспропорции.

Процесс капиталистического развития форсировался, что приводило к значительному социальному напряжению, общественным противоречиям и конфликтам.

Особенностью российской модернизации был ее “верхушечный” характер.

Основной силой, обеспечивающей развитие общества по капиталистическому пути, было государство. Однако будучи по своему социальному происхождению и социальным симпатиям силой далеко не буржуазной, оно не способно было к последовательным шагам. Процесс модернизации шел с хроническим отставанием и запозданием по отношению к требованиям времени, затягивался.

Осуществляя модернизацию, власть одновременно стремилась к расширению своих прерогатив, к сохранению полноты самодержавия, не желая делать уступок конституционным настроениям.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2007. № 12.

Тем не менее, процесс превращения России в капиталистическую страну после отмены крепостного права шел достаточно быстро. Формирование современной инфраструктуры (в первую очередь строительство железнодорожной сети), капиталистической кредитно-банковской системы (учреждение государственных, акционерных, муниципальных банков, обществ взаимного кредита, банкирских домов и других структур с банковскими функциями) обеспечивали необходимые условия для развития капитализма.

Как же шел процесс становления кредитно-банковской системы Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв.?

Как функционировала эта система?

Сложное экономическое положение страны к концу 50-х годов XIX в. требовало серьезных экономических преобразований, которые позволили бы оздоровить хозяйственную жизнь, мобилизовать финансовые ресурсы для промышленного развития, раскрепостить частную инициативу, привлечь капиталы из-за границы. Созванная в 1859 г. специальная комиссия для обсуждения мер по усовершенствованию банковской и денежной системы решительно высказалась за переход от системы казенных банков к системе частных кредитных учреждений, способных придать ускорение развитию промышленности и торговли.

Экономические преобразования начались с упорядочения государственных финансов:

- учреждение Государственного банка в мае 1860 г.;

- сосредоточение всех средств казны в руках министерства финансов (обеспечение бюджетного и кассового единства) в 1862 г.;

- начало публикации государственной росписи доходов и расходов (бюджета) в открытой печати в том же 1862 г.;

- проверка исполнения бюджета органами государственного контроля.

Финансовые реформы, частично проведенные до отмены крепостного права, призваны были обеспечить соответствие государственных финансов и государственных кредитных учрежде-

ний потребностям развития капиталистической промышленности и торговли. Особая роль в решении этих проблем отводилась Государственному банку.

Государственный банк с основным капиталом в 15 млн. руб. был учрежден для развития и оживления торговли, упрочения денежного обращения, регулирования финансово-кредитной системы. Ему предстояло также осуществлять ликвидацию старых кредитных учреждений.

Реализация поставленных задач требовала самостоятельности и значительных ресурсов. Однако Государственный банк не получил ни самостоятельности, ни средств, ни эмиссионного права². Он не мог вести чисто банковской политики и, будучи подчиненным министерству финансов, должен был выполнять финансовые поручения правительства.

Для выполнения уставных задач Госбанк получил право проводить ряд коммерческих операций: учет векселей и других срочных бумаг, покупку и продажу золота и серебра, получение платежей за счет доверителей, прием вкладов на хранение, на текущие счета и на обращение из процентов, выдачу ссуд (кроме ипотечных), покупку и продажу ценных бумаг за свой собственный счет и за счет доверителей и т.д.

Серьезным препятствием при реализации этих коммерческих операций было:

- отсутствие необходимого количества банковских отделений;

– отвлечение финансовым ведомством средств банка на выполнение поручений, никак не связанных с его уставными задачами;

– ограничения, заложенные в Уставе Госбанка.

В этих условиях Государственный банк в течение первых десятилетий своего существования вынужден был прибегать к поиску вкладчиков, к собиранию свободных капиталов на денежном рынке, к работе в качестве коммерческого банка, конкурируя с частными банками.

Однако и в этот период министерство финансов использовало ресурсы Госбанка для финансирования промышленных и торговых предприятий, а главное – для кредитования учредительства частных и акционерных банков, созданию которых был дан “зеленый свет”.

С годами положение Государственного банка менялось. Постепенно пополнялись его ресурсы за счет:

– увеличения основного капитала;

– завершения процесса ликвидации старых казенных банков, требовавших значительных затрат;

– погашения государственного долга банку.

В результате реформы денежного обращения, которая была проведена в 1895–1897 гг. министром финансов С.Ю.Витте, но в значительной степени подготовлена усилиями его предшественников на этом посту – М.Х.Рейтерна, Н.Х.Бунге, И.А.Вышнеградского, в стране были введены золотое обращение (золотой мономентализм); золотой эквивалент рубля на основе девальвации кредитного рубля на $\frac{1}{3}$; размен рубля на золото, исходя из сложившегося курсового соотношения (рубли кредитный – $66\frac{2}{3}$ копейки золотом), способствовавшие стабилизации отечественной денежной единицы.

Государственный банк превратился и в эмиссионное учреждение (ему было предоставлено право выпуска банкнот – кредитных билетов). Законодательно были установлены основания для эмиссии кредитных билетов. Государственный банк обязывался выпускать дензнаки в соответствии с потребностями денежного обращения, но непременно под обеспечение золотом, не менее чем в половине суммы, пока общий размер эмиссии не достигнет 600 млн. руб. Сверх этой нормы кредитные билеты должны обеспечиваться в пропорции рубль за рубль³.

Эмиссионный закон в России был жестким: он требовал постоянно большого запаса золота для обеспечения находившихся в обращении кредитных билетов⁴.

Однако превращение Государственного банка в эмиссионный не принесло ему самостоятельности: он по-прежнему остался в полной зависимости от министра финансов.

Тем не менее, рост ресурсов Государственного банка, получение им эмиссионного права способствовали изменению его положения на денежном рынке, что предопределило сдвиг в характере его деятельности. Он уже в меньшей степени занимался “собиранием свободных капиталов”, содействуя притоку их в частные банки, и чисто коммерческой деятельностью (наращиванием своих собственных активных операций), а все большую долю своих ресурсов передавал частным банкам в виде прямой поддержки, переучета их обязательств, кредитов по специальным текущим счетам под векселя и процентные бумаги.

По существу Госбанк шел тем же путем, что и центральные банки европейских стран, которые становились “банками банков”, представляли собой резерв кредитной системы.

Как подчеркивал М.И.Боголепов, Государственный банк России медленно, но верными шагами шел к обычному типу центрального эмиссионного банка⁵.

Правда, процесс превращения Госбанка в “банк банков” в конце XIX – начале XX в. не завершился, поэтому Государственный банк одновременно являлся и ведущим коммерческим банком и центральным банком, то есть “банком банков” – опорой российской системы коммерческого кредита.

И в 90-е годы XIX в., и в первые годы XX в. Государственный банк с сетью выросших филиалов и государственных сберегательных касс широко использовался правительством для мобилизации всех средств на финансирование индустриального развития страны.

В период промышленного подъема 90-х годов XIX в. Государственный банк выдавал крупные ссуды различным предприятиям тяжелой промышленности, особенно после проведенной в 1894 г. реформы Государственного банка, когда было легализовано право предоставления частным компаниям займов в размере 0,5 млн. руб.

В период кризиса 1900–1903 гг. резко возросла роль государственных кредитов промышленным компаниям (антикризисное финансирование).

При этом крупные государственные кредиты и государственные заказы обеспечили новый подъем русской промышленности в 1910–1913 гг., когда темпы ее роста оказались выше мировых.

Накануне Первой мировой войны Россия вместе с США, Германией, Англией, Францией входила в пятерку наиболее развитых стран.

С 1895 по 1913 гг. кредиты из Государственного банка частным учреждениям коммерческого кредита возросли с 287 млн. до 3533 млн. руб. или более чем в 12 раз⁶.

Модернизация в России шла неравномерно.

Сохранившиеся после реформы 1861 г. помещичье землевладение и общинный уклад сдерживали развитие капиталистических отношений в аграрном секторе. Переход помещичьих хозяйств в буржуазные шел медленно и трудно. Прикрепление к общине, круговая порука, малоземелье тормозили формирование слоя крестьян-собственников земли. Община же нищала и деградировала.

Правительство отчетливо осознавало очевидную необходимость оказания государственной поддержки сельскому хозяйству за счет организации долгосрочного кредита. Для борьбы с малоземельем крестьян, с их постепенным разорением по инициативе министра финансов Н.Х.Бунге (в 1882 г.) был учрежден *Крестьянский поземельный банк*. (Его создание положило начало организации государственного ипотечного кредита).

Основной задачей вновь созданного банка было содействие росту крестьянского землевладения за счет выдачи ссуд крестьянским обществам и товариществам, а позже – отдельным крестьянам для покупки частновладельческой земли.

В начале своей деятельности банк осуществлял лишь посредничество между крестьянами, желающими приобрести землю, и землевладельцами, но затем по новому уставу, принятому в 1895 г., он получил право покупать земли за счет собственного капитала и перепродавать их крестьянам, что способствовало более быстрым темпам роста крестьянского землевладения.

Ссуды Крестьянского банка выдавались под залог наделной земли $5\frac{1}{2}$ -процентными закладными листами (государственными свидетельствами Крестьянского банка), выпускавшимися им под гарантией государства достоинством в 100, 500,

1000 руб. При этом ежегодно с заемщиков взыскивалось $5\frac{1}{2}\%$ интереса, 2% погашения на срок в $24\frac{1}{2}$ года и 1% при погашении в течение $34\frac{1}{2}$ лет и 1% на составление запасного капитала и на содержание банка⁷.

В течение ряда лет ссуда банка не должна была превышать 75% оценки земли, и крестьянам, прибегавшим к помощи банка, приходилось доплачивать землевладельцу из собственных средств, что могли позволить себе лишь зажиточные крестьяне.

В дальнейшем, в период реализации аграрной реформы П.А.Столыпина, целью которой являлось создание фермерских хозяйств, Крестьянский поземельный банк, активно участвуя в осуществлении правительственного курса, начал:

- выдавать крестьянам ссуды в размере 100% оценки земли;
- широко приобретать земли для последующей продажи крестьянам;
- продавать земли крестьянам по льготным ценам, а с 1908 г. исключительно в единоличную собственность⁸.

С годами значительно вырос и срок, на который предоставлялась ссуда.

Если в начальный период деятельности банка самый продолжительный срок ссуды составлял 36 лет 7 месяцев, то в период реализации аграрной программы П.А.Столыпина он был увеличен до 51 года и 9 месяцев.

Целенаправленная деятельность банка создавала условия для развития частного мелкого аграрного хозяйства.

В пореформенный период экономическая роль поместного дворянства – главной опоры самодержавного режима – постепенно снижалась. Потомственные дворяне-землевладельцы были недовольны своим положением: постоянно жаловались на “оскудение” и недостаточную поддержку со стороны правительства. Для оказания помо-

щи “благородному сословию” в 1885 г. (год столетия издания Жалованной грамоты дворянству) государством был учрежден *Дворянский банк*, основной задачей которого было поддержание долгосрочными ссудами на самых льготных условиях дворянского землевладения.

Робкие попытки связать выдачу кредита с необходимостью проживания дворянина-землевладельца в своем имении, рачительного отношения к земле, рационального ведения хозяйства были решительно пресечены, и право пользования кредитом было предоставлено всем дворянам-землевладельцам без исключения.

Кредит предоставлялся под залог земельной собственности 5% закладными листами. При этом процент по ссудам для дворян был ниже, чем для крестьян; срок, на который выдавалась ссуда, постоянно увеличивался и был доведен до 67 лет.

По существу правительство субсидировало помещиков, продолжая традиции дореформенного периода.

Дворянский банк не способствовал капитализации сельского хозяйства, и его учреждение скорее следует связывать с начавшимися контрреформами 80-х – 90-х годов, проведенными в период царствования Александра III (1881–1894 гг.), в основе политики которого лежала идея укрепления самодержавной власти с помощью развития национальной промышленности.

Государственный банк России (особенно в течение первых лет своего существования) не мог удовлетворить растущих потребностей быстро развивающейся промышленности и торговли в кредитных ресурсах, поэтому вслед за его учреждением начали возникать частные кредитные учреждения.

Одной из форм организации частного капитала в России стали *акцио-*

нерные банки, способные аккумулировать громадные капиталы. Острая потребность в “работающем капитале” побудила правительство разрешить акционирование банковского дела, в результате чего и начали возникать акционерные банки и краткосрочного коммерческого кредита, и долгосрочного земельного.

Первый акционерный банк (им стал *С.-Петербургский частный коммерческий банк*) был учрежден в 1864 г.

Его учредителями стали председатель петербургского биржевого комитета Е.Е.Брандт (именно ему принадлежала главная роль в организации банка), барон Л.Гауф, коммерции советник Г.Елисеев, представитель торгового дома “Асмус Симонсен и К^о” Ф.Мори, купец 1-й гильдии Э.Козалет, коммерции советник Р.Клеменц.

Банку была оказана серьезная поддержка и министерством финансов, и Госбанком, который приобрел акций нового банка на 1 млн. руб. (1/5 складочного капитала), причем Госбанк на 10 лет отказался от дивиденда в пользу акционеров, если дивиденд не превышает 5%, но за это пользовался в течение всего этого 10-летнего периода правом иметь своего представителя в составе правления банка⁹.

Рождение этого банка положило начало возникновению ряда петербургских банков, капиталы которых в основном были заняты в промышленном учредительстве. (Банки приобретали акции предприятий, а затем размещали их среди держателей, в результате чего были основаны или расширены многие крупные предприятия).

Через год после открытия операций первым акционерным банком северной столицы в Москве по инициативе В.А.Кокорева был учрежден *Московский купеческий акционерный банк*.

Среди его учредителей были известные представители деловых кругов

Москвы – председатель Московского биржевого комитета И.А.Лямин, хозяин хлопчатобумажного предприятия в Подмоскowie С.П.Малютин, владелец Николаевской мануфактуры Т.С.Морозов, владелец Костромской льняной мануфактуры П.М.Третьяков и многие другие.

Учреждение этого банка положило начало созданию сети частных акционерных банков Москвы, имевших в основном промышленную ориентацию. Они кредитовали промышленные предприятия под залог материальных ценностей.

Процесс учреждения акционерных банков носил неравномерный характер.

До 1870 г. он шел медленно: открылось всего 6 банков, но уже к середине 70-х годов их число увеличилось до 39. В результате центр тяжести кредитования промышленности и торговли был смещен в сторону акционерных банков.

И если в 1875 г. основной капитал Госбанка составлял 21 млн. руб., то капиталы частных акционерных банков – 105,7 млн.¹⁰.

По размерам основного капитала лидировали такие банки, как Русский банк для внешней торговли, Русско-Азиатский, Азовско-Донской коммерческий и др.

Акционерные коммерческие банки проводили учетные операции, операции по открытию текущих счетов, выдаче ссуд под залог ценных бумаг, товаров и товарных документов, покупке и продаже ценных бумаг.

В течение 1871–1873 гг. было учреждено 11 *акционерных земельных банков* (после краха Саратовско-Симбирского банка их число сократилось до 10).

Частные акционерные земельные банки, положившие начало формированию системы ипотечного кредита, получили право вести операции с землей, находившейся в частной собственности. Они выдавали ссуды 6% закладными листами, реализуемыми на бир-

же, под залог земли и городской недвижимости; занимались продажей заложённых и просроченных дворянских имений. Ссуды под залог земли выдавались на срок в 43 года 6 месяцев, под залог городских строений – на 18 лет 7 месяцев.

Возникновение большого числа акционерных банков вызвало необходимость государственной регламентации их деятельности.

Закон 1872 г. установил порядок их учреждения, необходимый размер складочного капитала, нормативное соотношение суммы обязательств банка к его собственным капиталам, допустимую сумму банковского кредита и т.д. (В дальнейшем в связи с многочисленными случаями злоупотреблений на уровне банковского руководства, волной банковских банкротств регламентирующие нормы ужесточались).

Успех первых акционерных банков вызвал их ускоренный рост, сопровождавшийся острой конкуренцией между ними.

Для того чтобы превзойти конкурентов, привлечь новых вкладчиков, банки начинали повышать процент по текущим счетам и вкладам, активно включались в биржевую игру и занимались биржевыми спекуляциями.

Общий экономический спад второй половины 70-х годов, а главное крах в 1875 г. Московского ссудного коммерческого банка, занимавшегося спекулятивной игрой на фондовом рынке, запутавшегося в аферах ловкого дельца из Германии – Струссберга, привели к сокращению числа акционерных коммерческих банков, резкому оттоку капиталов из них, новым банкротствам. Потребовалась серьезная помощь государства для прекращения “бегства капиталов” из частных банков, восстановления доверия к банковским учреждениям.

В период экономической депрессии 80-х годов рост акционерных банков был незначительным. И только промышленный подъем 90-х годов вызвал новый рост их числа, сопровождающийся концентрацией банковских капиталов, усилением связи российских банков с заграничными банками.

Мощные акционерные банки создавали сети своих филиалов и отделений по всей стране.

К началу Первой мировой войны в России насчитывалось 50 коммерческих банков, которым принадлежало 800 отделений и филиалов. Из скромных посредников в развитии промышленности и торговли акционерные банки превратились в крупнейшие финансовые центры страны.

Лидирующее положение в системе коммерческих банков занимали петербургские банки, центр тяжести в деятельности которых в годы промышленного подъема 90-х годов сместился в сторону финансирования промышленности и торговли.

Развитие монополистического капитализма в России в первые годы XX столетия, катализатором которого стал экономический кризис 1900–1903 гг., вызвало дальнейшую концентрацию банковских капиталов, почти устраняющую взаимную конкуренцию банков; заключение банковских соглашений о совместной деятельности в общих интересах; возникновение синдикатов, превращавшихся во всеильных монополистов денежного рынка.

Крупнейшими банковскими монополиями России стали Русско-Азиатский банк, Петербургский международный, Русский для внешней торговли, Азовско-Донской и Русский торгово-промышленный. Эти 5 банков имели 360 млн. руб. собственных средств или 42,6% общего капитала 50 акционерных банков¹¹.

В начале XX в. шел процесс усиленного и целенаправленного проникнове-

ния банковского капитала в сферу промышленного производства, подчинения банкам не только отдельных предприятий, но и целых отраслей промышленного производства, создания мощных финансово-промышленных групп, во главе которых стояли крупнейшие представители делового мира России, являющиеся одновременно и руководителями банков, и руководителями промышленных объединений.

Создание акционерных коммерческих банков в значительной степени было подготовлено деятельностью банкирских домов – частных кредитных учреждений, не имеющих утвержденных правительством уставов и не подконтрольных правительству.

Уже в дореформенный период эти дома играли важную роль в экономической и финансовой жизни страны, что предопределило не только их дальнейший рост, но занятие ими доминирующего положения на денежном рынке в 60–70-е годы XIX в.

Интенсивное накопление частного или семейного капитала в торговле, на винных откупах, в железнодорожном учредительстве побуждало его владельцев к занятию банкирской деятельностью. В результате возникали новые *банкирские дома и конторы*, которые иногда действовали и в форме торговых домов.

Банкирские дома в пореформенный период принимали активное участие в учреждении железнодорожных и страховых компаний, промышленных предприятий, коммерческих и земельных акционерных банков. Широкие деловые связи с зарубежными банкирскими домами позволяли им привлекать к банковскому учредительству своих иностранных партнеров, эффективно заниматься размещением государственных займов за границей.

Их вклад в экономическое развитие, в развитие кредитных отношений можно было бы оценить весьма высоко, если бы не многочисленные скандалы (финансовые аферы, растраты, спекуляции), которые были связаны с деятельностью даже самых известных банкирских домов – “И.Е.Гинцбург”, братьев Поляковых.

С созданием крупных акционерных коммерческих банков, началом концентрации и централизации банковского дела деятельность банкирских домов не прекратилась, но претерпела изменения.

В годы предвоенного экономического подъема, подчеркивает Б.В.Ананьич, сходят со сцены крупные банкирские дома, возникшие в начале 60-х годов XIX в.; рушится империя Поляковых; падает влияние Гинцбургов; ряд влиятельных банкирских домов превращается в акционерные банки (Вавельберг, Юнкер, Рябушинские); появляется группа новых влиятельных банкирских домов (“Братья Джамгаровы”, “Захарий Жданов”, “Кафталъ, Гендельман и К°”, “Г.Лесин”; возникает большое количество провинциальных банкирских заведений¹².

Одной из форм частных кредитных учреждений помимо акционерных банков были и *общества взаимного кредита*, которые обеспечивали потребность в кредите многочисленной армии средних и мелких предпринимателей. Члены этих обществ были связаны круговой ответственностью; их заемщики одновременно являлись и вкладчиками. К началу XX в. в стране насчитывалось более 1000 обществ заемщиков.

Собственные кредитные учреждения при местных городских думах создавали и русские города.

Получив право приема вкладов, учета векселей, выдачи ссуд под залог процентных бумаг, товаров, драгоценных вещей, городской недвижимости, они активно поддерживали промыш-

ленную и торговую деятельность горожан, полученную прибыль использовали для благоустройства городов. В течение первого пореформенного десятилетия было открыто около 180 городских общественных банков.

Достаточно быстро шел процесс создания и учреждений мелкого кредита – *кредитных, ссудно-сберегательных и ссудных товариществ*, оказывавших кредитную помощь “сельским хозяйствам”.

Многоуровневая кредитно-банковская система, сложившаяся в России во второй половине XIX – начале XX в., “активно работала на буржуазную модернизацию страны”, способствовала ускорению развития всей экономики, значительно повышению темпов индустриализации. Поощряя частную инициативу в банковском деле, как и в других сферах предпринимательской деятельности, государство сохраняло контроль за экономической жизнью страны, широко использовало механизмы государственного регулирования экономики (государственный капитализм).

Сохранение сильных позиций государства в банковской системе капиталистической России позволило заимствовать опыт кредитных учреждений XVIII – первой половины XIX в., обогащая и приумножая его.

Проблема преемственности исторического опыта актуальна и сегодня.

Переход к рыночной экономике в современной России, сопровождающийся значительным возрастанием роли банков, позволяет увидеть не только специфические особенности формирования банковского дела, но и характерные черты, воспринятые банковским предпринимательством из исторического прошлого.

Примечания

- ¹ *Фурсенко А.А.* С.Ю. Витте и экономическое развитие России в конце XIX – начале XX в. // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 3.
- ² *Идельсон В.Р.* Кредит, банки и биржа. СПб., 1912. С. 200.
- ³ История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996. С. 523.
- ⁴ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 72.
- ⁵ *Боголепов М.И.* Государственный банк и коммерческий кредит // Банковская энциклопедия / Под ред. Л.Н. Яснопольского. Киев, 1914. Т. 1. С. 301.
- ⁶ *Бовыкин В.И., Петров Ю.А.* Коммерческие банки Российской империи. М., 1994. С. 39.
- ⁷ *Мигулин П.П.* Наша банковская политика (1729 – 1903 гг.). Харьков, 1904. С. 130–131.
- ⁸ История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000. С. 33.
- ⁹ *Гурьев А.* Очерки развития кредитных отношений в России СПб., 1904. С. 60–61.
- ¹⁰ *Боголепов М.И.* Биржи и банки // Банковская энциклопедия. Под ред. Л.Н. Яснопольского. Т. 2. Киев, 1916. С. 293.
- ¹¹ Новейшая истории Отечества XX века. Т. 1. М., 1999. С. 49.
- ¹² *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России (1860–1914 гг.). Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 151.

Трансформация органов судебной власти в советский период

Дмитрий Фетищев,
кандидат политических наук

Основы советской судебной системы были заложены сразу после октябрьских событий 1917 г. Согласно декрету II Всероссийского съезда Советов, в качестве центрального органа судебного управления создается Наркомат юстиции РСФСР.

Он осуществлял надзор за исполнением законов с правом опротестования незаконных постановлений и решений исполнительной власти, мог привлекать к уголовной ответственности нарушителей закона, надзирал и руководил расследованием дел, мог требовать пересмотра приговоров и решений судов, осуществлял надзор за законностью и правильностью содержания заключенных под стражей и через тюремно-карательный отдел осуществлял управление местами заключения.

На местах представителями наркомата были комиссары юстиции, которые избирались местными Советами и фактически являлись местными органами судебного управления.

Декрет “О суде” № 1 был подписан В.И. Лениным 22 ноября 1917 г.

Надо заметить, что левые эсеры не были ярыми сторонниками старого суда. По их мнению, “новое, освобожденное народное сознание не может мириться с устарелыми формами отправления правосудия”¹, и невозможно использовать дореволюционное законодательство, которое “не отвечает ни пониманию, ни требованиям, ни сознанию народа”¹.

Однако полностью отказаться от всех институтов дореволюционной судебной системы они не считали нужным.

Левые эсеры предлагали упразднить лишь отдельные судебные структуры,

такие как сенат, судебные палаты, военный суд и др. Но предлагали оставить в неприкосновенности мировой суд, кадровый состав которого был существенно обновлен и пользовался доверием народа.

Кстати, в окончательном варианте декрета “О суде” № 1 в ст. 2 было сказано, что мировые судьи не лишаются права “при изъятии ими на то согласия быть избранными в местные судьи, как временно советами, так и окончательно на демократических выборах”.

Большевики считали необходимым упразднить все судебные органы и отстаивали идею о создании единого местного суда, который бы состоял из тру-

дящихся и рассматривал в качестве суда первой инстанции все без исключения уголовные и гражданские дела. Левые эсеры, исходя из сложившейся ситуации в стране, которая характеризовалась разгулом преступности, настаивали на создании окружных судов, которые должны были рассматривать более сложные категории дел.

Декретом “О суде” № 1 помимо единого местного суда были созданы революционные трибуналы.

Цель их создания определена в ст. 8: “Для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев и промышленников, чиновников и прочих лиц учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы, в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими советами Р.С. и Кр. Депутатов”.

Судя по всему, В.И. Ленин изначально не видел разницы между трибуналами и обычными судами, хотя, видимо, именно трибуналы представлялись ему настоящими “пролетарскими” судами. Но он был единственным, кто придерживался этой точки зрения.

П.И. Стучка утверждал, что революционный трибунал “не есть суд над политическими преступниками, но является особой организацией борьбы против контрреволюционных сил”².

Д.И. Курский считал, что трибунал является органом “политической борьбы”.

Для Н.В. Крыленко трибуналы являлись “орудием расправы”, органом “самообороны революции”, призванными также бороться и с уголовной преступностью.

Один из авторов декрета № 1 М.А. Рейснер писал: “...Трибуналы были созданы именно в целях применения «мер насилия». Здесь было не до права и не до его толкования... Трибуналы не суть обычные

народные суды, но чрезвычайные органы, которые и работают при помощи различных чрезвычайных вспомогательных учреждений, вроде Чрезвычайной Комиссии”³.

Таким образом, большинство юристов считало, что суд является органом правосудия, а трибунал – орган политической расправы, где проблема вины, доказательств не имеет никакого значения, уступая место политической целесообразности.

Но к концу Гражданской войны уже никто не видел разницы между судом и трибуналом. Отчасти это стало возможным благодаря законодательной регламентации деятельности трибуналов, что придало им судебную форму.

Заседания трибунала были публичны, дела рассматривались в присутствии обвиняемых.

Трибунал единолично решал вопрос о вызове (или невызове) того или иного свидетеля, равно как о допущении или недопущении защиты и обвинения. Приговоры трибунала не подлежали обжалованию в апелляционном порядке, и ограничивалась возможность кассации. Приговор о расстреле приводился в исполнение по истечении 72 часов с момента направления в Верховный революционный трибунал при ВЦИК сообщения о его вынесении и если не поступало распоряжения о приостановке приговора.

Параллельно с этим президиумы губернских исполкомов были наделены правом не пропускать “кассационные жалобы или ходатайства осужденных о помиловании по делам, по коим вынесен приговор к расстрелу”⁴.

После упразднения органов ВЧК (1922 г.) трибуналы стали обладать правом производства бессудных расстрелов и правом заключать в концлагеря сроком до пяти лет лиц, ведущих паразитический образ жизни, и нарушителей трудовой дисциплины⁵.

В марте и в июле 1918 г. были изданы декрет “О суде” № 2 и декрет “О суде” № 3.

По декрету № 2 были учреждены окружные народные суды, которые рассматривали дела, превышающие подсудность местного суда. Они действовали только как суды первой инстанции. В качестве же кассационной инстанции для местных судов продолжали существовать учрежденные декретом № 1 уездные (столичные) съезды (советы) местных судей.

Первый Всероссийский съезд комиссаров юстиции (апрель 1918 г.) указал на временный характер окружных судов, пока не будут окончены дела, находящиеся в производстве в старых судах.

Декретом № 3 было проведено разграничение подсудности дел между местными и окружными народными судами.

На местные народные суды было возложено рассмотрение большинства мелких гражданских и уголовных дел.

Дела о посягательствах на человеческую жизнь, об изнасиловании, разбое, бандитизме, подделке денежных знаков, взяточничестве и спекуляции подлежали рассмотрению окружными народными судами.

Кассационной инстанцией для дел, рассмотренных в местных народных судах, был сохранен уездный, а в столицах – столичный съезд местных народных судей.

Положение о едином народном суде было издано 30 ноября 1918 г. Оно упраздняло окружные суды, оставив в качестве судебных звеньев народный суд, советы (съезды) народных судей в качестве кассационной инстанции для приговоров и решений народных судов и революционные трибуналы.

В связи с окончанием Гражданской войны и переходом к НЭП потребовалось проведение судебной реформы.

Начало судебной реформы было положено изданием Положения об адвокатуре (6 мая 1922 г.) и Положения о прокуратуре (28 мая 1922 г.).

Первоначальные проекты судебной реформы, предложенные наркоматом юстиции и Д.И.Курским, сводились к постепенной ликвидации системы трибуналов и сохранению народного суда в качестве единственного судебного органа. Однако такой суд не отвечал централизаторской тенденции власти, и проект судебной реформы, который также предполагал создание прокуратуры с “двойным” подчинением, был отвергнут.

Была реализована концепция судебной реформы, предложенная Н.В.Крыленко, который, идя навстречу пожеланиям власти, предложил предельно централизованную судебную систему, не признававшую “несменяемости судей, независимости судей и надклассового содержания их решений”⁶.

Произошло слияние общей и политической юстиции, и к руководству вновь созданными губернскими судами пришли, как правило, бывшие председатели и члены революционных трибуналов.

Губернские суды сохранили за собой “трибунальную подсудность” по первой инстанции.

Народный суд был поставлен в жесткие рамки, контроль за ними осуществлялся губернскими судами.

Положение о судостроительстве РСФСР (принято 3 ноября 1922 г. и вступило в действие с 1 января 1923 г.) зафиксировало создание в РСФСР единой системы судебных органов, состоящей из:

- народного суда в составе постоянного народного судьи;
- народного суда в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей;

- губернского суда;
- Верховного суда РСФСР.

С объединением советских республик в единое союзное государство был создан Верховный суд СССР (ноябрь 1923 г.).

По положению о Верховном суде СССР, утвержденному 23 ноября 1923 г., он являлся не только судебным органом первой инстанции, но и органом надзора за соблюдением Конституции СССР и законности в целом, за деятельностью верховных судов союзных республик.

В 1926 г. Верховный суд СССР стал кассационной инстанцией по делам, рассматривавшимся военными трибуналами, а в 1929 г. он получил право законодательной инициативы.

27 ноября 1930 г. по постановлению ЦИК и СНК СССР были созданы железнодорожные линейные суды.

В 1933 г. кассационной инстанцией для них стала коллегия по транспортным делам в составе Верховного суда СССР.

В 1934 г. были созданы водные транспортные суды морских и речных бассейнов, а в составе Верховного суда появляется водно-транспортная коллегия.

К середине 1932 г. коллективизация была практически завершена, и правительство пошло на свертывание внесудебных репрессий.

Было издано постановление ЦИК СССР от 25 июня 1932 г. "О революционной законности", в котором (в секретной статье) говорилось о прекращении изъятия "классовых врагов", а следовательно, и свертывании деятельности "троек" на местах.

Постановлением Политбюро ЦК партии от 7 мая 1933 г. "тройкам" ОГПУ в республиках, краях и областях запрещалось выносить приговоры к расстрелу.

Постановлением ЦИК СССР 10 июля 1934 г. было учреждено Особое совещание при НКВД.

По мнению В.М.Курицына, это явилось продолжением линии на некоторое смягчение карательной практики, так как полно-

мочия Особого совещания были существенно ограничены по сравнению с прежней Судебной коллегией ОГПУ⁷. Оно только могло во внесудебном порядке применять ссылку и высылку в отдаленные районы или выдворение из страны, а также заключение в исправительно-трудовой лагерь на срок до 5 лет. И, наконец, в Особое совещание при НКВД был введен Прокурор СССР (или его заместитель).

Рост преступности в начале 30-х годов и неспособность власти с ней справиться привели к созданию при управлениях милиции НКВД союзных и автономных республик и управлениях милиции краев и областей милицеских "троек", которые действовали в составе начальника соответствующего управления ОГПУ (впоследствии НКВД), начальника управления милиции и начальника отдела, представляющего дело в "тройку". "Милицеские тройки" рассматривали дела определенной категории лиц: имевших судимости и не порвавших с преступной средой, не занятых общественно полезным трудом, рецидивистов, нищих-профессионалов, злостных нарушителей паспортного режима – в присутствии обвиняемого и с обязательным участием прокурора.

Конституция СССР 1936 г. и Закон о судостроительстве Союза ССР, союзных и автономных республик 1938 г. по-новому определили основы советского правосудия.

В Конституции было зафиксировано, что правосудие в СССР осуществляется только судами.

Далее было сказано о независимости судей и подчинении их закону. Однако такой важной гарантии независимости судей, как их несменяемость, ни Конституция, ни Закон о судостроительстве не содержали.

Все суды делились на две основные группы: суды СССР (Верховный суд

СССР, военные трибуналы, линейные суды железнодорожного транспорта и линейные суды водного транспорта) и суды союзных республик (верховные суды союзных и автономных республик, краевые, областные и народные суды).

Основным звеном судебной системы являлись народные суды, которые действовали в составе народного судьи и двух народных заседателей.

Краевые, областные и верховные суды автономных республик имели в своем составе коллегии по уголовным и гражданским делам. Дела о контрреволюционных преступлениях гражданских лиц (кроме тех, что были отнесены к подсудности военных трибуналов войск НКВД) и наиболее крупные уголовные и гражданские дела рассматривались в составе члена суда и двух народных заседателей, а кассационные жалобы и протесты прокуроров на приговоры и решения народных судов – в составе трех членов суда.

Верховный суд СССР являлся высшим судебным органом страны, на него возлагался надзор за судебной деятельностью всех судов СССР и союзных республик.

В его составе было пять коллегий:

- уголовная,
- гражданская,
- военная,
- железнодорожная
- водно-транспортная.

Коллегии Верховного суда СССР рассматривали по первой инстанции уголовные и гражданские дела, отнесенные к их подсудности, в составе члена суда и двух народных заседателей, кассационные жалобы и протесты по делам, рассмотренным верховными судами союзных республик, в составе трех членов суда.

Наконец, Закон о судостроительстве СССР и союзных республик от 16 августа 1938 г. отделил функции правосудия от функций судебного управления,

которые целиком перешли Наркомату юстиции СССР и его местным органам. Наркомат юстиции осуществлял также общее руководство нотариатом и адвокатурой.

Важную роль в судебной практике 30-х годов сыграло Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР “Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия” от 17 ноября 1938 г., согласно которому произошло упразднение “троек” на местах и сократилось применение внесудебной репрессии.

Народный комиссар юстиции СССР Н.М.Рычков и Председатель Верховного суда СССР И.Т.Голяков 15 декабря 1938 г. направили судам Директивное письмо, в котором обращалось их внимание на нарушения законности при рассмотрении в судах дел о контрреволюционных преступлениях. Суды должны были тщательно проверять материалы предварительного следствия на соответствие процессуальным нормам, не принимать к производству дела при неполном следственном материале и основанные лишь на собственных признаниях обвиняемых.

В результате суды и прокуратура возвратили НКВД на доследование более половины дел по политическим обвинениям, увеличилось число оправдательных приговоров.

Но 2 марта 1939 г. нарком внутренних дел СССР Л.П.Берия направил Председателю СНК СССР В.М.Молотову письмо, в котором обвинил суды и прокуратуру в том, что они, отправляя дела на доследование и оправдывая часть подсудимых, мешают НКВД бороться с контрреволюционными преступлениями⁷.

Письмо было отозвано из судов, и в новом приказе НКЮ СССР от 25 апреля 1939 г. “О недостатках в рассмотрении дел о контрреволюционных преступлениях” в качестве главного недостатка называлось большое число оправдательных приговоров.

Решения январского пленума ЦК ВКП(б) 1938 г. и XVIII съезда партии

способствовали некоторому успокоению обстановки. Была прекращена деятельность "троек" на местах, а в качестве органа внесудебной репрессии сохранилось только Особое совещание при НКВД СССР.

Великая Отечественная война внесла существенные изменения в организацию и деятельность судебных органов. Указом Президиума Верховного Совета СССР "О военном положении" от 22 июня 1941 г. было установлено, что в местностях, объявленных на военном положении, все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности, должны передаваться на рассмотрение военных трибуналов. Судебное разбирательство в военном трибунале осуществлялось в особом порядке. Трибуналу предоставлялось право рассматривать дела через 24 часа после вручения обвиняемому копии обвинительного заключения. В процессе не принимали участие народные заседатели и адвокат. Приговоры кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора.

После победы в Великой Отечественной войне довольно широко распространились надежды на преобразование существующей системы. В 1946–1947 гг. на закрытом обсуждении новой Конституции и Программы ВКП(б) некоторыми руководящими работниками были высказаны предложения о децентрализации управления экономикой, о ликвидации военных трибуналов, о расширении внутрипартийной демократии и т. д. Руководство страны в условиях социально-экономической нестабильности послевоенного периода было поставлено перед дилеммой: либо – реформы, либо – возврат к довоенному жесткому курсу. Был выбран последний путь.

В 1946 г. прошел ряд процессов над "антисоветскими" и "террористическими" молодежными группами, в августе было принято постановление ЦК ВКП(б) "О журналах «Звезда» и «Ленинград»", а в 1947 г. создаются "суды чести" для "борьбы с поступками, роняющими честь и достоинство советского работника".

В 1948 г. развернулась компания "борьбы с космополитизмом", в результате которой возобновляются массовые репрессии и чистки.

Не только общество, но и государство утрачивает уважение к закону.

Ярким примером является "ленинградское дело", по которому в августе 1949 г. были арестованы председатель Совета министров РСФСР М.П.Родионов, председатель Госплана СССР Н.А.Вознесенский, секретарь ЦК ВКП(б) А.А.Кузнецов, секретарь Ленинградского обкома партии П.С.Попков и ряд партийных деятелей.

До этого, в 1947 году, Указом Президиума Верховного Совета СССР была отменена смертная казнь. Уже в ходе следствия, 12 января 1950 г., происходит восстановление смертной казни по отношению к изменникам Родины, шпионам и подрывникам-диверсантам.

И согласно данному указу осужденные были расстреляны. Тем самым был нарушен один из фундаментальных принципов права – "закон обратный силы не имеет".

Подобная ситуация повторится в 60-х годах, когда арестованные по делу о незаконных валютных операциях сначала были приговорены к 15-летнему сроку заключения по измененной ст. 88 УК РСФСР (хотя в момент преступления максимальный срок составлял 10 лет), а через полгода расстреляны по протесту прокурора СССР в соответствии с вновь введенной санкцией.

Наиболее существенные изменения в судебной системе СССР в послевоенный период сводились к упразднению в

1953 г. военных трибуналов и прокуратуры в войсках МВД СССР, органов внесудебной репрессии, отмене упрощенного порядка рассмотрения дел о государственных преступлениях.

24 мая 1955 г. было принято положение о прокурорском надзоре в СССР, согласно которому прокуратура осуществляла контроль над органами предварительного следствия и органами госбезопасности. 12 февраля 1957 г. были упразднены транспортные суды и транспортные прокуратуры.

В феврале 1957 г. было принято новое положение о Верховном суде СССР.

В мае 1956 г. было ликвидировано Министерство юстиции СССР. Эта ликвидация была осуществлена в рамках общего процесса по децентрализации управления. Функции руководства судебных органов были возложены на министерства юстиции союзных республик, частично были отданы Юридической комиссии при Совете Министров СССР.

В 1957–1960 гг. во всех союзных республиках были упразднены министерства юстиции (в РСФСР и УССР упразднены в 1963 г.).

Функции министерств юстиции выполняли Верховные суды союзных республик и юридические комиссии при их правительствах.

В 1957 г. к ведению союзных республик были отнесены законодательство об устройстве судов, а также принятие гражданского, уголовного и процессуального кодексов.

В связи с ликвидацией министерств юстиции союзных республик областные суды стали выступать в трех качествах: как суды первой инстанции, как кассационные органы и органы руководства районными, городскими судами.

По постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР “О мерах по улучшению работы судебных и проку-

рорских органов” 30 июля 1970 г. было восстановлено союзно-республиканское Министерство юстиции СССР.

На Министерство юстиции СССР возлагалось организационное руководство судами.

Важнейшей функцией министерства являлись систематизация и подготовка предложений по кодификации законодательства, методическое руководство и координация работы государственных учреждений и общественных организаций по пропаганде правовых знаний и разъяснению законодательства.

Кроме того, на министерство возлагались функции по руководству адвокатурой, нотариатом, органами ЗАГС, подготовкой кадров судебных, следственных органов и учреждений юстиции.

В соответствии с этим в составе министерства были созданы управления:

- общих судов,
- военных трибуналов,
- систематизации законодательства и подготовки законопроектов,
- правовой работы в народном хозяйстве,
- отдел по вопросам правовой пропаганды и правового воспитания граждан,
- отдел нотариата и загсов,
- отдел адвокатуры, отдел судебно-экспертных учреждений.

Высшим судебным органом СССР оставался Верховный суд СССР, на который возлагался надзор за судебной деятельностью судов СССР. 12 февраля 1957 г. было принято положение о Верховном суде СССР, которое значительно расширяло права судебных органов союзных республик. До 1957 г. Верховный суд СССР был наделен правом востребовать любое дело из любого суда, даже когда оно еще не рассматривалось Верховным судом республики. Новое положение предусматривало, что все дела должны были окончательно решаться в Верховном суде союзной республики, а Верховный суд СССР мог пересматривать решение суда республики, только если оно противоре-

чит общесоюзному законодательству или интересам другой республики. Были изменены принципы деятельности низовых судов.

Система участковых судов, существовавшая ранее, упразднялась, и создавались районные и городские суды.

Количество судов, особенно в городах, сократилось.

Срок полномочий народных судов был увеличен с 3-х до 5-ти лет, народные заседатели избирались сроком на два года. Количество судей и заседателей для каждого народного суда устанавливалось исполкомом соответствующего Совета.

Новый Закон СССР “О Верховном суде СССР” был принят 30 ноября 1979 г. Закон устанавливал, что Верховный суд СССР выступал в качестве суда первой инстанции, рассматривал дела в кассационном порядке, в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам. Он разрешал в пределах своих полномочий вопросы, вытекающие из международных договоров СССР.

Верховный суд СССР избирался Верховным Советом СССР, сроком на 5 лет, в составе председателя, его заместителей, членов и народных заседателей.

Кроме того, в его состав входили председатели Верховных судов союзных республик.

Верховный суд СССР действовал в составе Пленума и трех коллегий: военной, по гражданским делам и по уголовным делам.

Народные суды оставались основным звеном советской судебной системы.

Трансформация системы государственной власти, предпринятая Горбачевым (известная “перестройка”), затронула лишь небольшую часть сферы судостроительства.

1 декабря 1988 г. Конституция СССР была дополнена нормами, устанавливающими новый, более экономный, порядок выборов судей.

В августе – ноябре 1989 г. появляются многочисленные нормативные акты, касающиеся судебного статуса:

- Закон СССР “О статусе судей в СССР”;

- Закон СССР “Об ответственности за неуважение к суду”;

- постановление Верховного Совета СССР “О присяге судей и народных заседателей судов Союза ССР”;

- Положение о квалификационных коллегиях судей судов СССР;

- Положение о квалификационной аттестации судей;

- Положение о дисциплинарной ответственности судей, отзыве и досрочном освобождении судей и народных заседателей судов Союза ССР;

- Положение о квалификационных классах судей судов Союза ССР и союзных республик.

Важнейшими новшествами оказались упразднение прямых выборов народных судей населением и увеличение сроков судебных полномочий с 5 до 10 лет.

Народных судей стали избирать сроком на 10 лет областные и к ним приравненные Советы народных депутатов на основании совместного представления Минюста и Верховного суда союзной республики; кандидатов на судебские должности подбирали учреждения юстиции, то есть органы исполнительной власти.

Членов областных, краевых судов, Верховных судов союзных республик избирали в горбачевское время сроком на 10 лет Верховные Советы соответствующих союзных республик (а ранее – Советы народных депутатов того же уровня, что и суд).

Лишь судей автономных республик и округов избирали, как и раньше, Советы соответствующих автономных образований – тоже сроком на 10 лет.

Примечания

¹ Шрейдер А. Народный суд. М., 1918. С. 5.

² Материалы НКЮ. Вып. II. М., 1918. С. 103–104.

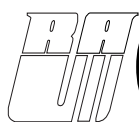
³ Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М., Л., 1925. С. 213–214.

⁴ Сборник циркуляров Верховного Трибунала ВЦИК за время с 1 января по 1 октября 1922. М., 1922. С. 18, 75.

⁵ Декреты советской власти. Т. 7. М., 1974. С. 355.

⁶ Крыленко Н. В. Реформа судостроительства // ЕСЮ. 1922. № 27–28. С. 4.

⁷ Курицын В. М. История государства и права России. 1929–1940 годы. М., 1998. С. 103, 128.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSEVER E-mail: observer@nasled.ru

**На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:**

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2008 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2008 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Американские концепции “стратегического паралича”

Олег Иванов,
кандидат политических наук

“Невидимая рука рынка никогда бы не сработала без спрятанного кулака. Этот кулак виден сейчас всем”.

Т.Фридмен

Руководство США рассматривает военную силу как один из важнейших инструментов достижения внешнеполитических целей. При этом она не является экстраординарной опцией или крайней мерой в спектре возможных акций.

Военная сила стала широко применяемым средством наряду с политико-дипломатическими действиями.

Решение на использование военной силы принимается исходя из собственного понимания американских национальных интересов и уместности ее применения. Отсутствие резолюции ООН, как в случае бомбардировки Югославии (1999 г.) или при свержении режима С.Хусейна в Ираке (2003 г.), не может служить препятствием.

Представляется важным ответить на следующие вопросы:

Применят ли США свои вооруженные силы?

Какие концепции будут лежать в основе их применения?

Научно обоснованные ответы на эти вопросы имеют большое значение для национальной безопасности России, для политического руководства страны.

В условиях сложившихся военно-политических реалий после окончания “холодной” войны многие американские стратеги стали склоняться к точке зрения, что “войны между высокоразвитыми государствами (впрочем, маловероятные), как и военные операции развитых государств против отсталых (вероятность которых выше), станут вестись посредством все более высокоточных вооружений. Задача будет состоять не в полном уничтожении (выд. – Авт.) общества противника (что могло бы

спровоцировать опустошающий контрудар), а в его разоружении и *последующем подчинении* (выд. – Авт.)”¹.

Американская военно-стратегическая мысль направлена на совершенствование концепции/теории более решительных и краткосрочных действий, получившей название “**стратегического паралича**”. Она разрабатывалась военными теоретиками ВВС и, естественно, ведущая роль отводилась именно этому виду войск. Впервые теория была проверена на практике в операции

“Буря в пустыне” (1991 г.), а затем при бомбардировке Югославии (1999 г.).

По мнению американских военных теоретиков, данная концепция является логической и своевременной сменой устаревших школ военной мысли, а именно стратегии ведения войн на истощение и стратегии уничтожения. Теоретические предпосылки американской концепции стратегического паралича опираются на военно-теоретическое наследие “Искусство войны”, китайского военного мыслителя Сунь-Цзы, который жил более 2000 лет назад.

Сунь-Цзы утверждал: “Те, кто побеждают в каждом сражении, не являются действительности искусными. Самыми искусными являются те, кто приводят армию противника в состояние беспомощности без сражения”². Лозунг “подчинить противника, не сражаясь” стал ключевым в военном искусстве Сунь-Цзы.

“Сунь-Цзы не думал о применяемом “железе” (конкретных вооружениях). Он концентрировал внимание на вопросе, как заставить группы людей гармонично работать вместе в условиях трудностей, опасности и неизбежной неразберихи, сопровождающих любой конфликт”³.

Еще одним предтечей концепции стратегического паралича явился английский военный теоретик Фуллер (первая половина XX в.), который считал, что как человек состоит из тела, ума и души, так и войны, являясь деянием человека, должны иметь аналогичные составляющие.

Фуллер выделил три сферы войны: физическую, ментальную и моральную. Соответственно, эти сферы были связаны с уничтожением физической силы противника (силы ведения боя), дезорганизацией его ментальных процессов

(силы мышления) и дезинтеграция его воли к сопротивлению (силы выносливости).

Фуллер добавлял, что силы действующие в этих сферах, не должны быть изолированными друг от друга. Важным положением на взгляд теоретика было то, что физическая сила армии лежит в ее организации, контролируемой ее мозгом*. Парализуй этот мозг и тело перестанет функционировать. При этом Фуллер отмечал, что нельзя преувеличивать роль однопланового и однонаправленного воздействия на противника.

Ни ментальная, ни моральная сила, ни физическая сила не выигрывает войну, но что выигрывает войну, так это наивысшее сочетание этих трех сил, действующих как одна сила.

Исходя из этого, теоретик подчеркивал, что стратегия подразумевает намерение вывести противника из строя физически, дезориентировать ментально для того, чтобы вызвать его моральное крушение. Эти физические, ментальные и моральные эффекты могут быть краткосрочные или долгосрочные в зависимости от требований главной стратегии.

В современном определении американских теоретиков стратегический паралич это силовое решение, включающее физическое, ментальное и моральное измерение, целью которого является не столько уничтожение противника, сколько выведение его из строя. Цель этого решения – достичь возможно максимальный политический эффект или выгоду с минимально необходимыми военными усилиями или затратами. Оно направлено на быстрое решение через “маневр – сражение” действие на физические и мен-

* Интересно, что известный советский военачальник и теоретик маршал Б.Шапошников (первая половина XX в.) назвал свой труд о роли Генерального штаба “Мозг армии”.

тальные способности противника, чтобы задержать или проконтролировать его военные усилия, подрывая его волю к сопротивлению.

Задача заключалась в том, чтобы объединить два фактора пространство и время воедино, используя их в свою пользу, то есть "создать или, по крайней мере, найти слабые места или бреши в мышлении и расположении противника, воспользоваться этими возможностями до того, как противник может воспользоваться ими. Цель этого рода войны, сломить волю противника воевать на раннем этапе (идеально даже до того, как начинаются серьезные боевые действия) путем создания хаоса в его процессе разведка/наблюдение – оценка/управление – действие/реакция"⁴.

Особое значение придается фактору "чувствительности" и его реализации в военном деле.

По мнению бывшего командующего американскими войсками в Европе генерала М.Мейгза, чувствительность – это способность к эмоциям или чувствам. Важно нанести главный удар в самое уязвимое (чувствительное) место противника и сломить его волю к сопротивлению.

Даже при наличии мощного интеллекта и реальных сил для ведения борьбы, неприятель, потеряв психологическую устойчивость, будет сломлен и побежден.

При наличии оперативной (стратегической) асимметричности и идиосинкритичных подходов к ведению боевых действий нанесение мощных ударов по стратегическим чувствительным местам неприятеля может привести к шоку противоборствующей стороны и произойдет эффект опрокидывания фронта и полного его разгрома.

Таким образом, можно констатировать, что теория стратегического паралича строится на рациональной модели, что позволяет прибегать к минимальным затратам, экономить усилия,

но предполагается получить максимальную выгоду.

В основе теории стратегического паралича лежит общее понимание того, что первый и необходимый этап ее успешной реализации, то есть постановки противника в ситуацию, когда он будет не в состоянии вести эффективно боевые действия, это создать трудности информационного и психологического плана.

Что касается информационного аспекта, то главная цель – это достижение информационного превосходства над противником. Под информационным превосходством понимается "способность собирать, перерабатывать и распространять непрерывно поток информации, одновременно используя ее в своих интересах или лишая противника способности делать тоже самое"⁵. При этом информационное превосходство не является самоцелью.

В доктринальном документе Министерства обороны США *"Joint Vision 2020"* говорится: "Информационное превосходство предоставляет объединенным силам преимущество только, когда оно эффективно переводится в превосходство знания и решения. Объединенные силы должны быть способны воспользоваться превосходящей информацией, конвертируемой в превосходящее знание, чтобы достичь «превосходства в решении».

Лучшие решения должны приниматься и выполняться быстрее, чем противник может на них отреагировать. В небоевой ситуации они должны проходить свой процесс со скоростью, которая позволяет войскам создать нужную ситуацию или отреагировать на изменения и выполнить свою задачу"⁵.

Для этого, как утверждает один из авторов этой теории американский военный теоретик Дж.Бойд, крайне важна такая форма маневренной войны, которая является больше психологической и темповой в своей ориентации, чем физической или пространственной.

Ее военная цель заключается в сломе духа и воли противника за счет создания неожиданных и опасных оперативных и стратегических ситуаций. Чтобы добиться этой цели необходимо действовать с большим темпом и ритмом чем противники.

Другими словами, согласно Бойду, важной целью маневренной войны является необходимость довести противника до состояния бессилия, лишая его времени ментально справиться с быстро разворачивающимися и естественно неопределенными обстоятельствами войны. Таким образом, реализация подобного сценария ведет к провалам в следующей цепочке:

возможность обработки информации → принятие решения → предпринятое действие".

Автор данной теории Дж.Бойд исходит из рациональной модели поведения как человека, так и организации. Оно состоит из непрерывного цикла следующих друг за другом четырех действий:

наблюдение → ориентация → решение → действие, получивших название "*Петля Бойда НОРД*" (рис. 1)³.

Бойд выделяет два важных элемента:

– *Первый* заключается в том, чтобы выиграть, необходимо быстрее, чем противник, пройти свой цикл петли.

– Суть *второго элемента* – это задача попасть вовнутрь петли НОРД противника и остаться там.

Если какой-либо актер будет действовать внутри системы принятия решения противника, то он дезориентирует и запутает противника именно так, как предписывал Сунь-Цзы.

В соответствии с этим подходом противник оказывается перед непрерывной чередой комбинаций опасных замаскированных и менее опасных обменных действий. Эти сжатые во времени измерения действия создают

заданный фон неопределенности, с одной стороны, вводя противника в заблуждение при оценке реального сценария развития событий, а с другой – затрудняют его адекватную ответную реакцию. Главная задача здесь, во-первых, создать несоответствие между представлением противника о среде и ее реальном состоянии, а во-вторых, затормозить скорость прохождения этого цикла НОРД противником. Используя термин Бойда, необходимо "затянуть" свою петлю и "ослабить" петлю противника.

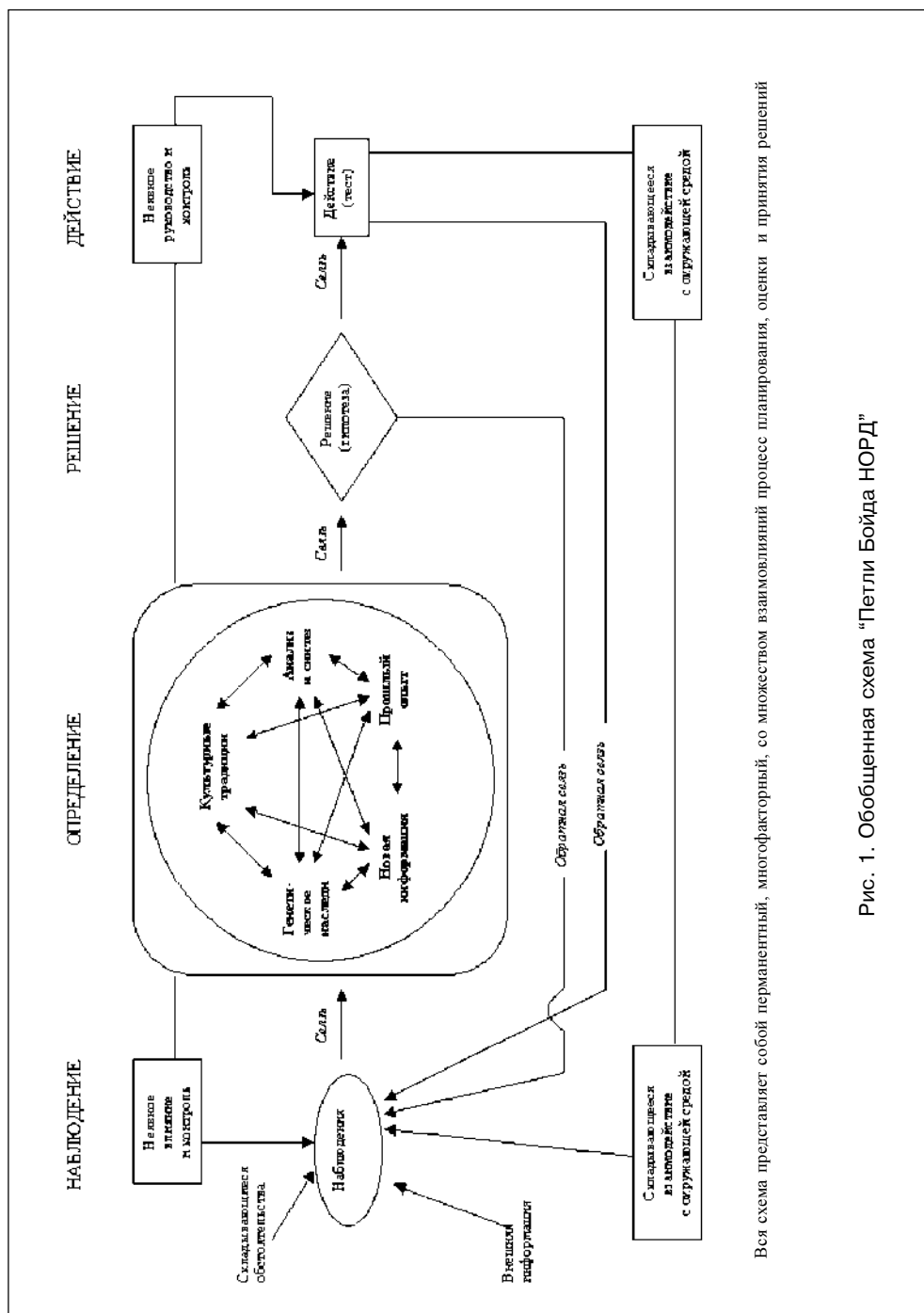
Ощущение своей неадекватности в быстро меняющейся ситуации ведет к панике и потере воли к продолжению сопротивления.

Оценивая теорию Бойда надо иметь в виду, что она строится на американском стремлении вести скоротечные войны с минимальными потерями, используя техническое превосходство над потенциальным противником. Это превосходство опирается на единую интегрированную систему, известную как *C4I (command, control, communication, computers and intelligence* – система командования и управления, связь, разведка и информация). При этом подразумевается, что противник может обладать примерно такой же системой, как и США, но только устаревшей.

Следует признать, что реализация теории Бойда непригодна или малопродуктивна при столкновении с асимметричными и тренд-центричными угрозами.

Например, трудно представить как ее применить в войне с сетевым противником типа Талибана и Аль-Каиды, которые не обладают стройной системой в виде "петли Бойда", да и точное местонахождение такого противника часто неизвестно. Также остается непонятным на кого воздействовать, какими средствами.

Другое слабое место теории Бойда это опора на рациональную модель.

Вся схема представляет собой перманентный, многофакторный, со множеством взаимовлияний процесс планирования, оценки и принятия решений

Рис. 1. Обобщенная схема "Петли Бойда НОРД"

Теория имеет все те недостатки, которыми страдает эта модель. Рационализм не дает точные ответы на все вопросы, так как не учитывает когнитивные факторы, операционный код и фактор стратегической культуры.

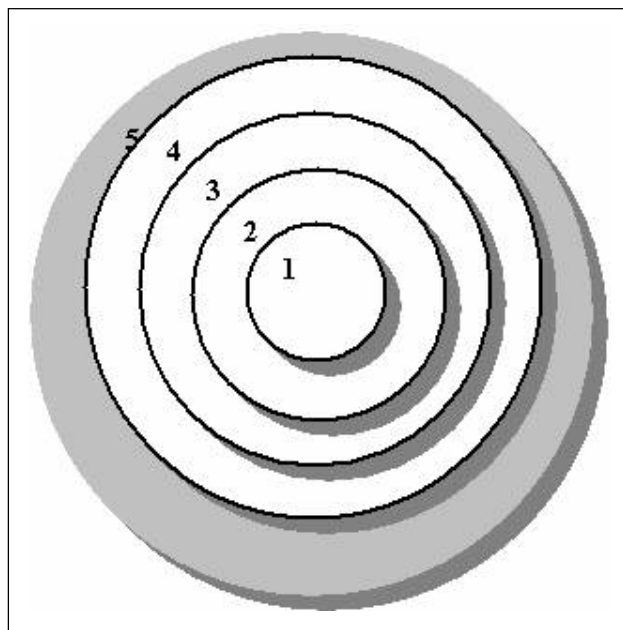
Тем не менее, по оценкам американских специалистов, этот переход от принципов ведения воздушного боя к ставшей теперь знаменитой схеме “наблюдай – определись – реши – действуй” (НОРД) и увязка ее со стратегическими целями Сунь-Цзы является, пожалуй, самым большим вкладом в стратегию за последние 100 лет.

Автор другой теории стратегического паралича американский военный теоретик Дж.Уорден предлагает свой вариант этой теории.

Центральное место в его теории занимает *концепция центров тяжести*.

Центр тяжести, по Уордену, это та точка, где противник наиболее уязвим, и та точка, где атака будет иметь наилучший шанс быть решающей.

Автор теории полагает, что противника необходимо представлять в виде системы из 5 составляющих или колец, где центральное кольцо отображает наиболее уязвимую часть системы (рис. 2). Менее уязвимые составляющие находятся ближе к внешнему кольцу. Уорден отмечал, что каждая из составляющих имеет свои центр/центры тяжести, своеобразные опоры данных составляющих. Выведение из строя этих центров прекращает функционирование составляющей и, в конечном результате, оказывает воздействие на всю систему. Степень воздействия на систему зависит от положения данного кольца в системе, то есть его удаленность от внутреннего кольца.

Условные обозначения:

Первое кольцо – политическое и военное руководство страны;

Второе кольцо – базовое производство (заводы, электростанции и т.п.);

Третье кольцо – инфраструктура (транспорт, коммуникации, дороги, мосты и т.д.);

Четвертое кольцо – население (подразумевается не прямое уничтожение населения, а психологическое воздействие на него, что прочем не исключает гибель и ранения гражданских лиц);

Пятое кольцо – воинские формирования².

Рис. 2. Стратегические кольца Уорена

Таким образом, целью поражения называется, во-первых, связь между кольцами, а также между компонентами внутри колец.

В соответствии с данной теорией наиболее уязвимой частью является руководство страны. Даже если руководство недостижимо как цель, стратег ВВС должен концентрировать свое внимание на разуме командира противника, выбирая центры тяжести среди других колец.

В основе такого подхода заложено известное положение К.Клаузевица о том, что война есть акт насилия с целью заставить противника выполнить "нашу волю". Исходя из этого, в зависимости от поставленной задачи достигается полный либо частичный паралич противника. Пораженные центры тяжести колец вызывают частичный физический паралич, таким образом повышая затраты сопротивления в умах командования противника.

Данное безоговорочное утверждение означает, что уничтожение или нейтрализация центров тяжести руководства произведет полный физический паралич всей системы, в то время как успешная атака на центры тяжести внутри других колец произведет частичный физический паралич, но окажет невыносимое психологическое давление на руководство.

В соответствии с основным постулатом этой теории главной целью современных американских стратегов должно быть не полное уничтожение противника, что не исключает нанесение ему физического урона, а скорее манипуляция волей руководства противника.

В качестве способа достижения желаемого результата наиболее приемлемыми являются следующие две стратегии:

– *“Стратегия навязываемой стоимости”*.

Смысл стратегии заключается в том, что противнику навязывается такое ведение действий, которое в даль-

нейшем становится слишком затратным для него, а следовательно невыгодным. Для этого предлагается конкретный алгоритм действий:

- изучить систему ценностей противника, чтобы оценить его сильные и слабые стороны;

- определить “болевого порог”;

- достигнуть и превысить этот порог, добиваясь частичного паралича и создавая реальную угрозу полного паралича всей системы.

– *“Стратегия паралича”*. Цель стратегии сделать продолжение сопротивления командованием противника невозможным.

В отличие от “стратегии навязываемой стоимости” данная стратегия предусматривает решительное воздействие целиком на всю систему противника от наиболее уязвимого кольца (центра) системы к менее уязвимым. Вектор воздействия изнутри наружу.

Что касается наиболее известной стратегии, направленной на уничтожение всей системы противника, то Уорден считает, что уничтожение всей системы является редким в истории, трудным для выполнения, сопровождается проблемами морального плана и обычно не очень полезно из-за непреднамеренных последствий. По этим причинам такая стратегия считается непригодной для войны XXI в.

Говоря о средствах реализации своей теории, автор предлагает непрерывное расчленение каждого из 5 колец до тех пор, пока не обнаружится предрасположенность к частичному или полному параличу. Подход, построенный на расчленении противника по кольцам, автор называет математическим термином “дифференциация”, что предполагает восприятие противника как единое и взаимосвязанное целое. Такой подход позволяет сначала вскрывать центры тяжести, а потом нарушать связи между ними.

Таким образом, теория стратегического паралича предполагает следующий алгоритм действий:

1. Определение военным командованием общего характера и конкретных деталей целей, поставленных политическим руководством США. Что сначала предписывает ожидаемые изменения в поведении руководства противника, а затем определяет уровень паралича, необходимого для получения заданных изменений.

2. Военный руководитель должен направить всю энергию войны, чтобы непосредственно или опосредованно воздействовать на разум руководства противника через введение необходимого уровня паралича на него и/или его систему.

3. Стратег должен анализировать противника в виде взаимозависимой системы из 5 колец, определить центры тяжести внутри и вне колец, чье разрушение или нейтрализация и создаст необходимый уровень паралича.

4. Стратег должен спланировать нападение на все определенные цели.

В операции "Буря в пустыне" (1991 г.) была применена стратегия паралича в отношении вооруженных сил Ирака, то есть внешнего кольца, где ВВС США служили основным инструментом в реализации замысла. ВВС поражали иракскую систему ПВО, аэродромы, командные пункты, всю систему управления войсками. Добившись полного военного паралича иракских вооруженных сил, руководство США поставило С.Хусейна перед необходимостью изменить свою политику.

Позже анализируя практику применения своей теории в Ираке, Уорден заметил, что это был тот случай, когда теория существовала до факта, а факты подтвердили теорию.

Развивая свою теорию с учетом уроков операции "Буря в пустыне", Уорден подчеркивал, что военно-политическому руководству США необхо-

димо учитывать ряд положений, основывающихся на теории Клаузевица (война есть продолжение политики только с применением иных средств и соответственно все войны ведутся для достижения политических целей) и, отчасти пересекающихся с доктриной Пауэлла.

Во-первых, должны четко осознаваться политические цели, достигаемые военными средствами.

Во-вторых, по мнению автора стратегии, руководство страны должно остановиться на стратегии, наиболее оптимальной для подчинения противника своей воле в соответствии с поставленными политическими целями.

В-третьих, необходимо использовать систему 5 колец Уордена для определения центров тяжести, подлежащих нападению.

По мнению Уордена, любая среднего размера страна может быть парализована с помощью уничтожения не более 500 целей.

Теория Уордена была реализована в ряде военных компаний, проведенных США в последние годы.

К ним относятся операция "Буря в пустыне" (1991 г.) в Ираке, бомбардировка Югославии (1999 г.), операция в Афганистане по свержению режима талибов (2001–2002 гг.) и снова в Ираке (2003 г.).

Применение воздушной силы в этих конфликтах представляло современное, стратегическое использование силы широко названной как ведение войны основанной на воздействии.

Война, основанная на воздействии, направлена на то, чтобы парализовать противника, при этом необязательно уничтожая его.

Боевые действия США и НАТО в первой операции после окончания "холодной" войны в Югославии (1999 г.) также нужно рассматривать через призму анализируемой теории.

С самого начала операции США и их союзники избрали «стратегию навязываемой стоимости», направляя свои действия по линии эскалации своих действий.

Объектом воздействия явилось внешнее кольцо, то есть вооруженные силы, военная инфраструктура, а затем и та гражданская, которая, по мнению аналитиков США, обслуживает военные интересы.

Промежуточная цель заключается в достижении того болевого порога, который как полагало руководство США и НАТО, может вызвать частичный паралич вооруженных сил Югославии, а разрушение инфраструктуры страны сделает продолжение сопротивления слишком дорогим, а следовательно иррациональным.

Все это по плану западных стратегов и должно было заставить президента СРЮ С.Милошевича принять условия альянса. Вопрос стратегического паралича мог выйти на повестку дня в том случае, если руководство Югославии не изменило бы свою политику, и стратегия навязываемой стоимости оказалась неэффективной.

Устраняя режим талибов в Афганистане, военно-политическое руководство США также прибегло к стратегии паралича и по собственным оценкам реализовало ее достаточно эффективно.

«Во время бомбардировки Афганистана генерал Т.Фрэнкс (в тот период начальник Центрального командования США и отвечавший за проведение операции – Авт.) сказал: «Войскам талибов было трудно перебрасывать подкрепления на передовые позиции севернее Кабула отчасти из-за того, что их коммуникации были разрушены, а средства транспортировки такие как вертолеты были уничтожены с воздуха»¹⁶.

Необходимо признать, что вряд ли можно давать такую оценку по реализации анализируемой теории, так как режим талибов не представлял из себя полноценного государственного актора с развитыми государственными институтами и системой управления, на-

пример, как Югославия. В значительной степени режим талибов имел не столько вертикальный, сколько сетевой характер, что снижало эффективность теории стратегического паралича.

Стратегический паралич как концепция самого эффективного нанесения поражения противнику при минимальных затратах несвободна от недостатков.

В первую очередь ей присущи те недостатки, которые типичны для рациональной модели. Применяемый в основе концепции системный анализ, введенный в военное дело в США еще министром обороны Р.Макнамарой, строится на основе рациональных расчетов. При всех своих преимуществах системный анализ ведет к упрощению динамичной и многогранной социокультурной среды. На это слабое место указывали и некоторые американские эксперты.

В частности, Э.Коэн обратил внимание на то, что концепция рассматривает неприятеля как похожего на американцев, полагая, что скорее технология, а не природа человека является контролирующим элементом в войне.

Такие предположения не способствуют детальному изучению своего противника, его языка, политики, культуры, тактики и руководства.

Другой критик американский полковник П.Пентланд указывал, что фактор культуры имеет решающее значение, поскольку он определяет структуры и формы противника, а также механизм принятия решения и стандартизированные операционные процедуры.

Американские стратеги рассматривали теорию стратегического паралича через призму своей системы ценностей и прогнозировали поведение противника исключительно с позиций западного рационализма, что может привести к провалу.

Анализируя теорию Уордена, необходимо признать, что автор соглашался с необходимостью изучать и учитывать фактор культуры в реализации теории стратегического паралича.

Нельзя сказать, что он совсем недооценивал значение понимания системы ценностей противоположной стороны, но есть определенная опасность в планировании воздействия на внешние кольца с целью повлиять на расчет руководства в форме *“затрата – выгода”*. Незнание или просчеты в оценке системы ценностей противоположной стороны ведут к неправильному построению иерархии колец в системе противника.

Нужно четко осознавать, что потеря среди населения или личного состава вооруженных сил в авторитарных государствах менее чувствительны и опасны, чем в демократических, где судьба руководства страны зависит от настроения избирателей.

Следовательно, система колец будет различной в обществах с разной системой ценностей.

Кроме этого, необходимо ясно понимать и учитывать то, что истинный центр тяжести может быть тот, который более значим для общества в целом, а не для его руководства.

То, что это положение немаловажно можно судить по бомбардировкам Югославии (1999 г.). Судя по тому, что события развивались не по сценарию США и НАТО, западные аналитики ошиблись в своих расчетах.

Ошибка связана с ожидаемыми результатами воздействия на внешнее кольцо и последующей реакции на внутренние кольца, то есть от армии на югославское общество и руководство страны.

Также при планировании может возникнуть дилемма: что предпочтительнее полный паралич как результат стратегического паралича или все-таки частичный как результат стратегии на-

вязываемой стоимости. Политолог Т.Шеллинг подчеркивал, что выживание руководства проигравшей стороны являлось необходимым условием организованной сдачи оставшихся сил. В войнах с общепризнанными ограниченными целями сохранение руководства другой стороны с большей готовностью принимается во внимание.

Кроме этого, необходимо отметить, что Уорден в своей теории фокусирует свое внимание на физической составляющей противника и оставляет за рамками духовную. По его мнению, верна следующая формула:

боевая эффективность = физическая сила × духовную силу.

Исходя из исключительно математических расчетов, если физическая сила стремится к нулю, а духовная не меняется, то боевая эффективность тоже идет к нулю, что, как известно, на практике не всегда так.

Трудно определить, насколько математически взаимозависимы физическая и духовная сила. Уорден объясняет свой акцент на физической силе так: физическая сила концептуально познаваема. О духовной силе почти ничего неизвестно. Поэтому можно сделать вывод, что вопрос духовной силы остается вне рамок теории Уордена, что понижает ее убедительность.

Несмотря на стройность представления противника в виде центров тяжести, подлежащих воздействию, возникает проблема, как построить иерархию из этих центров.

Разные стратегии могут иметь разное представление об их иерархии, соответственно различные приоритеты в последующих действиях.

О возможности таких сложностей свидетельствуют разногласия, возникшие между американскими генералами во время бомбардировки Югославии (1999 г.).

Появились противоречия между командующим объединенными ВВС в Южной Европе генералом М.Шортом и командующим войсками НАТО в Европе генералом У.Кларком относительно того, что представляют из себя центры тяжести.

В одном из эпизодов, когда авиация должна была нанести удар по штабу полиции в Белграде, состоялся обмен мнениями между двумя командующими. "Это драгоценный камень в короне (имелся в виду штаб полиции в Белграде – Авт.), – сказал генерал Шорт. "Для меня драгоценный камень в короне, это когда Б-52 грохочут над Косово", – ответил генерал Кларк. "Вы и я знаем уже не одну неделю, что у нас разные ювелиры", – заявил генерал Шорт. "Да", – заметил Кларк, – "но мой ювелир превосходит вашего".

Генерал Кларк полагал, что более важными для воздействия центрами тяжести в Югославии были размещенные на позициях сербские войска, в то время как генерал Шорт считал таковыми электростанции, правительственные учреждения и ключевую инфраструктуру.

Различное восприятие "центров тяжести" ведет к разным стратегиям.

Генералу Шорту было приказано больше бомбить Косово, а не центры тяжести в Белграде, поскольку коалиционное командование полагало, что бомбардировка Косово является более уязвимым центром тяжести сербов.

В результате произошло распыление сил коалиции, усиление сопротивления сербов и замедление всей кампании. Разное восприятие важности центров тяжести зависит не только от знания противника, но и организационной культуры и когнитивных факторов тех, кто разрабатывает стратегию.

Еще одним существенным недостатком теории Уордена является его представление противника в виде пассивного набора целей.

По мнению Уордена, боевые действия должны быть и могут быть настолько точно просчитаны, а затем решительно и эффективно проведены особенно с применением высокоточного оружия, что можно нейтрализовать или минимизировать *фактор "действие – противодействие"*.

Однако успех возможен только в том случае, если противник значительно уступает по уровню своей военной технической оснащенности и не имеет достаточно адекватного высокоточного оружия, а также современных средств ВВС, ПВО и РЭБ (радиоэлектронной борьбы), способных противостоять основной ударной силе в реализации стратегии паралича – ВВС США*.

Американские эксперты признают, что эта стратегия может привлечь интерес любой страны, стремящейся к быстрой победе при относительно низких затратах. Однако необходимые элементы высоких технологий и аэрокосмического контроля вероятно поставят эту стратегию вне досягаемости технологически неразвитых и небогатых государств. Эта стратегия может заинтересовать любую страну, стремящуюся к минимизации гражданских и военных потерь и сохранению прав человека.

Стратегический паралич устраивает американских военных, которые предпочитают вести войны настолько быстро, недорого и бескровно, в первую очередь, для себя, насколько это возможно. Истощение и уничтожение

* Показательно, что в интервью, которое провел автор с американским военным экспертом из академии ВВС, последнему был задан вопрос: "Что будут делать американские стратеги, если реализация концепции стратегического паралича после первой попытки применения окажется неэффективной?" Ответ был следующим: "Мы над такой возможностью не задумывались".

больше не являются стратегиями военного командования.

Тем не менее, следует признать, что, применяя самые передовые военные теории, обладая огромным превосходством, военное руководство США не в состоянии решить все поставленные за-

дачи. В частности, оно не смогло решить все задачи в Ираке в 1991 г.

Американские аналитики признавали, что задача обнаружения и уничтожения даже такой примитивной иракской ракеты как "Скад" во время войны в Заливе так и не была выполнена.

По своей сути теория стратегического паралича в ее полном варианте – это попытка американского блицкрига нашего времени с ведущей ролью ВВС. В то же самое время в свете операции США и НАТО в Югославии (1999 г.), и США в Афганистане и Ираке эту теорию можно рассматривать как наиболее приемлемый способ достижения результата.

Стратегический паралич стал одним из военных инструментов проведения глобальной политики США.

Правильное понимание общих и конкретных принципов по применению военной силы, концепций и доктрин способствует корректной оценке и объективному анализу событий и действий, а также может помочь спрогнозировать американскую стратегию.

Знание концептуальных основ применения военной силы США помогает сформировать адекватную российскую внешнюю и оборонную политику.

Примечания

¹ Бжезинский З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2005. С. 28.

² Air and Space Power. Theory & Doctrine. Edited by Steven R. Drago, James M. Smith. American Heritage Customs Publishing. N.Y., 1997. P. 204, 222.

³ Ричардс Ч. Мобильные, неуязвимые вооруженные силы. Обзор оборонной политики США глазами Сунь-Цзы и Джона Бойда. М.: Гендальф, 2002. С. 45, 26.

⁴ Smith D., Corbin M., Hellman C. Reforging the Sword. Forces for a 21st Century. Security Strategy. Washington D.C. Center for Defense Information, 2001. P. 20.

⁵ Joint Vision 2020. Washington D.C.: GPO, 2000. <http://www.dtic.mil/jointvision/jvpub2htm>.

⁶ CNN Headline News Tuesday. January 28. 2003 Posted: 11:31 AM EST (1631 GMT).

⁷ Chipman D. The Balkan Wars: Diplomacy, Politics, and Coalition Warfare // Strategic Review. Winter 2000. P. 30.

“Демократическое мессианство” США на Ближнем Востоке*

Александр Вавилов,
доктор исторических наук, профессор

Гладко было на бумаге...

О практике “демократизации” стран Ближнего Востока по американским рецептам можно в полной мере судить по опыту Ирака, который должен был бы, по замыслам американских стратегов, стать эталоном свободы и обеспечения прав человека.

Весьма показательно в этой связи, что к середине минувшего года мировые СМИ все чаще стали сравнивать войну в Ираке с вьетнамской. Известный сенатор Э.Кеннеди прямо назвал Ирак Вьетнамом Дж.Буша.

Вспомнили притом и войну в Корее, и бесславный уход США, похожий на бегство, из Ливана (1984 г.) после масштабного теракта “Хизбуллы” против морских пехотинцев (почти 250 жертв), а также обошедшие мировую печать сцены глумления над трупами американских солдат в Сомали (1993 г.), оставленных быстро выводимыми из страны войсками США.

Практика американских оккупантов давала пищу журналистам.

19 ноября 2005 г. в г. Аль-Хадита были зверски убиты нескольких иракских семей, включая стариков и малолетних детей. Американцы мстя за гибель своего сослуживца, забросали несколько домов гранатами, а потом добили раненых стариков и детей из автоматов.

Это тщательно скрывавшееся преступление, в конце концов, стало достоянием гласности. В ход пошли сравнения с известной деревней Сонгми во Вьетнаме, где “доблестные” вояки под командованием лейтенанта Келли уничтожили сотни ее обитателей.

Американская Фемида была вынуждена отреагировать на это вопиющее беззаконие.

Летом 2007 г. военный трибунал приговорил одного из участников к 110 годам тюремного заключения. При этом многие дознаватели утверждали, что солдаты вы-

* Окончание. Начало см. “Обозреватель—Observer”. 2008. № 2.

полняли приказ командира, и, убивая невинных людей, они действовали в "рамках устава морской пехоты". Дело, как водится, стали "спускать на тормозах".

По мере возвращения американских солдат из Ирака и публикации их воспоминаний картина массовых зверств оккупантов становилась все более неприглядной.

Как рассказывали эти "ветераны" представителям СМИ, в повседневную практику американских солдат, к примеру, вошло подкладывание к убитым безоружным иракцам автоматов Калашникова или саперных лопаток. Это автоматически превращало их в коварных боевиков и оправдывало их уничтожение без суда и следствия.

Одна из статей, повествовавшая о буднях оккупации, была озаглавлена весьма характерно для логики поведения американцев в покоренной стране: "Одним мертвым иракцем больше, одним меньше... Нам-то что?".

"Я надеюсь, что я не права. Но боюсь, что Ирак окажется величайшей катастрофой в американской внешней политике. Это хуже, чем Вьетнам, — не по количеству жертв, а по числу непредвиденных последствий", — так экс-госсекретарь США М.Олбрайт расценила иракскую авантюру Вашингтона¹.

Обошедшие весь мир позорные фотографии бесчеловечных пыток и глумления американских тюремщиков над арабскими заключенными в багдадской тюрьме Абу-Грейб не оставляли камня на камне от разглагольствований американских политиков и пропагандистов "о поощрении демократического развития стран Ближнего Востока".

Для того, чтобы подправить свой имидж, администрация Дж.Буша назначила расследование преступлений в тюрьме. Некоторые мучители были осуждены, а саму тюрьму сочли за благо закрыть. Однако летом 2006 г. орга-

низация "Хьюман райтс уотч" (*Human Rights Watch*) опубликовала доклад, в котором приводились неопровержимые данные о продолжении, несмотря на предпринятые показательные санкции, пыток и издевательств над заключенными в американских тюрьмах в Ираке.

В трехлетнюю годовщину войны в Ираке госсекретарь К.Райс была вынуждена признать, что в этой стране США совершили "тысячи тактических ошибок", хотя стратегическое решение о вторжении она, не взирая на факты, назвала правильным².

Результаты этого "правильного решения" определил обозреватель багдадской газеты "Аль-Байан аль-Джадид" С.Джаббар: "Страна стоит на краю пропасти. Насилие, убийства и смерть растекаются по нашим улицам. Из-за отсутствия правительства Ирак напоминает джунгли, где слабые становятся добычей сильных, где братство исчезло в междоусобных схватках...

Каждый сегодня желает раскола страны не на три, а на десять частей, если это нужно для выживания.

Американцы и британцы довели нас до того, что наихудшее стало приемлемым. В то время, когда страна на грани внутреннего взрыва, правительство с его министрами-призраками и депутатами, стремящимися лишь к высоким доходам и прекрасным резиденциям, скрывается за надыдами "зеленой зоны"³.

Как отметил автор газеты "Интернэшнл Геральд Трибюн" Т.Фридман: "Сейчас уже очевидно, что Америка не является повитухой демократии в Ираке. Она высиживает там гражданскую войну"⁴. В этом контексте вспоминается весьма меткий карикатурный триптих, опубликованный незадолго до американского вторжения в Ирак в той же газете.

На первом рисунке Дж.Буш со здоровенной мухобойкой в руках готовится прихлопнуть сидящего перед ним большего и зловещего скорпиона, на боку у которого выведено "Саддам".

На втором – американский президент с видимым удовольствием осуществляет свое намерение.

Третий рисунок – итоговый, мухобойка поднята, и к вящему разочарованию и изумлению хозяина Белого дома перед ним уже целый сонм расползающихся скорпионов – маленьких, но смертоносных саддамов.

Несмотря на явные провалы в Ираке, официальный Вашингтон продолжал настаивать на своих “достижениях” в этой стране. Иногда дело доходило до очевидного абсурда.

На саммите “восьмерки” (июль 2006 г.) в С.Петербурге Дж.Буш на одной из пресс-конференций умудрился посоветовать применить “демократические реформы” в Ираке на российской почве. Под общий смех в зале Президент В.В.Путин деликатно, но твердо отвел подобное предложение, заявив: “Нам бы, конечно, не хотелось, чтобы у нас была такая же демократия, как в Ираке, скажу честно”. Такой ответ вызвал широкий резонанс в мировых СМИ⁵.

Анализируя положение в Ираке в интервью газете “Время новостей”, глава комитета по международным делам Госдумы К.И.Косачев отметил, что, “как показало время, военная операция США была крупной ошибкой”⁶.

Трагическая практика Ирака доказала реалистичность и обоснованность российской линии на исправление американских ошибок коллективными усилиями мирового сообщества. С самого начала иракского кризиса Москва последовательно выступала за скорейшую остановку спирали насилия, восстановление суверенитета самих иракцев над своей страной и недопущение ее развала.

“Мы убеждены, – заявил в декабре 2006 г. С.В.Лавров, – что ключ к урегулированию в Ираке лежит в нацио-

нальном согласии, в начале реального национального диалога и в продвижении к национальному примирению...

Соседи Ирака, арабские страны, ЛАГ, ОИК, члены СБ ООН – все эти влиятельные международные игроки, конечно же, могут помочь подтолкнуть соответствующие иракские политические, этнические, религиозные группы к тому, чтобы они включились в процесс национального примирения.

Думаю, что в этом контексте остается актуальной идея, которую высказывала Россия – проведение международного форума с целью помочь иракцам реализовывать свои собственные планы по национальному примирению”⁶.

Такая линия находила понимание у большинства членов мирового сообщества и, прежде всего, в арабском мире, да и в самом Ираке, что позволило вернуться к политической работе по Ираку в ООН и в рамках других международных форумов.

Пессимистические оценки “демократизации” арабского мира на примере Ирака появились к весне 2006 г. и в американской печати.

Газета “Интернешнл Геральд Трибюн”, к примеру, в номере от 10.04.06 с разочарованием констатировала явный спад движения к реформам в арабских странах, которое якобы было запущено благодаря настойчивости США.

Более того, в опубликованном обширном материале по этой проблеме с озабоченностью отмечалось, что некоторые шаги в сторону демократизации в отдельных странах привели к оживлению и радикализации исламистов, как это произошло в Египте с существующей с 1928 г. религиозной оппозиционной панарабской организацией “братья-мусульмане”, давно вызывающей тревогу на Западе.

Тайное становится явным

Как сказал автору один из американских дипломатов, осенью 2005 г. в рамках “ближневосточного партнерства” в Тунисе был организован телемост для местных журналистов, желавших пообщаться со своими заокеанскими коллегами.

Предполагалось, что передача в записи будет показана по телевидению арабских стран как пример живого и откровенного общения на животрепещущие темы. Затея, как признал американец, не удалась, так как все обсуждение с самого начала приняло жесткий, обвинительный тон и свелось к положению в Ираке.

К этой больной теме тунисские журналисты подверстали:

- позорные измышательства над заключенными в тюрьме в Абу-Грейбе;
- появившиеся в мировой прессе многочисленные сообщения о скрытой практике ЦРУ по похищению подозреваемых в терроризме, их переброске секретными рейсами частных авиакомпаний (их число с 2001 по 2006 гг. перевалило за 1000) в третьи страны (по большей части в Афганистан и Пакистан);
- выбиванию из них показаний под пытками.

Таким образом, спецслужбы обходили американские законодательные ограничения в области применения силовых методов допросов.

По данным Госсовета КНР, приведенным в опубликованном в марте 2007 г. в Пекине докладе о правах человека в США, в американских тюрьмах в Ираке и Афганистане с августа 2002 г. погибли 98 заключенных, из них 34 были убиты, 8–12 скончались под пытками.

О такой тайной деятельности, находящейся в противоречии с элементарными понятиями о морали и правах человека, не говоря уже о законе, сооб-

щила в своем докладе от 5 марта 2006 г. известная правозащитная организация “Эмнести Интернэшнл” (ЭИ),

7 июня того же года к ней присоединился Совет Европы, а затем Хьюмэн Райтс Уотч.

В не менее осуждающих тонах в адрес США был выдержан доклад ЭИ и в 2007 г.

Как заявила, представляя доклад, генсек этой организации И.Хан, “Соединенные Штаты и их союзники своим поведением подают разрушительный пример для других стран, которые используют по всему миру войну с террором в качестве оправдания нарушений прав человека и удушения инакомыслия. Одним из самых больших ударов по этим правам стала попытка западных демократий отбросить основополагающие правозащитные принципы, такие как запрет на пытки”⁷.

По данным председателя Комитета по международным делам Совета Федерации РФ М.В.Маргелова, в американских тайных тюрьмах “без суда и участия правозащитников содержалось минимум сто подозреваемых, по сути похищенных. Чтобы они признались, их обливали холодной водой, ставили в кандалах на сорок часов, помещали в холодильники...”⁸.

Методы, как видно, не отличались новизной и перенимались у гестапо.

В конце июня 2006 г. швейцарский сенатор Д.Марти по поручению Совета Европы представил доклад, в котором привел список из 14 стран, передававших ЦРУ подозреваемых в терроризме. В него вошли Босния, Великобритания, Германия, Греция, Кипр, Ирландия, Испания, Италия, Македония, Польша, Португалия, Румыния, Турция и Швеция.

Кроме того, на территории Польши и Румынии, по данным сенатора, рас-

полагались секретные тюрьмы ЦРУ. Власти перечисленных стран, особенно Польши и Румынии, принялись энергично опровергать позорящую их информацию, однако она получила подтверждения при расследовании правозащитных организаций, а затем Европарламента и Совета Европы.

В конце ноября 2006 г. был опубликован еще один доклад о деятельности ЦРУ, подготовленный спецкомиссией Европарламента.

Она установила, что власти большинства стран-членов Евросоюза и верховный комиссар по внешней политике и безопасности Х.Салана знали о том, что на их территории приземляются рейсы ЦРУ (их число перевалило за 1240) и действуют секретные тюрьмы. Однако они тщательно скрывали эту информацию от общественности. В середине февраля 2007 г. Европарламент этот доклад утвердил, сделав его официальным документом, обличающим преступные антигуманные деяния американских спецслужб¹⁰.

В первой декаде июня 2007 г. появился новый доклад Совета Европы, подготовленный тем же Д.Марти, в котором сообщалось о секретной директиве Дж.Буша от 17 сентября 2001 г., которая предписывала ЦРУ создать по всему миру "черные дыры", где можно было бы содержать без суда и следствия и бесконечно допрашивать подозреваемых в террористической деятельности или просто подрывных замыслах. Для этого американцы, как доказательно утверждал составитель доклада, уже 4 октября того же года заручились поддержкой союзников по НАТО. Особенно услужливыми, отмечает сенатор, оказались руководители Польши и Румынии, глубоко заинтересованные в американской политической поддержке и материальной помощи⁹.

Представители НАТО, презрев принципы "североатлантической солидарности", ради спасения своего международного имиджа, сразу после появления доклада поспешили откреститься от обвинений в адрес своей организации, заявив, что она "не имела никакого отношения" к американским секретным тюрьмам" в Восточной Европе¹¹.

Как отмечает исследователь современного терроризма Ф.Рис, "«война против терроризма» изменила международную юридическую практику, узаконив отправление правосудия через военные трибуналы, а не гражданские суды с международной юрисдикцией"¹².

Говоря о такой подмене, председатель Парламентской ассамблеи Европы (ПАСЕ) Р.ван дер Линден подчеркнул, что совершаемые американцами "нарушения прав человека под предлогом борьбы с терроризмом на деле означают победу террористов, которые как раз и стремятся разрушить главенство закона"¹³.

В этом контексте в арабских странах широко обсуждалось нашумевшее дело гражданина ФРГ ливанского происхождения Х. аль-Масри, похищенного американскими спецслужбами в Македонии, переправленного по секретному маршруту в Афганистан и после пятимесячных допросов с пристрастием выпущенного в 2005 г. на свободу.

Как заявил подавший в суд на американцев пострадавший, произвол над ним был учинен из-за совпадения, да и то не полного, его фамилии с фамилией подозреваемого в принадлежности к "Аль-Каиде". Когда оплошность обнаружилась, его выбросили без денег и документов в лесу Албании.

Американский суд иск Х.аль-Масри отклонил, безапелляционно заявив, что он "затрагивает интересы (ни много, ни мало!) национальной безопасности США"¹⁴. Тем не менее, суд г. Мюнхена в январе 2007 г. выдал ордер на арест 13 агентов ЦРУ, подозреваемых в похищении немецкого гражданина. Американцы выдавать своих людей, как всегда, отказались.

А еще раньше ордер на арест сразу 25 агентов американской разведки выписал итальянский суд, обвинивший сотрудников ЦРУ в похищении в Милане египетского имама Абу Омара. Реакция американской стороны была аналогичной.

Все эти разоблачения привели к однозначной реакции мирового сообщества.

В конце 2006 г. Генассамблея ООН единогласно одобрила Международную конвенцию по защите лиц от насильственных исчезновений, которая в начале февраля 2007 г. была открыта в Париже для подписания. Она запрещала тайное задержание и несанкционированное лишение свободы и предусматривала уголовное наказание за подобные злодеяния.

А тут еще всплыли неприглядные подробности содержания заключенных без суда и допуска представителей Красного Креста в тюрьме Гуантанамо на Кубе (их число на апрель 2006 г. достигало 460 чел. из 40 стран, при этом 25% — из Саудовской Аравии), связанные с тогдашним министром обороны США Д.Рамсфельдом.

По сообщению лондонской "Гардиан", он лично следил за делом саудовского подданного М.аль-Кахтани, которого в тюрьме подвергали моральным пыткам: глумились над Кораном, оборачивали заключенного в израильский флаг, инсценировали обряд крещения, заставляли носить женскую одежду, смотреть выступления стриптизерш и лаять по-собачьи.

Официальный Вашингтон был вынужден признать достоверность сообщений о творившемся на базе на Кубе произволе, оправдывая допускаемые нарушения прав человека и международной законности задачей борьбы с международным терроризмом и сохранением человеческих жизней.

Директор ЦРУ П.Госс из-за этого скандала был вынужден в начале мая 2006 г. подать в отставку.

А через месяц пришли сообщения о самоубийстве трех арабских заключенных — двух саудовцев и одного йеменца — в знак протеста против условий содержания с 2002 г. без суда в Гуантанамо.

Специальный докладчик ООН по случаям применения пыток М.Новак высказал мнение, что эти самоубийства "отражают отчаяние людей, наверняка невинных, находившихся в заключении четыре с половиной года и не имевших ни малейшего представления о своей вине и возможности защитить себя в судебном заседании"¹⁵.

Родственники узников подвергли сомнению официальную версию о самоубийстве, заявив, что ушедшие из жизни были слишком набожны, чтобы нарушить строжайший запрет суицида в исламе.

В июне 2006 г. еще три узника Гуантанамо свели счеты с жизнью, повесившись в камере. В мае 2007 г. в печать просочились сведения об еще одном кандидате в самоубийцы, бахрейнце Д.М.ад-Доссари, который совершил к тому времени уже, по меньшей мере, с десяток попыток уйти из жизни, протестуя против бесчеловечных условий содержания. Медобследование подтвердило его ментальное здоровье.

Американский контр-адмирал Г.Харрис, командующий Гуантанамо, со странной логикой поспешил объявить, что самоубийства заключенных являются "актами не отчаяния, а войны против нас".

Одновременно в ход была пущена фантастическая версия о "преднамеренных самоубийствах", якобы совершавшихся по указанию руководства "Аль-Каиды" для завоевания ей больших симпатий и авторитета среди правых мусульман.

"Открытие" американского военачальника прокомментировала парижская "Монд": "Адмирал забывает, что американская слепота в обращении с заключенными, подозреваемыми в принадлежности к "Аль-Каиде", на Гуантанамо или в секретных тюрьмах ЦРУ, подставляет все западные демократии под удар пропаганды и радикализации исламистов. Именно в на-

ших предместьях и в наших мусульманских общинах в Европе активисты "Аль-Каиды" и другие исламисты станут набирать новых рекрутов, используя аргументы, любезно предоставленные военными руководителями Пентагона"¹⁶.

Беззаконием, творящимся на американской базе, заинтересовались ООН, ОБСЕ, Международный Красный Крест, ЕС и многие правозащитные организации.

В европейских политических и общественных кругах усилились призывы к американцам закрыть тюрьму на Кубе.

"Если там все совершенно законно, если там не происходит ничего плохого, – задал закономерный риторический вопрос британский министр по конституционным делам Г. Харман, – почему бы не перенести тюрьму в США?".

На опасности сохранения тюрьмы указали авторы доклада, составленного после ее посещения (март 2006 г.) делегацией ОБСЕ.

"После долгой отсидки, – констатировалось в этом документе, – заключенные озлобляются. Выйдя на свободу с ореолом мучеников и под угрозой обвинения в пособничестве американцам, им не остается ничего другого, как присоединиться к джихаду"¹⁶.

Остроты в ситуацию добавил июньский (2006 г.) вердикт Верховного суда США, признавшего неконституционным решение Дж.Буша об учреждении военных трибуналов для суда над лицами, обвиняемыми в терроризме и содержащимися в застенках Гуантанамо.

В ответ Белый дом был вынужден вопреки очевидным фактам объявить, что на всех заключенных, задержанных американскими силами по всему миру, распространяются положения Женевской конвенции о военнопленных.

Новый виток скандала вокруг Гуантанамо вынудил Дж.Буша выразить

"серьезную озабоченность", назначить военное расследование и предписать обращаться с телами самоубийц в соответствии с исламскими установлениями.

На встрече в верхах США – ЕС (июнь 2006 г.) американский президент, оправдываясь, заявил о готовности закрыть базу. Позднее в речи по случаю 5-ой годовщины событий 11 сентября Дж.Буш объявил о свертывании программы секретных тюрем ЦРУ из-за недозволённых приемов допросов заключенных. В прессе заговорили о переводе узников на Гуантанамо. Таким образом, вопрос о закрытии этого одиозного узилища отодвигается на неопределенное время.

Как констатировала немецкая "Франкфуртер Альгемайне Цайтунг" (февраль 2007 г.), в результате замысловатых судебных игр и юридической казуистики ЦРУ удавалось удерживать на базе около 400 подозреваемых в терроризме, которые оставались лишенными общепризнанных элементарных прав заключенных.

Искаженная логика "антитеррористической борьбы" побудила Дж.Буша (17 октября 2006 г.) подписать акт, узаконивающий "агрессивные методы" (лишение сна, термовоздействие и проч.) тайных допросов подозреваемых в терроризме (кем, на каких основаниях?), который в США и во всем мире расценили как развязывающий руки ЦРУ. Вопреки решению Верховного суда США, создаваемым согласно акту "военными комиссиями" (эвфемизм трибуналов) было разрешено рассматривать материалы, полученные с помощью таких "методов".

Для того, чтобы оправдать явно недемократические методы "защиты демократии" по всему свету, Пентагон в середине марта 2007 г. открыл имя главного организатора терактов 11 сентября 2001. Им, по утверждению во-

енного ведомства США, оказался номер 3 в “Аль-Каиде” – Х.Ш.Мухаммед. Террорист якобы “сам взял на себя ответственность за атаку на башни-близнецы и за три десятка других операций по всему миру”.

Этот американский успех во всем мире был встречен со значительной долей скепсиса, учитывая, что “признания” были выбиты у узника Гуантаномо. Сомнения в этом еще более укрепились, когда стало известно, что “супер-террорист” представил военному трибуналу письменные показания о том, как пытали его и его детей, которые были тут же засекречены.

Уходя от назойливых вопросов прессы и правозащитных организаций, представитель ЦРУ ограничился совсем не убедительным утверждением о том, что его ведомство “не применяет пыток при допросах подозреваемых”.

В это же самое время появилось имя еще одного узника Гуантаномо – А. ан-Нашири (саудовца йеменского происхождения), который взял на себя подготовку по заданию самого лидера “Аль-Каиды” У.бен Ладена взрывов американских посольств в Кении и Танзании (1998 г.) и взрыва эсминца “Коул” в Аденской бухте (2000 г.).

Тогда погибло 17 американских моряков, а сам корабль стоимостью под миллиард долларов чуть было не пошел ко дну.

Особое внимание тюремщиков, привлекло его сообщение о наличии у бен Ладена ядерного оружия. Позднее “злодей” признался, что оговорил себя, чтобы прекратить изнурительные пытки и издевательства, которым подвергался в течение четырех лет со стороны дознавателей в секретных тюрьмах ЦРУ и на Гуантанамо¹⁷.

Для того, чтобы несколько приглушить не прекращавшийся шум в мировых СМИ и у правозащитников вокруг действий “демократизаторов” из ЦРУ, президент Дж.Буш подписал (20 июля

2007 г.) указ, официально запрещающий агентам спецслужб использовать “бесчеловечные и унижающие методы” дознания.

Однако в широко разрекламированном документе не нашли запрета такие излюбленные в ЦРУ способы допросов, как лишение сна и насильственное погружение в воду.

Более того, тот же документ подтвердил президентскую директиву от 7 февраля 2002 г., разрешавшую ЦРУ содержать и допрашивать подозреваемых в принадлежности к “Аль-Каиде” в секретных тюрьмах, что вызвало еще большую критику со стороны правозащитников по всему миру.

Но вице-президент Р.Чейни, лидер неоконсерваторов, разоткровенничался в интервью телеведущему Си-эн-эн Л.Кингу (август 2007 г.). Перечеркивая стремление администрации приглушить международный скандал, он заявил о необходимости подвергать заключенных “усиленным допросам”.

Несмотря на карт-бланш от Белого дома, спецслужбы решили замести следы, уничтожив еще в 2005 г. “на всякий случай” видеозаписи “допросов с пристрастием” подозреваемых в терроризме, в том числе имитации утопления.

Этот всплывший на поверхность в конце 2007 г. подстраховочный шаг дал демократам-оппонентам Буша повод развернуть целое наступление на его администрацию, инициировав в сенатском комитете по разведке в начале декабря 2007 г. независимое специальное расследование деятельности ЦРУ.

Буш, отбиваясь от назойливых журналистских расспросов, сообщил, что “запамятовал” факт уничтожения видеозаписей. Позднее стало известно, что видеозаписи были стерты по прямому указанию из Белого дома, опавшегося дальнейшей раскрутки скандала вокруг секретных тюрем ЦРУ.

Как сообщила британская "Гардиан" 12 января 2008 г., "дело о пленках" было отправлено в лабиринты бесконечных судебных разбирательств и расследований для его "благополучного заматывания".

Иракская трясина заставляла американских политиков сбрасывать "демократические одежды" и представлять перед арабскими руководителями и народами в своем подлинном облики. С демократией в Ираке явно не получалось. Напротив, страна, несмотря на все усилия "демократизаторов", неумолимо все глубже погружалась в пучину междоусобных конфликтов и гражданской войны.

С немалым трудом оккупантам удалось сколотить иракское коалиционное правительство, которое, по признанию "Вашингтон пост", было сформировано "с учетом этно-конфессиональной принадлежности его членов, а не их компетентности и способностей".

Лояльность премьера Н.аль-Малики имела свои пределы: когда, благодаря изысканиям журнала "Тайм", стали известны подробности бойни в деревне Аль-Хадита, Н. аль-Малики назвал ее "отвратительным преступлением" и объявил о создании комиссии по его расследованию.

Он констатировал, что "многонациональные силы в Ираке не уважают граждан, некоторых давят танками, других убивают. Нужно говорить об этом и установить правила, которые иностранные войска должны соблюдать"¹⁹.

Будни оккупации почти каждый день подогревали негодование иракского премьера.

В начале июля 2006 г. стало известно о групповом изнасиловании пьяной американской солдатней пятнадцатилетней иракской девочки на глазах у ее родственников. Жертва этого преступления и его свидетели были позднее застрелены. Н.аль-Малики потребовал проведения "не-

зависимого национального расследования" этого зверства.

"Мы не приемлем покушения на честь иракского народа...Полагаем, что иммунитет, предоставленный многонациональным силам, поощряет их на хладнокровное совершение подобных преступлений и его необходимо пересмотреть".

Однако в роли "блюстителей справедливости и закона" в оккупированном Ираке выступили не власти, а боевики "Аль-Каиды". Через год после этого случая они похитили пять американских солдат, широко объявив через Интернет, что "это акт возмездия за гибель нашей малолетней иракской сестры"²⁰.

Иного поведения от оккупантов было трудно и ожидать: иракская авантюра и борьба с талибами в Афганистане вызвали перенапряжение американской армии, которой становилось все труднее находить свежие силы.

В декабре 2006 г. начальник штаба армии США генерал П.Шумейкер поставил в известность палату представителей конгресса о том, что действующая армия "развалится", если не будет обеспечено постоянное пополнение воинских структур.

В ход пошли люди с темным прошлым, подмоченной репутацией и симптомами умственных заболеваний, а также претенденты на получение постоянного вида на жительство в США. От такого не лучшего контингента можно было ожидать самых непредвиденных неприятностей, любых ЧП.

"О том, что не все ладно в чисто военном плане в Ираке – отмечал С.В.Лавров в статье "Сдерживание России: назад в будущее?", – говорит число сотрудников действующих там так называемых "частных военных компаний". Оно уже составляет 30% по отношению к численному составу сил коалиции. Эти лица действуют за рамками международного гуманитарного права, ис-

кажают представление о реальной роли силового фактора в иракском урегулировании и наносят непоправимый ущерб межцивилизационным отношениям²¹.

Повседневная практика оккупации давала многочисленные примеры, подтверждавшие такой обоснованный вывод.

Приведем лишь один из них: скандал с частной охранной фирмой "Блэкуотер", сотрудники которой в "ответ на подрыв фугаса" неподалеку от проезжавшего автомобиля с высокопоставленным чиновником госдепа открыли беспорядочный огонь, уложив на месте или ранив более трех десятков мирных иракцев. Этот инцидент произошел во второй половине сентября 2007 г. в Багдаде.

В результате протестов иракской стороны и лично премьера Н. аль-Малики, который назвал эту бойню "вызовом суверенитету Ирака", американцы были вынуждены на время отказаться от частных охранников, добровольно заточив себя за заборами и надолбами правительственной "зеленой зоны".

При совместном расследовании, которое пришлось начать Вашингтону, выяснилось, что охранники "Блэкуотер" поспешили еще до прибытия следователей отремонтировать грузовик, пострадавший якобы от налета боевиков.

Сопоставив это и другие подозрительные обстоятельства, иракская сторона пришла к выводу, что взрыва, якобы повлекшего стрельбу, не было и потребовала от американцев компенсацию за невинно убитых в размере 136 млн. долл.

Попутно выявились сотни аналогичных случаев, вызванных пренебрежительным, а часто и преступным отношением частных охранников, нанятых госдепом и Пентагоном, к безопасности и жизни жителей захваченной страны.

Так, только сотрудники "Блэкуотер" с 2005 г. участвовали в 195 перестрелках, причем в 84% случаев, пользуясь своей неподсудностью местным законам, открывали огонь первыми.

В конечном итоге К.Райс была вынуждена дать указание отказаться от дорогостоящих и политически обременительных услуг частных фирм.

"Демократизация по-американски" на фоне преступлений в Ираке, поддержанных в Вашингтоне несоразмерных ударов Израиля по мирному населению Ливана и сектора Газа летом 2006 г., продолжающейся по сей день бесчеловечной блокады Газы, вызывала во всех странах арабского мира, в том числе и умеренных, нараставшее недовольство и неприятие. Что ставило американских представителей в сложное положение.

Показательно интервью американского посла в Тунисе У.Хадсона (июль 2006 г.), который под градом критических вопросов арабских журналистов был вынужден, оправдываясь, признать, что политика США на Ближнем Востоке "не является образцовой и понятной, а образ Америки в мире – светлым"²².

В весьма сложном положении оказывались и режимы, лояльные Вашингтону, силовые действия которого компрометировали их связи с США.

Так, к примеру, под давлением общественного мнения, в том числе и исламистов, власти Саудовской Аравии, в отличие от 1991 г., в 2003 г. воздержались от прямого участия и содействия войскам коалиции при вторжении в Ирак. Основными плацдармами при подготовке его оккупации стали Кувейт и Катар.

Выступая на саммите ЛАГ в марте 2007 г. в Эр-Рияде, король Абдалла назвал "инострannую оккупацию Ирака незаконной" и, кроме того, призвал к немедленному снятию "наложенного на палестинский народ несправедливого эмбарго"²³.

Попытки Дж.Буша во время ближневосточного вояжа (январь 2008 г.) мобилизовать Саудовскую Аравию,

другие страны Персидского залива на оказание отпора “террористическим устремлениям” Ирана и продолжение

“демократизации” были встречены в этих странах, как и в арабском мире в целом, весьма прохладно.

Таким образом “демократизация по-американски” вносила лишь дополнительные дестабилизирующие и взрывоопасные элементы в обстановку в регионе, расшатывая его государственное устройство, ослабляя авторитет и роль официальных властей в поддержании порядка и стабильности, давая богатый пропагандистский материал для исламистов.

Результаты “демократического мессианства” на Ближнем Востоке породили острую полемику в США и у их союзников.

Выступая в апреле 2006 г. в Американской академии в Берлине, З.Бжезинский заявил, что чрезмерный упор Дж.Буша на демократизацию для победы над терроризмом опасен. Свидетельство тому – приход к власти движения Хамас²⁴.

Британская “Гардиан”, анализируя провалы американской ближневосточной политики в период обострения ситуации в регионе летом 2006 г., отмечала: “Буша вдохновляет мысль, что народы Ближнего Востока можно бомбами загнать в демократию и запугать до умеренности. Она оказалась одной из фатальных ошибок его отвратительного президентства, а расплачиваются за нее народы Израиля и Ливана”²⁵.

Подходы России к “демократическому мессианству” и глобализму США взвешенно изложил С.В.Лавров: “... Мы не можем согласиться с «преобразовательной» логикой искусственного форсирования извне сложных процессов вызревания в странах и регионах тех или иных форм политической и экономической жизни. Не верим мы и в возможность достижения «абсолютной безопасности» за счет попытки достичь многократного военного превосходства над любой страной мира, стремление к которой привело к развязыванию «холодной» войны”²⁶.

“Такого рода политика дискредитирует сам лозунг демократии, подменяя его «демократизаторством» – примитивным орудием достижения собственных геостратегических целей”²⁷.

Примечания

¹ Московский комсомолец. 2006. 1 августа.

² Ashark Alawsat. 06.04.2006.

³ Le Monde. 06.07.2006.

⁴ The International Herald Tribune. 05–06.08.2006.

⁵ The Guardian. 17.07.2006.

⁶ www.mid.ru. 03.12.2006.

⁷ The Guardian. 23.05.2007.

⁸ <http://www.regions.ru/news/20064821>

⁹ Le Monde. 08.06.2007.

¹⁰ The Washington Post. 14.02.2007.

¹¹ РИА. 2007. 27 июня.

¹² Le Monde diplomatique. 2007. Май.

¹³ <http://www.regions.ru/news/2006482/>

- ¹⁴ Сегодня. 2006. 29 ноября.
- ¹⁵ Ashark Alawsat. 17.04.2006.
- ¹⁶ Le Monde. 13.06.2006.
- ¹⁷ The Washington Post. 31.03.2007; The Guardian. 31.03.2007.
- ¹⁸ The Washington Post. 12.07.2007.
- ¹⁹ Le Monde. 03.06.2006.
- ²⁰ Arab News. 15.05.2007.
- ²¹ www.mid.ru.15.08.2007.
- ²² As-Sabah; Le Quotidien, 18.07.2006.
- ²³ The Washington Post. 29.03.2007; 30.03.2007.
- ²⁴ The International Herald Tribune. 05.04.2006.
- ²⁵ The Guardian. 27.07.2006.
- ²⁶ Лавров С.В. Подъем Азии и восточный вектор внешней политики России // Россия в глобальной экономике. 2006. № 2.
- ²⁷ Лавров С.В. Внешняя политика России: новый этап // Эксперт. 2007. 17 декабря.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Миграция и трансформация национальных государств Европы

Марк Симон

Обострение кризисных ситуаций по мере развития глобализации выдвигает на первый план проблему регулирования стихийных процессов в целях адаптации человечества к новым условиям существования. Решающее значение приобретают силы, способные контролировать эти процессы и вносить в них элементы упорядоченности и целенаправленности.

Существует мнение, что интеграционные процессы ведут к стиранию государственных границ и ослаблению государственного суверенитета.

Стихийные процессы глобализации не превращают мировую экономику в интегральное целое, а, наоборот, усиливают контраст между высокоразвитым центром, в котором проживает 1/6 населения, и периферией, сосредоточивающей основную массу жителей планеты. Особую роль в глобальных процессах играет миграция, обретшая новые масштабы в современном взаимозависимом мире.

Нелегальная иммиграция в последние десятилетия стала неотъемлемой чертой европейских стран, несмотря на принятие законов, запрещающих незаконное пребывание иностранцев.

В течение многих лет Европа была заинтересована в нелегальной трудовой иммиграции, выгодной как работодателям, так и государству в целом. Именно поэтому правительства западноевропейских стран недостаточно активно препятствовали проникновению извне нелегальной рабочей силы.

Стремительное увеличение численности мигрантов и расширение географии нелегальной иммиграции объясняются различными факторами экономического и политического характера. Усиление иммиграционного контроля в европейских странах, которое коснулось практически всех категорий мигрантов, ограничило возможности легального въезда и стало причиной более активного использования нелегальных каналов. Оценить реальные масштабы нелегальной иммиграции с высокой долей точности вряд ли возможно. Тем не менее, наибольшее число незаконных иммигрантов сосредоточено во Франции, Германии, Нидерландах, Великобритании.

Теоретические модели интерпретации миграционных процессов

Доминирующей моделью интерпретации миграционных процессов, в том числе международных, с недавних

пор (особенно после 11 сентября 2001 г.) стала предложенная Самюэлем Хантингтоном концепция “*столкновения*

цивилизаций". Миграция, культура и этничность оказались взаимосвязанными, а порождаемый миграцией конфликт рассматривается как следствие увеличения числа культур внутри одной страны. Германия, Великобритания, Нидерланды и Швейцария описываются теперь как мультикультурные общества, им рекомендуется уделять больше внимания этому "факту".

Концепцию Хантингтона можно оценивать как самостоятельный, но отнюдь не бесспорный подход к пониманию современных процессов глобализации. Впрочем, не менее проблематичны представления исследователей, трактующих "транснациональную миграцию" как основу глобализации и игнорирующих при этом связь глобализации и мультикультурного общества.

Существует и такая точка зрения, что европейские национальные государства к концу XX в. отказались от программы национальной гомогенизации. В этих странах национальная этническая принадлежность утратила весомую часть своей политической и юридической значимости. Произошло это как в результате послевоенной иммиграции, так и вследствие процессов социальной дифференциации.

Как "мультикультуралисты", так и "транснационалисты" стремятся, хотя и по-разному, показать эрозию центральных элементов национального государства.

В концепции "мультикультурализма" подчеркивается растущая вследствие миграции гетерогенность населения, что ставит под вопрос традиционную программу национального государства: формирование и воспроизводство на своей территории культурной однородности.

Транснационализм акцентирует внимание на стабильных социальных структурах и связях, вырастающих из миграционных потоков и выходящих

за пределы границ национальных государств. Опираясь на транснациональные структуры социальных возможностей, мигранты перестают быть привязаны к определенному государству. В результате этого национальное государство больше не выполняет своей классической задачи – "социальной интеграции".

Первоначально интеграция мигрантов протекала как бы сама собой, была политически непреднамеренной. Культурные различия, этнические и национальные смыслы, приписываемые им, не превращались в доминирующий способ распределения социальных позиций и прав. "Культура" и "этничность" не были социальными механизмами формирования меньшинств. Укрепившиеся после второй мировой войны социальные государства (по крайней мере, в Европе, Канаде и Австралии) обладали достаточными возможностями для того, чтобы предоставить мигрантам шансы на участие в общественной жизни вне зависимости от их этнической или национальной принадлежности.

28 июля 1951 г. Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, была принята *"Конвенция о статусе беженцев"*.

В ней давалось определение понятию "беженец" и устанавливались общие основания, на которых должен быть предоставлен статус беженца.

Конвенция запрещала какую-либо дискриминацию в отношении беженцев.

Частью прав беженцы получали возможность пользоваться наравне с гражданами, частью – на тех же условиях, что и иностранцы.

Конвенция допускала высылку беженца в интересах государственной безопасности.

Именно этот документ послужил основой для европейского законодвор-

чества по вопросам миграционной политики.

В период с 1976 г. по 1984 г. различными представительными органами Европейского союза были подписаны следующие документы:

- “Рекомендация о де-факто беженцах” (1976 г.),

- “Декларация о территориальном убежище” (1977 г.),

- “Рекомендация государствам-членам о согласовании национальных процедур, касающихся убежища” (1981 г.),

- “Рекомендация государствам-членам о защите лиц, формально не признаваемых беженцами” (1984 г.).

Ситуация изменилась после 1989 г.

С одной стороны, новых решений в миграционной политике требовала новая миграционная ситуация: наплыв беженцев, прибытие трудовых мигрантов и этнических мигрантов (“евреи” и “этнические немцы” из Восточной Европы), рост этнических и национальных конфликтов в бывших социалистических странах.

С другой стороны, процессы глобализации и европейской интеграции, которые больше нельзя было игнорировать, заметно сузили возможности национальных социальных государств влиять на многие политические, экономические и правовые явления.

Миграция как фактор размывания национального суверенитета

Любое национальное государство характеризуется наличием суверенитета. Удерживая монополию на легитимное насилие, государство обладает правом и возможностями контролировать действия граждан на своей территории. Открывая подданным возможности для участия в системах экономики, права, здравоохранения, образования, национальное государство создало условия для того, чтобы они стали политически активными гражданами.

На фоне такой легитимации прежнюю роль “полицейского” государство отодвинуло на задний план. В центр политики становится регулирование социальных отношений, возникающих из конфликта между политической гарантией равноправного доступа к социальным системам, с одной стороны, и эмпирической реальностью социального исключения – с другой. Этот переход государств от силового к социальному регулированию стал поворотным пунктом в истории современных обществ¹.

Для современных социальных государств нежелательная иммиграция во многих отношениях стала показательным феноменом. Она ставит разделенные территориально и выстроенные по национальному принципу общества перед проблемой, которая угрожает их способности к экономической и социальной интеграции. Игнорирование этой проблемы опасно, так как она способна нарушить стабильность и функциональность политических систем.

Многочисленные примеры того, как различные государства пытаются решить эту проблему, показывают их ограниченную способность контролировать процессы глобальных социальных перемен, в том числе и миграционные процессы.

Возможности политики реагировать на глобальные миграционные процессы весьма ограничены:

Во-первых, она может игнорировать реальность миграции, поддерживая иллюзию ее управляемости при помощи таких идеологических средств, как конституция, формальное право,

миграционный контроль или символическая политика.

Во-вторых, государство или объединение государств (например Европейский союз) может прибегнуть к координированному административно-силовому ограничению миграции, направленному как вовнутрь страны, так и за пределы ее границ. Следование такой ограничительной стратегии ведет как к регулируемым и дифференцированным правовым статусам мигрантов, так и к строгому пограничному режиму и практикам выдворения “нелегальных” мигрантов².

В-третьих, вместо того чтобы бороться с последствиями рестриктивной миграционной политики в городских гетто, государство должно было бы признать неизбежность миграции и регулировать ее открыто, согласовывая особенности миграционных процессов с собственными целями и ценностями.

Германия, Нидерланды, Великобритания и Франция реагировали на частичную потерю территориального контроля диверсификацией и спецификацией своих иммиграционных правил. Прежде всего, они дифференцировали правовые категории мигрантов, ужесточили правила выдачи видов на жительство и предоставления социальных благ, параллельно конструируя барьеры на пути доступа к получению гражданства. В результате такого подхода мигранты были разделены на группы.

Стоит напомнить, что иммиграция имеет много форм:

- постколониальные,
- этнические,
- трудовые,
- семейные,
- контрактные и нелегальные мигранты,
- беженцы и т.д.

Так, 1 января 2000 г. впервые за почти 90-летний период в истории **ФРГ** вступили в силу поправки в закон о гражданстве,

предусматривавшие получение гражданства детьми иностранцев, рожденных в Германии в том случае, если один из родителей являлся резидентом страны в течение 8 лет.

1 апреля 2003 г. был изменен Закон о гражданстве **Нидерландов**. С этого момента обязательным условием натурализации иностранных граждан становилось пребывание на территории страны в статусе постоянного резидента в течение 5 лет, а также прохождение теста на владение голландским языком и знание основных принципов развития голландского общества.

10 апреля 2003 г. премьер-министр **Франции** Жан-Пьер Раффарен и министр по социальным делам Франсуа Фийон представили в прессе программу правительства по улучшению процесса интеграции легальных иммигрантов.

Граждане **Швейцарии** в 2004 г. отвергли предложенный правительством страны проект упрощения процедуры получения гражданства иммигрантами во втором и третьем поколении.

Как у всякого социального явления, у миграции есть свои достоинства и недостатки.

Эмиграция уменьшает давление на рынок труда *страны-экспортера*, сокращая безработицу. Трудовые мигранты, заботясь о благополучии своих семей, как правило, пересылают значительную часть заработанных денег на родину, обеспечивая поступление туда валюты.

Странам-импортерам миграция дает возможность использовать образовательный потенциал квалифицированных иностранных работников без затрат на подготовку. Иммиграция обеспечивает также некоторое омоложение населения, поскольку средний возраст мигрантов чаще всего меньше, чем коренного населения. К тому же у иммигрантов обычно больше детей. Правда, нельзя однозначно судить о влиянии миграции на демографические процессы.

В то же время, миграция обычно сопровождается усилением безработицы в странах-импортерах рабочей силы, снижением жилищных проблем, снижением уровня оплаты труда (иммигранты готовы работать за низкую зарплату). В районах массового проживания иностранцев нередко ухудшается криминогенная обстановка.

В последнее время увеличивается нелегальная трудовая миграция; незаконные иммигранты стараются как можно дольше оставаться в принимаю-

щей стране после окончания действия их трудовых договоров, вовлекаясь в теневую экономику (включая торговлю оружием и наркотиками).

Трудящиеся-мигранты во все времена и во всех странах подвергались и подвергаются дискриминации. Она касается всех аспектов: занятости, зарплаты, социальных выплат и льгот и т.п. Известно, что мигрантам труднее, чем коренным жителям, получить рабочие места, за исключением самых малопривлекательных.

Проблемы национальной идентичности в среде европейских эмигрантов

Мультикультурализм, который понимается не только как терпимость по отношению к культурному разнообразию, но и как требование законодательного признания прав расовых, религиозных и культурных групп, в настоящее время признан всеми современными либеральными демократиями.

Радикальная исламистская идеология, выступающая одним из движущих факторов появления терроризма на протяжении последнего десятилетия, должна рассматриваться в большей степени как проявление современных политик идентичности, нежели традиционной мусульманской культуры, с которой мы знакомы по более ранним политическим движениям. Ее современный характер не делает ее менее опасной, но помогает лучше осознать проблему и предложить возможные решения.

Современные либеральные общества в Европе и Северной Америке, как правило, обладают слабой идентичностью; многие из них гордятся своим плюрализмом и мультикультурализмом, утверждая, таким образом, что их идентичность состоит в отсутствии

идентичности. При этом существование национальной идентичности во всех современных либеральных демократических государствах является неоспоримым фактом.

Чем бы ни объяснялась неспособность Европы в полной мере интегрировать своих мусульманских граждан, она уже стала одной из движущих сил терроризма, своего рода бомбой с часовым механизмом.

Терроризм, в свою очередь, провоцирует ответную реакцию популистских политиков и отдельных социальных групп, угрожая, таким образом, самому существованию европейской демократии.

В Европе гораздо сложнее, по сравнению с США, призвать мусульман отказаться от групповых прав, в первую очередь, из-за традиций уважения к правам общин и так и не произошедшего полного отделения церкви от государства. Существование финансируемых за счет государства христианских и иудейских школ в ряде европейских стран не добавляет веса аргументам против государственного финансирования религиозного образования для мусульман.

В Европе существуют все предпосылки для создания национальных идентичностей, в меньшей степени связанных с этническим происхождением или религией.

Наиболее известным прецедентом является французское республиканство, которое в своей классической форме не признавало отдельные общинные идентичности и использовало государственную власть для гомогенизации французского общества.

По мере увеличения угрозы терроризма и городских бунтов во Франции все более интенсивно обсуждаются причины поражения современной модели интеграции.

Возможно, эта ситуация частично сложилась из-за отказа от предыдущей модели гражданства в пользу одной из версий мультикультурализма. Запрет на ношение мусульманских головных уборов, вступивший в силу в 2004 г.,

стал возвращением к старой концепции гражданства.

Если говорить о Европе в целом, то официально там проживает сейчас 18,4 млн. мигрантов.

Поскольку население ЕС составляет 378 млн. чел., это может показаться совсем небольшой долей – около 5%.

Однако если принимать во внимание нелегальных мигрантов и натурализовавшихся иностранцев, то, по оценкам *CEPS*, эта цифра будет больше по крайней мере на 40–60%, то есть речь идет о 25–29 млн. чел.

Для сравнения: это примерно половина населения Италии или Франции³.

Таким образом, европейский опыт не однороден. В большинстве стран начинается широкое общественное обсуждение вопросов идентичности и миграции, хотя и мотивированное в значительной степени недавними террористическими актами и увеличением популярности крайне правых политических сил.

Проблема нелегальной миграции

Сегодня европейские страны превратились в плавильный котел для мигрантов из разных регионов мира. Причем в каждой стране в силу исторических причин сформировалась своя специфика меньшинств.

Миграция имеет важное экономическое значение для Европы.

Уже сегодня в странах Европы целые отрасли фактически держатся на иностранной рабочей силе. Иностранцы, часто являющиеся лишь сезонными рабочими, обходятся значительно дешевле местной рабочей силы. Причем десятки и сотни тысяч иностранных рабочих часто находят работу в тех регионах Европы, где высок уровень безработицы.

Таким образом, считают некоторые исследователи, миграция с экономической точки зрения в основном выгодна лишь работодателям, которые могут

экономить на издержках, покупая более дешевую рабочую силу.

Однако иностранцы в Европе занимаются не одной лишь неквалифицированной работой.

Контрабандисты, зарабатывающие на нелегальной миграции, выстроили своеобразные “технологические цепочки”.

Сначала потенциальным мигрантам специально подготовленные люди расписывают все достоинства жизни в Европе, а не, скажем, в Алжире, Афганистане или Китае.

Эффективный маркетинг нелегальной миграции серьезно увеличивает ее масштабы: не будь поставленной на поток рекламы, нелегальная миграция не была бы такой головной болью Европы.

15 ноября 2000 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН был принят

“Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности”.

В этом документе подчеркивалась необходимость международного сотрудничества в целях устранения коренных причин миграции и противодействия деятельности международных преступных группировок.

Однако, поток мигрантов в Европу не прекращается. Трудно предположить, что Европа станет таким же регионом массовой иммиграции, как Соединенные Штаты, тем не менее, миграция будет менять облик европейских городов, потому что основной поток мигрантов по-прежнему будет идти из развивающихся стран, где уровень жизни значительно ниже, чем в Европе.

Тенденция негативного отношения к миграции, получившая развитие пос-

ле трагических событий 11 сентября 2001 г., ведет к необоснованному отождествлению мигрантов, особенно незаконных мигрантов, с террористами и другими злоумышленниками.

На деле борьба с терроризмом превращается в иррациональную борьбу с миграцией в целом.

Сам термин “мигрант” приобретает негативное звучание.

Это заблуждение – в том случае, если оно выражается в конкретных анти-миграционных действиях – может привести к результату, противоположному желаемому.

Как свидетельствует опыт последних четырех десятилетий в области миграционной политики в различных странах мира, ужесточающие меры миграционной политики практически всегда сопровождаются ростом незаконной миграции⁴.

Таким образом, можно констатировать, что миграционные процессы, обусловленные глобализацией, оказывают существенное влияние на социальную политику национальных государств Европы. Нелегальная иммиграция является важнейшим стратегическим приоритетом во внешней политике ЕС, прежде всего, из-за его расширения.

Выгоды от расширения Европейского союза страны-участницы ощутят в будущем, но оплачивать этот процесс придется “старым” членам союза уже сейчас. Хотя половина европейцев поддерживает расширение ЕС, часть населения, тем не менее, боится увеличения безработицы из-за притока дешевой восточноевропейской рабочей силы. В последнее время все чаще звучат требования о необходимости введения ограничений на иммиграцию из Центральной и Восточной Европы, несмотря на то, что свободное передвижение граждан является одним из основополагающих принципов ЕС.

На первый взгляд может показаться, что терпимое или, напротив, нетерпимое отношение государств к диверсификации собственного культурного пространства, порождаемого миграцией, определено приверженностью их правительств той или другой концепции нации. Однако истинный источник различий в восприятии иммиграции и культурной диверсификации следует искать в различиях политических культур.

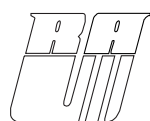
После серии терактов 2001–2005 гг. в индустриально развитом мире явно усилилась ностальгия по “классическому” национальному государству, в котором нация по умолчанию рассматривается как культурно сплоченная общность. И среди правящих классов, и в общественном мнении стран “Севера” растут симпатии к культурной (а где возможно – и к этнической) однородности.

Мигранты желанны, таким образом, только при условии, если они готовы и способны вписаться в образцы поведения, характерные для принимающей страны.

Но промышленно развитые страны обречены на иммиграцию. Остановить иммиграционный поток с “Юга” на “Север” невозможно. И не только потому, что перемещение рабочей силы из неблагополучных зон мировой экономики в благополучные является неизбежным процессом, но и потому, что “Север” нуждается в иммиграции – хотя бы по причине старения его населения.

Примечания

- ¹ *Hammar T.* Democracy and the Nation State. Aliens, Denizens and Citizens in a World of International Migration. Aldershot, 1994.
- ² *Радтке Ф.О.* Между дерегуляцией и дискриминацией. Дилемма немецкого социального государства в обращении с иммиграцией // <http://www.cisr.ru/migration.html>
- ³ *Кошаров А.* Европа на игле миграции // Эксперт онлайн. <http://www.expert.ru/printissues/expert/2002/37/37ex-migrat/>
- ⁴ *Ивахнюк И.* Две миграционные системы в Европе: тенденции развития и перспективы взаимодействия // http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/strategii/dve_sistemi_2

**ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER**

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Технологии несилового разрешения международных и внутриполитических конфликтов

Андрей Манойло,
кандидат физико-математических наук

Культурно-цивилизационные отличия в моделях и технологиях психологического воздействия на современные конфликты

Несмотря на завершение эпохи глобального противостояния, в мире общее количество политических конфликтов не только не сокращается, но продолжает нарастать, возникают их новые формы, мало подверженные стабилизирующему воздействию традиционных инструментов политического регулирования.

Как указывает М.М.Лебедева, “современные конфликты стали одним из ведущих факторов нестабильности в мире. Будучи плохо управляемыми, они имеют тенденцию к возрастанию, подключению все большего числа участников, что создает угрозу не только тем, кто непосредственно вовлечен в конфликт, но и всем остальным”¹. Международные отношения все больше становятся полем политических конфликтов.

Наряду с обострением традиционных форм и методов политического соперничества в международных отношениях все большее значение играет этнический фактор: в современных конфликтах, все чаще носящих характер столкновения цивилизаций, центральной проблемой становится сохранение ценностей и национальной идентичности, разрушение и трансформация которых сегодня – основная цель политической агрессии.

Примером может служить Косово, где сегодня происходит столкновение системы ценностей православной христианской цивилизации, радикальных направлений этнического ислама и агрессивной миссионерской социально-культурной традиции американского протестантизма.

Другим ярким примером является зарождающийся в самом центре Европы – Франции – этнополитический конфликт между коренным населением страны и общинами иммигрантов из мусульманских стран Северной Африки, принадлежащих к иной культурно-цивилизационной традиции, не разделяющих многих европейских ценностей, принципиально отрицающих политику культурной интеграции и,

по мере накопления собственных ресурсов, начинающих заявлять о себе как о новой политической силе.

Близкая ситуация складывается с этническими общинами и в Великобритании, вынужденной кардинально пересматривать открытость своих границ.

Сам политический конфликт при этом во многом утрачивает черты “конфликта интересов” и становится “конфликтом ценностей”, природа которого и способы политического разрешения сегодня практически не познаны.

Между тем, международная деятельность по урегулированию внешнеполитических конфликтов сегодня переживает системный кризис, требующий не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликтные ситуации, но и формирования новых парадигм управления политическими конфликтами.

Не случайно видный ученый-международник А.В. Торкунов указывает на необходимость обновления методологии общественно-научных исследований, создания “новой методологической парадигмы”, в которой достойное место должна занять социальная психология и “управление процессами восприятия человеком жизненной реальности, управление рефлексией”².

В этих условиях многократно повышается значимость информационно-психологических технологий в управлении современными конфликтами как реальной альтернативы силовым методам “принуждения к миру” и “гуманитарных интервенций”.

Сегодня известно множество примеров успешного применения технологий информационно-психологического воздействия на международные конфликты для их стабилизации и разрешения.

Однако, все они не универсальны и имеют индивидуальные культурно-цивилизационные и национально-государственные особенности, отражающие различия в мировоззрении существующих мировых цивилизаций на разрешение конфликтных ситуаций.

Эти различия очевидным образом появляются во внешней политике ведущих мировых акторов: методы, применяемые США и Великобританией, относящихся к англо-саксонской цивилизации, существенно отличаются от методов и технологий воздействия на конфликтную ситуацию стран Восточной Азии, Ближнего Востока и даже Европейского союза.

Существующая культурно-цивилизационная дифференциация методов и технологий психологического воздействия требует применения к исследованию моделей несилового разрешения современных конфликтов аппарата инструментов и методов культурно-цивилизационного подхода.

В современной конфликтологии особое внимание уделяется управлению конфликтным поведением, что предполагает учет культурных и психологических особенностей народов. Проблема выделения этноса, более широкой общности происходит, прежде всего, на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям. Соответственно, и поведение людей определяется их культурно-ци-

вилизационной, национальной, этнической принадлежностью.

А.Тойнби, впервые поставивший проблему столкновения и синтеза цивилизаций, указывал на разрушительный эффект перенесения институтов и методов (то есть технологий), “вырванных из своей природной среды”, ибо “каждое исторически сложившееся пространство есть органическое целое” и “что полезно одному”, “вредно другому”³.

Очевидно, что механическое перенесение технологий информационно-психологического воздействия с одной культурно-цивилизационной среды на другую без учета ее особенностей может привести к углублению, эскалации конфликта.

К подобным негативным последствиям привела в 2006 г. информационно-психологическая акция в Дании, Франции и других европейских странах с карикатурными изображениями пророка Мухаммеда.

Данная информационная акция вызвала не просто скандал, а культурно-цивилизационную конфронтацию между исламской и европейской цивилизациями, что потребовало значительных усилий политических и религиозных деятелей по ее улаживанию.

Культурно-цивилизационные отличия в моделях информационно-психологического воздействия на политические конфликты уходят корнями, в первую очередь, в менталитет наций и этносов, составляющих население государств, и базируются на культурных архетипах. В целом, исходя из культурно-цивилизационных критериев, можно выделить четыре основных подхода к использованию технологий информационно-психологического воздействия в современных международных конфликтах:

- англо-саксонский (представители – США, Великобритания и страны Британского содружества);
- восточноазиатский (Китай, Вьетнам, Малайзия, Тайвань, Япония).
- романо-германский (Германия, Франция, Италия, скандинавские страны);
- ближневосточный (исламский фактор: арабский мир, Иран, Пакистан, Турция, Индонезия).

В основе англо-саксонской модели лежит укоренившаяся в сознании и проникающая в подсознание достаточно (исторически) молодая идеология и ми-

ровоззрение протестантизма. Все три основные американские идеологические концепции: “экспорт демократии”, “силовое умиротворение” и “бархатные революции”, по сути, являются переработкой и развитием основных норм протестантского мировоззрения.

В основе восточноазиатской традиционной модели лежит в основном конфуцианское мировоззрение и идеология, а также философское учение Лао-Цзы.

В основе романо-германской модели лежит значительный опыт конфликтного сосуществования различных народов в рамках тесной Европы (“коммунальная квартира”) и историческая культурно-религиозная традиция католицизма, дополняемая элементами более позднего европейского протестантизма.

В основе ближневосточной модели, сформированной в культурно-цивилизационной традиции различных направлений и течений ислама, лежит исторический опыт расширения ареала распространения и влияния исламского мира.

Существуют различия в культурно-цивилизационном опыте использования технологий психологического воздействия вообще, и психологических манипуляций сознанием в частности: “европейская и американская культуры, по видимому, более поздние в историческом плане пользователи в массовом масштабе такого острого психологического средства, как манипулятивное воздействие и психологические манипуляции”⁴. Вероятно, “именно недостаток исторического опыта, относительная молодость современной западной культуры и объясняют отсутствие у людей, включенных в ценности этой культуры, сформированной эффективной системы социально-психологической защиты от манипулятивного воздействия”⁴.

Восточная культура имеет значительно больший исторический опыт использования психологических манипуляций, так как “манипулятивный подход там достаточно органично включен в искусство тайного управления противником, является философской, идейной основой и практикой дипломатии и политики. Искусство составлять поэтапный многошаговый план взаимодействия между людьми со скрытой от посторонних целью, применяя многочисленные хитрости и ловушки для достижения успеха, является с древнейших времен отличительной чертой мышления и поведения китайских государственных деятелей, дипломатов и военных”⁴.

Культурно-цивилизационные отличия наиболее ярко проявляются в современных доктринах и концепциях психологического воздействия на конфликты именно у представителей англо-саксонской цивилизации: США и Великобритании. Сегодня психологические операции строятся ими в рамках двух основных идеологических концепций:

– концепции “*жесткой силы*” (представлена школой неореализма – К.Уолтц, Р.Гилпин, Б.Бузан), основанной на принципе приоритетности “силового умиротворения”, в рамках которой считается морально оправданным превентивное применение вооруженной силы в отношении участников конфликта, если есть явные признаки того, что конфликт может стать угрозой политической стабильности в регионе и перерасти в гуманитарную катастрофу⁵;

– концепции “*мягкой силы*” (представлена школой неоллиберализма), опирающейся на идеологическую установку на “экспорт демократии” и сочетающую в себе агрессивную миссионерскую традицию американского протестантизма с технологиями так назы-

ваемых “бархатных революций” (“движение демократии”) – методами внешне ненасильственного изменения конституционного строя в странах-потребителях американской модели развития общества⁶.

Обе концепции в англо-саксонской модели не дублируют, а взаимодополняют друг друга, отличаясь исключительно по скорости достижения искомого политического результата:

При этом концепция “жесткой силы” очень эффективна для оказания силового давления на противника с целью получения политических преимуществ в настоящей точке политического процесса, причем принцип “силового умиротворения” позволяет использовать методы насильственного принуждения и в мирное время, прикрываясь глобальной миротворческой деятельностью.

Со своей стороны, концепция “мягкой силы”, как правило, рассчитана на отложенный результат, так как подготовка и проведение таких психологических операций как “бархатные революции” требует времени. Однако эффект от технологий “мягкой силы” сохраняется в течение более длительного времени: проамериканские режимы в странах, где победили “бархатные революции”, до сих пор у власти и проводят внешнеполитический курс, полностью ориентированный на национальные интересы США.

Концепция “силового умиротворения” предполагает, что превентивное применение вооруженной силы развитыми демократическими странами является оправданным. Это обосновывается тем, что государства западного мира, построившие у себя “самые совершенные” на сегодняшний день модели демократического общества, способны быстрее и качественнее оценить угрозы демократии, возникающие при зарождении и эскалации новых кон-

фликтов, чем традиционные коллегиальные органы и институты (такие как ООН), в которые входит достаточно большое число стран “с неразвитой демократией”, чье мировоззрение мешает им своевременно оценить опасность со стороны современных политических конфликтов.

При этом главным признаком международной опасности конфликта является “международное общественное мнение”, зачастую специально сформированное и ориентированное на определенные реакции. Эта оценка конфликтной ситуации считается более значимой и оперативной, чем реакция традиционных международных институтов (ООН, ОБСЕ), и всегда опережает официальную позицию ООН, тем самым, понижая ее роль и дискредитируя способности этой организации оперативно реагировать на угрозы международной безопасности.

Одной из технологий формирования общественного мнения в рамках концепции “силового умиротворения” является технология формирования образа международного терроризма.

В отличие от “силового умиротворения” концепция “мягкой силы” – это технологии обеспечения добровольного подчинения других субъектов международного права, основанные на признании абсолютного превосходства в сфере идеологии, политики, экономики, морали. Причем, подчинение должно быть именно добровольное, что определяет приоритетность использования ненасильственных методов.

К ним, в первую очередь, относятся технологии информационно-психологического воздействия на сознание, используемые в современных операциях психологической войны. Один из лучших примеров применения таких технологий на практике – это так называемые “бархатные революции”. Базовая идеология, делающая привлекатель-

ным для массового сознания этот явно экспансионистский курс, – это почти религиозная миссия по “экспорту демократии”, сравнимая с крестовыми походами.

Восточноазиатские методы информационно-психологического воздействия на течение конфликта базируются на традиционных ценностных установках, прежде всего конфуцианства, остающихся, несмотря на все идеологические веяния, основой мировоззрения китайского и других обществ Восточной Азии. Традиционные ценности конфуцианской этики определяют отношения не только в рамках семьи, но и в отношениях между различными социумами⁷.

Не только в Китае, но и в Японии, Южной Корее, Сингапуре и других странах Восточной Азии конфуцианская этика оказывается доминирующей в общественном мнении, и без ее учета трудно иными методами воздействовать на сознание.

Российские ученые указывают на необычайную стойкость отдельных черт внешнеполитических доктрин Китая на протяжении более чем трехтысячелетней истории страны.

“Прежде всего здесь имеется в виду традиционность общих принципов, – пишет А.А.Бокшанин, – которые легли в основу внешнеполитических связей и некоторых характерных черт китайской дипломатической практики”⁸.

Пекин, как правило, не форсирует события, ожидая лучших времен в своих спорах с оппонентами. Он стремится первоначально “застолбить позицию”, заявить, например, о притязаниях на ряд островов Южно-Китайского моря, либо оставить вопрос открытым на “неопределенное время” по спорным территориям, как это имело место в начале 70-х годов XX в. при

нормализации отношений с Японией по вопросу о принадлежности о-вов Сэнкаку.

Общая международная обстановка и соотношение сил через несколько десятилетий наверняка изменятся и спор может решиться в пользу Китая и без конфликта.

“«Отложенные решения»” – весьма удобная форма психологического воздействия. Проблема остается нерешенной, ей можно всегда воспользоваться как инструментом информационного давления, в том числе и на переговорах. В современном Китае происходит отказ от прошлых стереотипов, освобождение от “комплекса неполноценности”, сторонники возрождения былого величия страны призывают “взять инициативу в свои руки, на равных вести дела с другими великими державами, настаивать на своей позиции в урегулировании международных кризисов”⁹.

В отличие от восточноазиатской европейская специфика такова, что на континенте со времен Вестфальского мира (1640 г.) в основу институализации социумов был положен принцип этнической идентификации наций-государств как основных участников международных отношений. Но этническая дифференциация после распада империи Карла Великого привела к многочисленным межнациональным конфликтам, в том числе к мировым войнам.

После Второй мировой войны процесс этнической и национальной дифференциации не прекращался, порождая как новые открытые конфликты, например на Балканах, так и скрытые, латентные – в Бельгии, Испании, Греции и других странах.

Ведущие государства Евросоюза, прежде всего Германия и Франция, а также Бельгия, Испания, Италия, кото-

рые условно можно объединить в Романо-германскую цивилизацию, в применении технологий информационно-психологического воздействия на конфликты придерживаются тактики психологического управления, но с учетом национально-государственной специфики.

Западноевропейская модель психологического воздействия на конфликты не ставит задачу за счет прямого вмешательства изменить политические системы его участников (ни с помощью силового давления, ни с помощью “мягкой силы”), а стремится управлять сознанием политических элит, стоящих у власти в государствах-участниках конфликта, а также сознанием различных слоев местного населения и международной общественности, побуждая их воспринимать конфликт в соответствии с предлагаемым им образом конфликта, то есть смотреть на конфликт глазами европейского сообщества.

В отличие от ЕС исламский мир, несмотря на его обозначение как единой культурно-цивилизационной общности, на самом деле представляет собой сложную мозаичную картину.

Дезинтеграция ислама на множество религиозно-правовых школ и течений свидетельствует о том, что специфика каждого направления иногда превалирует над общими принципами и догматами религии. Различия в догматике ислама затрагивают не только основы вероучения, но и сферы социальной, культурной, политической жизни и экономические отношения.

В географическом и геополитическом отношении “мусульманский мир” распадается на центр и периферию, на территории и страны с арабским и неарабским населением, на регионы, где зарождался и развивался ислам и на пространства “вторичной исламизации”.

Ислам, проникший, например, в Поволжье из Турции, отличается от среднеазиатского ислама.

В ряде новых независимых государств на пространстве СНГ ислам слился с местными традициями: например, в Казахстане суннизм ханафитского мазхаба терпим к инакомыслию, не отвергает местного обычая, слился с местными традициями тенгрианства.

В то же время ханафитский суннизм ваххабитского толка (Саудовская Аравия, Эмираты) призывает к жестокой борьбе за “чистоту ислама”, его адепты отличаются фанатизмом и экстремизмом в отстаивании догматов веры, в противоборстве со своими политическими противниками.

Практика политической жизни дает множество свидетельств религиозных войн внутри ислама, продолжающихся и в наши дни в виде политического противоборства суннитов и шиитов в Ираке.

В этой связи методы информационно-психологического воздействия на массы верующих сохраняют общие черты преимущественно в межкультурном противостоянии, идеологическом противоборстве с иной религией, культурой. Но и внутри исламской уммы происходит не менее ожесточенная борьба за утверждение господствующего воздействия на сознание той или иной школы, направления.

Поэтому, необходимо рассматривать методы информационно-психологического воздействия ислама на трех уровнях: цивилизационном, региональном и национальном, что, в определенной степени, соответствует уровням существующих международных конфликтов.

На цивилизационном, а, по существу, глобальном уровне ислам выступает как альтернатива западному либерально-демократическому миру: в исламской доктрине имеется свое пони-

мание и своя трактовка миропорядка. Именно это он стремится спроецировать на зоны международных конфликтов. В этом и состоит сущность ближневосточной модели психологического разрешения конфликтов.

Сегодня модели психологического разрешения современных конфликтов представлены минимум четырьмя различными культурно-цивилизационными формами (англо-саксонским, восточноазиатским, западно-европейским и ближневосточным), и каждый из них имеет свои, присущие только ему, отличительные особенности.

Англо-саксонская модель видит процесс разрешения конфликтов в полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон под свои политические нормы и стандарты.

Восточноазиатская модель видит процесс разрешения конфликтов в интеграции (а, фактически, во встраивании) политических систем и ценностей конфликтующих сторон в собственную систему политических отношений (например, по принципу “одна страна – две системы”), постепенно растворяя в своей системе национальную идентичность политических систем более слабых участников международных отношений.

Ближневосточная (исламская) модель видит процесс разрешения конфликтов в переносе исторически сложившихся в исламе традиционных механизмов регулирования социально-политических отношений на зоны конфликтов, в том числе за счет расширения ареала распространения и влияния исламского мира.

Романо-германская, или западноевропейская, модель видит процесс разрешения конфликтов в изменении взглядов участников конфликта на сам конфликт.

У России, находящейся на пересечении интересов англо-саксонской, восточно-азиатской, ближневосточной и западноевропейской политики, в формировании собственного политического мировоззрения на формы и способы разрешения современных конфликтов есть две возможности: либо следовать одной из описанных выше моделей, либо искать собственный путь, сочетая в национальной политике сильные стороны всех трех основных подходов и, по-возможности, избегая их недостатков.

Примечания

¹ Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 14.

² Независимая газета. 2007. 7 декабря.

³ Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Сборник. М., 1995. С. 184, 185.

⁴ Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: ИФ РАН, 1999. С. 17–29.

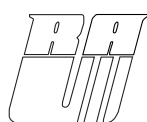
⁵ Лебедева М.М. Мировая политика. М., 2003. С. 30–31.

⁶ Keohane R., Wye D. Power and Interdependence. World politics in Transition. N-Y, 2000. P. 12–45.

⁷ Титаренко М.А. Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межкультурных отношений. М., 1994. С. 24.

⁸ Китай: Традиции и современность. Сборник статей. М., 1976. С. 129.

⁹ Бажанов Е.П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М., 2007. С. 340.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Антидемократические тенденции в деятельности политических партий

Борис Исаев,

доктор социологических наук, профессор
(Балтийский государственный технический
университет им. Д.Ф.Устинова, Санкт-Петербург).

Сложной проблемой партийных организаций является их олигархизация, бюрократизация, проявление бонапартизма и цезаризма, коррупции, в общем – нарастание антидемократических тенденций и антиморальных проявлений.

Эта проблема усугубляется тем фактом, что практически все основные современные партии признают мораль одной из основ общества, а демократию – его краеугольным камнем, силой, дающей возможность проявиться креативности и активности всех индивидов и социальных групп, всячески поддерживают демократические тенденции и демократизацию общества. Выражая поддержку демократии и соблюдению моральных норм в окружающем обществе, партийное руководство, казалось бы, должно прикладывать все усилия и показывать личный пример соблюдения моральных норм, бороться с проявлениями антидемократических тенденций во внутрипартийных отношениях. Однако этого не происходит.

Еще Алексис де Токвиль в 30-х годах XIX в., сравнивая аристократические европейские и демократическое американское правительства по возможностям для коррупции, обнаружил большую коррумпированность именно демократического правительства, составленного из представителей демократических партий, так как “в аристократических правительствах государственными делами занимаются люди состоятельные, которых на государственный пост приводит лишь

стремление к власти. В демократических правительствах государственные деятели – это бедные люди, и им только предстоит нажить состояние”¹.

Это же можно сказать и о партийном руководстве.

Не следует думать, что антидемократические тенденции появляются в политических партиях на каком-то определенном этапе развития.

Джеймс Брайс, исследуя зарождение американских партий, уже в протопартиях колониального периода (он писал о 50-х

годах XVIII в.) обнаружил тенденцию к олигархизации, когда "небольшой кружок влиятельных граждан обыкновенно назначал кандидатов на провинциальные и колониальные должности, а его выбор обыкновенно встречал одобрение, несмотря на то, что не опирался ни на какой авторитет, кроме личного влияния членов кружка"².

М.Я.Острогорский в ведущих американских партиях XIX – начала XX вв. обнаружил, кроме формальной организации, неформальные *кокусы* – закулисные группировки, оказывающие решающее воздействие на выдвижение кандидатов, и *ринги* – группы поддержки и обеспечения избрания нужных партиям кандидатов. Эти кокусы и ринги пытались достичь поставленных целей любой ценой, в том числе нарушая моральные принципы.

Филадельфийский Газ-ринг, например, "формировал большинство за счет мошенничества с голосами и вскрытия бюллетеней; он покупал голоса оптом и в розницу, заставляя всех, состоящих на службе города, доставлять средства для подкупа; даже агенты полиции не были избавлены от этого"³.

Проблемами бюрократизации и олигархизации социал-демократических партий и профсоюзов занимался немецкий теоретик Роберт Михелс. В 1911 г. он издал работу: "Политические партии: социологическое исследование олигархических тенденций современной демократии".

В начале своего исследования он исходил из предположения, что социал-демократические партии, которые смысл своего существования видели в установлении общественной и государственной демократии, должны иметь образцовую демократическую организацию своей собственной внутрипартийной жизни. Но в процессе работы он обнаружил ничуть не меньшие проявления олигархического и бонапартистского управления в социалистиче-

ских партиях, чем в так называемых "буржуазных".

Причиной тому, по Михелсу, служат социальные процессы, которые можно подвести под собирательное название "обуржуазивание рабочих партий".

Процесс обуржуазивания рабочих партий состоит, по Михелсу, из следующих явлений или субпроцессов:

- привлечение в ряды рабочих партий мелкобуржуазных элементов, то есть людей, незанятых напрямую физическим трудом, и расширение электората рабочих партий за счет мелкобуржуазных избирателей.

- Это делает указанные партии не классовыми организациями рабочих, а народными, партиями трудящихся.

- Социальная трансформация рабочих партий ведет за собой трансформацию политическую.

- Так как теперь партия становится выразительницей интересов не только рабочих, но и трудящихся, то и ее программа, и ее политический курс должны быть соответствующими;

- переход пролетариев, ставших партийными функционерами, партийными чиновниками, редакторами партийных газет (и изменивших, таким образом, характер труда с физического на умственный) на мелкобуржуазные позиции.

"Социал-демократия, – делает вывод Михелс, – служит для определенных слоев наемных рабочих ... машиной классового возвышения, причем по мере расширения и роста ее бюрократического организма. На ее долю выпала недобровольная задача отчуждения части рабочих и к тому же во многом наиболее способной, умной части пролетариата, ее депролетаризации и включения в мелкую буржуазию, а иногда даже и в среднюю"⁴;

- приход в ряды рабочих партий многочисленные бюрократические должности представителей интеллигенции, мелкой и средней буржуазии.

Анализ мотивов этого прихода, проведенный Михелсом выявил два социальных типа:

– “человек науки”, движимый идеалистичными установками, приходящий на партийную работу “ради науки”.

– “человек сильных чувств”, движимый чувством справедливости. Именно эти типы людей наиболее восприимчивы к социалистическим идеям.

Иногда помощь социалистическим партиям оказывают представители плутократии – очень богатые люди, желающие, чтобы состояние достатка, в котором они живут, стало доступным и другим людям.

Все эти люди не только работают в партиях и оказывают им практическую помощь, но и привносят “буржуазное сознание и буржуазные отношения” в рабочую среду.

Кроме рассмотренных выше *социально-классовых и интеллектуальных* Михелс выделил еще *психологические причины* олигархических тенденций в рабочих организациях, которые заключаются в безразличии, пассивности, политической апатии и потребности в руководстве, в наставничестве партийных масс и, наоборот, активности, информированности, стремлении к власти партийных верхов.

К *техническим причинам олигархизации партий* Михелс отнес рост их численности и усложнение организационной структуры, расширение масштабов и сложности партийных задач.

В этих условиях фактически вся партийная элита не только становится на “мелкобуржуазные” и олигархические позиции, но и сознательно увеличивает свой отрыв от массы, держит ее в неведении и принимает решения исключительно “навверху”. “Обуржуазившиеся” рабочие партии с точки зрения бюрократизации следуют за “буржуазными” партиями, так как все больший объем внутрипартийной работы в них доверяют профессиональным чиновникам. Элита рабочих партий или

партийное руководство по примеру “буржуазных” партий игнорирует мнение руководимой массы, давая ей минимум информации и принимая важнейшие решения без нее. Разрыв тесных отношений между партийным руководством и рядовыми членами, характерный для первых этапов рабочего движения, когда оно не достигало большого размаха и высокой степени организации, Михелс назвал олигархизацией рабочих партий. Он вывел “железный закон олигархии”, который утверждает, что любая организация, в том числе политические партии, несет в себе олигархическую тенденцию, определяющую закономерность и объективность перерождения партийной демократии в партийную олигархию, который не только оставляет партийные массы вне поля принятия значимых решений, но и открывает путь навверх наиболее способным представителям этих масс. “Кто говорит “организация, тот говорит “олигархия”⁵⁵.

В условиях разрыва руководства партий и партийных масс возникает возможность *партийного бонапартизма*, когда тот или иной возвысившийся до “заоблачных вершин” харизматический партийный вождь время от времени (по примеру Бонапарта) спускается с этих вершин, напрямую обращаясь к партийной массе. Делается это отнюдь не для демократизации отношений партийных верхов и низов, а для искусственного создания и поддержания своей харизмы или для завоевания массы на свою сторону в случае ожесточения верхушечной схватки за власть.

Макс Вебер, исследуя господство чиновников в политических организациях, разделил по этому признаку все партии на два типа:

– *Организации ведомственного патронажа*, целью которых является про-

движение своего лидера на руководящий пост, чтобы впоследствии тот назначил “собственную свиту – чиновничий и пропагандистский аппарат партии – на государственные должности”. Такие партии зародились в США в 20-е годы XIX в.;

– *Преимущественно мировоззренческие организации, которые стремятся к осуществлению содержательных политических идеалов.*

Например, католическая Партия центра в Германской империи или СДПГ.

Но и патронажные, и мировоззренческие партии (и американские, и европейские) “на протяжении последних десятилетий (речь шла о начале XX в. – Авт.), – и это особенно подчеркнул Вебер, – с растущей рационализацией техники предвыборной борьбы переходят к бюрократической организации”⁶.

Бюрократизация партий, по Веберу, может принимать разные формы:

- организации-машины в США;
- организация-кокус Дж. Чемберлена в Великобритании;
- организация-капелланократии, когда церковный аппарат вмешивался в деятельность Партии центра в Германии;
- парторганизация-госаппарат, при которой сращивается партийное и государственное руководство, как это наблюдалось в Консервативной партии Пруссии.

Но главная тенденция в этом направлении, отмеченная Вебером, заключается в усилении партийной бюрократии в партиях, общественной бюрократии в других организациях гражданского общества, частной бюрократии в кампаниях и фирмах и государственной бюрократии в системе власти. Вебер не испытывал тревоги и, тем более, не видел нарушения моральных принципов в усилении бюрократии или, точнее, массовом распростра-

нении бюрократической организации; он связывал ее появление, в том числе в политических партиях, с общим развитием капиталистических отношений, индустриализма и рационализма.

В эпоху Индустриализма все организации, в том числе и политические партии, становятся рациональными, индустриальными, капиталистическими предприятиями.

Если китайские мандарины, римские и византийские чиновники, да и все чиновники вообще до эпохи Индустриализма получали традиционное образование и на протяжении всей своей карьеры были связаны традициями, то есть патриархально и иррационально ориентированы, то современные чиновники: государственные, частные или партийные получают, как правило, современное университетское образование, ориентированы рационально и работают на индустриальных предприятиях.

Современная или, если угодно, бюрократическая организация позволила от “дилетантского управления” партиями перейти к профессиональному управлению, которым занимается не кучка любителей-дилетантов, а аппарат деловых людей, специально обученных и подготовленных профессионалов.

Разумеется, профессионализация и рационализация управления партиями принесла не только позитивные, но и негативные явления.

Вебер выделил три таких факта:

- К власти в партиях пришли чиновники.

Они вытеснили не только из партийных аппаратов, но и из парламентских фракций политиков, бывших партийных вождей, результатом чего стало, как выражался Вебер, “бессилие парламентов”;

- Профессиональные чиновники стали претендовать не только на места специалистов партийных аппаратов

или государственных чиновников, но и на министерские должности;

– Мироззренческие партии, менее других попавшие под власть партийных чиновников и отрицавшие практику раздачи последним государственных должностей, оказались “выдавленными” из государственных органов⁷.

Мимо проблемы олигархизации партий не прошел также Морис Дюверже.

Он согласился с выводами Р.Михелса, но, обладая новым материалом о возрастании власти руководителей коммунистических и фашистских партий, поставил вопрос об авторизации партий и возникновении нового типа партийной организации – *авторитарной партии*.

Краеугольным камнем фундамента авторитарной организации служит жесткая партийная дисциплина. Авторитарные партии и авторитарные тенденции в неавторитарных партиях, согласно Дюверже, возникают по следующим причинам:

– массовые партии, послужившие прообразом партиям авторитарным, были сильны не только своей численностью, но и это главное – своей организованностью.

Как пример превалирования численности над организацией Дюверже привел массовое движение под руководством Гапона в России 1905 г.

Оно имело достаточно большое количество сторонников, но было плохо организовано и не добилось своей цели.

С возрастанием численности партий значение организации и дисциплины в них резко возрастает. Это хорошо понимал Ленин, уделявший первостепенное значение организации вооруженного восстания в 1917 г., опиравшийся на политическую партию и ее военную организацию и, имея сравнительно небольшую численность

большевистской партийной и военной организации, добившийся успеха;

– авторитарное руководство, по крайней мере, большими по численности партиями, более эффективно, чем руководство, основанное на демократических принципах.

“Дисциплина, – утверждал Дюверже, – составляет главную основу не только армий, но и партий”, следовало только добавить авторитарных партий, ставящих цели захвата власти непарламентскими методами, хотя и в парламентских партиях, например, дисциплина голосования имеет решающее значение.

Если демократическое руководство улучшает взаимоотношение верхов и низов партии, помогает сплочению последней, то авторитарное руководство, даже когда партия находится в меньшинстве, придает ее действиям организованность и решительность, способность оказать давление на правительство или даже изменить политический режим;

– авторизации партий способствует персонализация их руководства, вплоть до создания культа личности и обожествления вождей, формирует и всячески подчеркивает авторитарные черты характера их руководителей. С этой, политико-психологической точки зрения тенденции к авторизации имеют не только антидемократические, но и любые другие партии, избравшие руководителей с авторитарными наклонностями.

Как примеры привнесения авторитаризма в партии их собственными руководителями Дюверже привел К.Маркса (в I Интернационале), Лассалю и Геда в Социалистической рабочей партии Германии, Жореса во французской социалистической партии, Вандервельде во II Интернационале, Блюма в ФСП и др., не говоря уже о таких партийных вождях, как Ленин, Сталин, Муссолини, Гитлер, Франко, Салазар и т.д.;⁸

– авторитарные партии превосходят свои демократические аналоги по мобилизационным возможностям, которые приобретают решающее значение в переломные, кризисные периоды жизни общества;

– наконец, само авторитарное руководство, которое избирается на узких “сходках”, которое может оперативно кооптировать в свой состав любых необходимых лиц, которое вообще может не переизбираться, а назначаться, как это делается в фашистских партиях или в коммунистических организациях в период, например, политических кризисов или войн, способствует нарастанию авторитарных тенденций в партиях.

Современные теоретики организаций достаточно хорошо исследовали различия авторитарного и демократического стилей руководства, их преимущества и недостатки.

Так, например, американский теоретик Дуглас Мак-Грегор считает, что *демократичное руководство* апеллирует к потребностям людей более высокого уровня.

Например: осознание целей и задач организации, обеспечение автономии и самовыражения каждого ее члена в отличие от потребностей более низкого уровня, таких как необходимость есть, пить, одеваться и т.д.

Оно избегает навязывать свою волю рядовым членам, а важнейшие решения стремится принимать на общих собраниях всех членов.

Строгой дисциплине оно предпочитает децентрализацию и делегирование полномочий вниз, что делает деятельность непосредственных исполнителей более творческой и привлекательной.

Для демократических руководителей характерен не жесткий контроль за деятельностью “низов”, а создание атмосферы открытости и доверия, двусторонность коммуникаций, обратная связь с рядовыми членами организации.

Авторитарное руководство принимает все решения “наверху” и в узком кругу, куда не допускаются представители низовых структур. Оно всячески централизует свои полномочия, структурирует и стандартизирует работу рядовых исполнителей, лишая их инициативы и творчества. Особое внимание авторитарное руководство придает контролю деятельности низов, ведь в условиях недостатка информации, когда “сверху” поступают только обязательные к исполнению команды, руководителям приходится постоянно проверять и перепроверять результаты исполнительской работы “низов”. В то же время, сосредоточенность на определенных задачах, а не на собственном отношении к ним дает быстрый результат и делает авторитарное руководство при определенных условиях более эффективным⁹.

Итак, современная теория организаций подтвердила гипотезу Дюверже о большей эффективности авторитарного руководства по сравнению с демократическим, особенно когда следует добиться не самоудовлетворенности “низов” демократичностью организации, а строго определенного результата, например, захвата власти путем вооруженного восстания. Вот почему системные партии, защищающие интересы своих членов в рамках определенного политического режима, предпочитают демократический стиль руководства, а антисистемные партии, ставящие целью своей деятельности политический переворот, культивируют авторитаризм.

Обобщая взгляды классиков партологии и современных теоретиков организаций и менеджмента, можно сделать вывод о том, что авторитарные тенденции характерны и для современных демократических партий. Особенно ярко они проявляются:

– при увеличении количественного состава партий, разветвлении структуры партийных организаций и, как следствие – разрастание численности и структуры руководящих партийных органов. Рост численности, увеличение числа уровней партийного руководства ведет, хотя ли рядовые партийцы или нет, к увеличению статусов партийной элиты с тенденцией постоянного роста лестницы статусов и, следовательно, возможностей партийной карьеры. Именно возможность сделать карьеру и привлекает в современные партии молодежь;

– в персонализации политики, когда избиратели отождествляют с партией ее руководство или, чаще, одного “вождя”, создавая ему ту самую харизму, служащую прикрытием для отрыва от рядовой партийной массы, создающую непроходимую пропасть между низами партии и окружением харизматического лидера;

– в борьбе за повышение эффективности партийной деятельности. Особенно это ярко проявляется во время предвыборных кампаний, когда небольшая команда профессионалов, действуя часто авторитарными, недемократическими методами, подчас на грани нарушения законов, не говоря уж о моральных нормах, “раскручивает” имидж партийного кандидата в течение двух-трех месяцев. Понятно, что за такой срок и до таких высот, действуя строго законными, моральными и демократическими методами, этого добиться невозможно. Вот почему партийное руководство закрывает глаза на все нарушения в деятельности предвыборных штабов;

– в усилении конкуренции универсальных партий, то есть организаций, ведущих свою агитационную деятельность в одних и тех же социальных слоях общества, а именно в разросшемся среднем классе.

Универсализация социальной базы партий ведет к универсализации их программ, стратегий и тактик, что резко усиливает конкуренцию между партиями.

Усилившаяся конкуренция не дает возможности партийному руководству задумываться над моральностью и демократичностью тех или иных методов партийной борьбы: “все, что применяют конкуренты должно быть освоено и применено и нами с максимальной эффективностью” – вот лозунг универсальных партий, за который они были прозваны партиями “хватай всех”;

– в появлении феномена картельных партий, которые сформировались в условиях все возрастающей финансовой поддержки партий государством, осуществляемой, кстати, под лозунгом борьбы с партийной коррупцией.

Картельные партии охотно принимают государственную помощь, не отвергая при этом пожертвований частных лиц. Но государственная помощь, предусматривающая отчисление средств на счета и в избирательные фонды партий, проверку их расходования и т.д. создает уникальные условия сближения партийной верхушки с государственной бюрократией.

Уникальность этих условий может быть понята исходя их возможности сразу двух сговоров:

– между партийными бюрократами основных парламентских партий страны, для чего необходима партийная система, исключая антисистемные партии;

– между партийными верхушками парламентских партий и государственной бюрократией.

Эффект картелизации современных партий, открытый Р.Катцем и П.Мэйром¹⁰, позволил увидеть новую грань старого явления бюрократизации, авторизации, бонапартизации, а именно: любая антидемократическая тенденция

в партии ведет, в конце концов, к коррупции ее руководства.

Примерами здесь могут служить как “старые, добрые” подолгу находившиеся и находящиеся у власти партии развитых стран (ЛДП Японии, ХДП Италии, СДП Германии и др.), так и сравнительно молодые, но еще более коррумпированные партии африканских, латиноамериканских и азиатских стран как правополитические, консервативные партии, постоянно пекущиеся о соблюдении моральных норм, так и левые, социалистические организации, выдвигающие все новые проекты демократизации общества.

С другой стороны, партийные низы постоянно требуют, а партийное руководство довольно часто провозглашает курс или программу реформ, направленных на демократизацию партии, очищение партийных рядов от партийцев, запятнавших себя аморальными поступками. Но от этих “требований и провозглашений” до реальных дел дистанция, как говорится, огромного размера.

Действительная демократизация партийной жизни осуществляется под воздействием следующих факторов:

- в случае поражения партии на очередных выборах, смены руководства и обращения новых лидеров к партийным низам.

“Поражение есть мать партийных изменений” – утверждает Кеннет Джанда;

- при усилении внутрипартийной борьбы, как правило, сопровождаемой внутрипартийной дискуссией. В этом случае все или большинство партийных фракций апеллируют к партийным массам и выдвигают лозунги демократизации;

- при ослаблении власти партийного руководства, которое может быть вызвано как объективными (снижение

численного состава, количества подаваемых за партию голосов, вообще уменьшение политического веса партии), так и субъективными факторами (авторитарный стиль руководства, устаревание политических противников недемократическими методами, вообще ухудшение имиджа лидеров партии);

- в случае прихода к власти в партии представителей демократически настроенной фракции или демократического течения;

- в случае раскрытия государственными органами или представителями СМИ коррупционной деятельности партийного руководства, обычно являющейся следствием непрозрачности партийного бюджета, усиления партийной бюрократии.

Таким образом, контрверза “партийная демократия *versus* партийный авторитаризм” имела, продолжает и, очевидно, всегда будет иметь место в деятельности партий. Возникает вопрос: “Что следует делать, чтобы максимально сместить соотношение демократии и авторитаризма в пользу первой?”.

Готовых ответов на поставленную проблему, разумеется, нет, хотя определенные рецепты для лечения болезни авторитаризма политических партий существуют. Так как партии представляют собой государственно-общественные организации, действующие и в гражданском обществе, и в государственных структурах, то и воздействие на их деятельность следует предпринимать на двух уровнях.

На уровне государства:

- в законе о партиях четко определять в числе требований к создаваемым общественно-политическим организациям положение о демократическом характере партий. В данном случае Верховному суду будет проще контролировать, а порой и запрещать деятельность партий, признанных недемократическими;

– в законодательстве, связанном с ведением избирательных кампаний четко определять в числе требований демократический, открытый и честный характер избирательной деятельности партий;

– систематически контролировать финансовую деятельность партий.

На уровне гражданского общества:

– держать деятельность партий и, особенно, партийного руководства под постоянным огнем критики в СМИ;

– развивать научные исследования парламентской деятельности партий, их работы в избирательных кампаниях и, особенно, деятельности партийного руководства и партийного аппарата;

– развивать контакты общественных организаций, социальных движений, представителей общественности с партиями;

– развивать конкуренцию, открытое соперничество между партиями;

– увеличивать возможности общения партий с избирателями и не только во время избирательных кампаний.

На уровне самих партий демократизация редко инициируется партийным руководством, особенно, если его позиции достаточно прочны. Исследовавшие эту проблему американские теоретики К.Джанда и Р.Хармел выдвинули *интегративную теорию партийных изменений*.

Они исходили из представления, что партии – консервативные организации и, как могут, сопротивляются переменам, так как последние ведут к перерасходу человеческих и материальных ресурсов. Отсюда вытекает вывод Джанды и Хармела: партии будут меняться только под давлением. Руководство партии решится на перемены только тогда:

– когда оценит, что преимущества от перемен стоят затраченных ресурсов;

– когда оно будет уверено, что изменения сохранят и упрочат его власть в партии¹¹.

Поэтому на уровне самих партий демократизация может иметь место, в

первую очередь, под давлением партийных низов и только во вторую – по инициативе сверху.

Исходя из этого, по нашему мнению, следует:

– повышать активность рядовых членов, расширять число партийных активистов;

– развивать открытость деятельности партий, систематически давать информацию о партийной работе в СМИ, в партийной печати, в Интернете и т.д.;

– снижать роль аппарата партии, за счет повышения роли рядовых членов;

– строить децентрализованную и сетевую внутрипартийную структуру вместо строго централизованной;

– повышать роль съездов и общих собраний за счет снижения роли советов, кокусов, кулуарных сговоров;

– совершенствовать внутрипартийную информацию, критику в партии;

– работать с постоянными приверженцами партии, создавать и развивать институт симпатизантов.

Но это, пока, только теоретические предпосылки демократизации партий.

В реальной политической жизни, в условиях жесткой конкуренции партий в борьбе за власть партийное руководство нередко нарушает некоторые из указанных выше положений, а порой и грубо игнорирует их.

Тогда возникают коррупционные скандалы, связанные с незаконным использованием партийных средств отдельными руководителями, их подкупом представителями профсоюзов, бизнеса или мафии. Иногда в СМИ просачиваются сообщения о нарушении общественной этики и морали тем или иным партийным боссом.

Кроме того, бюрократизация и олигархизация в практической деятельности партий, вызывает и другие явно недемократические явления.

Российские исследователи Исаев М.А., Чекатинский А.Н., Шишкин В.Н. на

примере скандинавских стран выявили следующие характерные черты в деятельности партийной олигархии:

- цезаризм партийного лидера, под которым понимается не просто избранный на высший партийный пост функционер, а сильная личность, харизматический лидер, подчиняющий своему влиянию всю партийную массу, а зачастую и своих политических противников.

Яркими примерами тому служат представители социал-демократического движения (не говоря уже о лидерах партий других идеологических направлений): Таге Эрландер и Улоф Пальме (оба – Социалистическая рабочая партия Швеции, СРПШ), Эйнар Герхардсен и Гру Харлем Брутланд (и первый и вторая – Норвежская рабочая партия, НРП), Эрхард Якобсен, Аксель Ларсен и Уффе Эллеман Йенсен (все – Социал-демократическая партия Дании, СДПД), Калеви Сорса и Пааво Вяюрюнен (оба – Социал-демократическая партия Финляндии, СДПФ).

Партийный цезарь, вождь партии не только доминирует во внутрипартийной жизни, но и обеспечивает партии, разумеется, под своим руководством, победу на выборах, формирование правительства и большинство в парламенте;

- фактическое неравенство в возможности членов партии.

Цезаризм во внутрипартийных отношениях вызывает отчетливое разделение членов партии на “героев” и “толпу” (Т.Карлейль), “удавов” и “кроликов”, партийную элиту и партийную массу. При этом “цезарь”, признанный вождь не терпит вокруг себя никого, кто мог бы сравниться с ним и бросить ему вызов; он и только он назначает свое ближайшее окружение, обеспечивая себе, таким образом, абсолютную власть;

- не соблюдение партийной дисциплины и устава партийной олигархией.

Цезаризм разделяет партийцев на тех, кто подчиняется партийной дисциплине и соблюдает нормы устава и тех, кто подчиняется лично лидеру партии. Вообще в этих условиях требования устава партии практически уходят на второй план, а партия сплачивается вокруг лидера, имея главной целью выполнение программы.

Солидарность в цезаристских партиях на практике понимается как лояльность целям партии и ее лидеру. Каждый член партии должен всегда и во всем поддерживать свою партию, а как партия и лидер будет реализовывать цель, это уже не важно;

- концентрация власти в руках лидера и партийной олигархии.

Партийная демократия практически реализуется как рутинная процедура утверждения доклада лидера, избрание партийного руководства, кандидатов на парламентские выборы.

При этом партийное руководство и кандидатуры на выборы в парламент избираются из того же узкого слоя “удавов”, партийной элиты. Таким образом, фактически вся власть в партиях сконцентрирована в руках лидера и элиты¹².

Как видим, цезаризм отдельных лидеров из частного случая становится закономерностью деятельности всей партии, практика работы которой идет не по пути преодоления олигархической тенденции в сторону демократизации, а в противоположном направлении.

Реже, но с гораздо более серьезными последствиями выявляются прецеденты, связанные с олигархизацией или коррупцией всего руководства отдельных партий.

Особенно опасны для стабильного протекания политического процесса подобные скандалы в правящих партиях. В этом случае они часто потрясают

и даже реструктуризируют всю партийную систему страны.

Практика показывает, что процесс олигархизации и коррумпирования партийного руководства чаще и острее протекает в больших, централизованных, правящих партиях с развитой структурой центральных органов и большим количеством партийных бюрократов, имеющих развитые связи с государственными структурами и государственной бюрократией.

Именно сращивание партийных и государственных структур, партийной и государственной бюрократии в процессе долгого и бесменного нахождения партии у власти представляет собой наиболее опасное явление в процессе олигархизации современных партий.

Наиболее известные примеры – это продолжительные правления Индийского национального конгресса (ИНК в 1950–1978 гг.), Христианско-демократической партии (ХДП) в Италии (1946–1992 гг.), Либерально-демократической партии (ЛДП) в Японии (1955–1992 гг.), Институционно-революционной партии (ИРП) в Мексике (1929–2000 гг.), закончившиеся коррупционным скандалом, резким падением доверия избирателей, отстранением от власти, расколом или полной дезорганизацией этих партий.

В итоге одни из них (ИНК, ЛДП) сумели преодолеть синдром “длительного правления” и вернуться в число ведущих и даже правящих партий страны, другие

(ИРП, ХДП) до сих пор ищут средства преодоления этого синдрома.

Чем дольше находится партия у власти, чем короче и разветвленное становятся ее связи с государственными органами, лоббистами бизнеса и мафии, чем более “развиты” руководящие органы самой партии, чем ниже партийный контроль за деятельностью партийного аппарата и руководства, тем более глубокие корни пускают олигархизация, бюрократизация, проявления цезаризма и коррупции, в общем, антидемократические тенденции и антиморальные проявления в среде партийных функционеров и партийной элиты и тем труднее после публичного проявления синдромов этих “болезней” партий проходит “лечение”.

Наиболее действенными средствами “лечения” этих “партийных болезней” являются: уход в оппозицию, очищение партийных рядов вплоть до полного избавления от всех скомпрометировавших себя бюрократов, олигархов, цезарей, бонапартов, коррупционеров и проч., избрание новых лидеров, демократизация внутрипартийной жизни и партийной организации, обращение к своим избирателям, и, вообще, апелляция к гражданскому обществу, а не к властным структурам, изменение программных установок и только после всех этих мер – новый штурм властных высот.

В современной России две партии “Единая Россия” и “Справедливая Россия”, особенно это касается первой, довольно тесно срослись со структурами исполнительной власти.

Единая Россия при этом порой берет на себя не свойственные партии государственные функции: строительства квартир, благоустройства городов, помощи сельскому хозяйству и др. Это еще более, чем в отмеченных выше примерах, служит олигархизации и коррупции правящей партии. По прошествии нескольких десятилетий нахождения у власти, а именно на такие сроки рассчитывают ее руководители, эти процессы неизбежно примут опасные размеры и будут чреваты партийным и политическим кризисом.

Поэтому уже сегодня “партия власти” следует бороться не против неинституционализировавшихся “партии олигархов” и “партии национал-изоляционистов”,

стремящихся сделать соответственно шаг и два шага назад¹³, а против реальных оппонентов – думских партий, причем в равных и конкурентных условиях, диктующих всем политическим силам открытость гражданскому обществу, своим избирателям и рядовым членам партии, стремление к общему благу, а не к укреплению личной власти партийных лидеров, прозрачность и коллегиальность принятия решений, контроль выполнения постановлений и их финансового обеспечения, демократичность внутрипартийных отношений и сменяемость руководства.

Это и будет практической гарантией для современных российских партий от олигархизации, бюрократизации, вождизма, коррупции, проявления любых антидемократических тенденций.

Примечания

¹ *Токвиль Ал. де.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 176.

² *Брайс Дж.* Американская республика. М., 1989–1990. Цит. по: Мир политической мысли. Хрестоматия по партологии. Кн. 1. Основоположники партологии / Под ред. Б.А.Исаева, А.К.Голикова, В.Е.Юстужева. СПб, 2002. С. 136.

³ *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М. С. 347.

⁴ *Михелс Р.* Социология политической партии в условиях демократии. Цит. по: Мир политической мысли. Хрестоматия по партологии. Кн. 1. Основоположники партологии / Под ред. Б.А.Исаева, А.К.Голикова, В.Е.Юстужева. СПб, 2002. С. 192–195.

⁵ *Michels R.* Political Parties. A Sociological Stududy of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N.Y., 1966. P. 365.

⁶ *Вебер М.* К политической критике чиновничества и партийной жизни // Политические работы (1895–1919 гг.) М. С. 135–141.

⁷ *Вебер М.* Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. М., 1990. С. 683–688.

⁸ *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000. С. 222–237.

⁹ *Мескон М., Альберт М, Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М., 1997. С. 25–87.

¹⁰ *Кац Р., Мэйр П.* Изменяющиеся модели партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий // Мир политической мысли: хрестоматия по партологии. Кн. 3. Современные партологи о политических партиях // Под ред. Б.А.Исаева, А.К.Голикова. БГТУ. СПб., 2005. С. 81–87; *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. Учебник. М., 2002. С. 312–313.

¹¹ *Harmel R., Djanda K.* An Integrated Theory of Party Goals and Party changes // Paper delivered at the 1992 Annual Meeting of the American Political Science Association. Chicago. September 3–6.

¹² *Исаев М.А., Чекатинский А.Н., Шишкин В.Н.* Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М., 2000. С. 80–83.

¹³ *Сурков В.* Суверенитет – это политический синоним конкурентноспособности // Про суверенную демократию. М., 2007. С. 59–61.

Выборы как институт формирования элиты

На примере Республики Северная Осетия-Алания

Юлия Усова,
(Северо-Осетинский госуниверситет)

Проблема политической структуризации в национальных субъектах Российской Федерации является одной из ключевых в исследовании и понимании ряда взаимосвязанных между собой социально-политических процессов, происходящих в настоящее время в этнорегионах.

Как известно, политический процесс – это совокупная деятельность всех субъектов политических отношений, которая обеспечивает существование политической системы общества: ее формирование, функционирование и преобразование во времени и пространстве.

Сущность политического процесса – в создании и поддержании институтов политической системы, норм и отношений политической деятельности.

Участие региональных элит в политическом процессе состоит в действиях, за счет которых элиты влияют на принятие стратегических решений. В рамках рассматриваемой проблемы взаимодействие местной власти и населения является одним из актуальных вопросов в понимании современной трансформации России.

Политические и социальные процессы в национальных республиках имеют как бы двойное измерение, двойные исследовательские и мировоззренческие стандарты.

Политическая структура Республики Северная Осетия-Алания, хотя и стала приобретать в определенной мере партийно-политическую окраску, все же складывается из взаимодействия организованной через административный аппарат управленческой элиты,

хорошо организованных через предпринимательство и банковско-финансовую систему групп давления и практически пока неорганизованного политически населения.

В характере этого взаимодействия и заключаются во многом неограниченные возможности административного давления на общественное мнение и политический выбор населения, с одной стороны, и слабая социальная база социально-экономического и полити-

ческого реформирования республики, с другой.

Для того, чтобы элита имела существенное влияние в обществе, она должна обрести легитимность, получить политическое доверие и поддержку населения на выборах. В условиях, когда прямая демократия невозможна, выбор населением людей, которые будут принимать политические решения, приобретает огромное значение. Выборы изначально призваны служить демократии, неразрывно связаны с ее общей концепцией и ценностями.

Выступая на Втором Общероссийском гражданском форуме, Дмитрий Медведев отметил: "... В современном мире наиболее развита так называемая представительная демократия. Смысл ее в том, что управление страной от имени народа осуществляют избранные им представители.... Роль государства состоит именно в том, чтобы представительство интересов наших граждан было обеспечено в полной мере и адекватно. Это значит – на основе широкой общественной поддержки на базе действующего законодательства и демократических процедур, в основе которых лежит диалог между обществом и властью"¹.

В результате выборов, помимо всего прочего, обновляется состав правящей и оппозиционной элит, изменяется политический вес партий и их представителей.

Одна из специфических особенностей сегодняшней социальной и политической ситуации в РСО-Алания состоит в неспособности большей части населения республики совершить от-refлексированный политический выбор, основывающийся на учете своих реальных интересов. Эта неспособность объясняется, в первую очередь, тем, что в обществе еще не сформирована устойчивая система политических движений и организаций, выражающих интересы конкретных социальных групп и слоев населения. Кроме данно-

го – объективного – фактора, политическая нерациональность избирателя обусловлена еще и фактором субъективным, а именно: низкой в целом политической культурой российских граждан, отсутствием у большинства людей необходимых знаний о политическом процессе, позволяющих каждому избирателю, совершая тот или иной выбор, оценить его отдаленные последствия для страны и себя лично.

По новой теории демократии Й.Шумпетера, главную роль в демократической системе играет именно процедура выборов, а не то, что осуществляется воля народа, наличие и выполнение которой поставлено под сомнение критиками классической теории демократии.

"Система выборов практически единственный возможный способ борьбы за лидерство"², – согласно Шумпетеру.

Административная элита, находящаяся у власти, накануне выборов максимально использует бюджетные возможности и широко раздает населению обещания по поддержанию и повышению его жизненного уровня.

Оппозиция старается получить выигрыш на критике социального и политического курса администрации.

Для власти на старте любой политической кампании низкий жизненный уровень населения служит исходной точкой и, своего рода, социальной планкой, которую можно сдвинуть в лучшую сторону за счет бюджетных ассигнований, обратив это в пропагандистскую кампанию (К примеру, выдавая пенсии и пособия накануне голосования). В субъектах апробирован и отработан целостный механизм манипулирования общественным мнением при целенаправленном и дозированном бюджетном вливании в социальную сферу³.

Естественно, что и для оппозиции низкий жизненный уровень городского

и сельского населения является основным пропагандистским козырем. При этом необходимо учитывать, что человек – не пассивный потребитель информации и слепой исполнитель команд, поступающих извне. Его выбор формируется на пересечении, с одной стороны, его личного намерения, личного знания и индивидуального предпочтения, а с другой – тех возможностей и ограничений, которые создаются окружением.

Согласно социологическим опросам, проведенным Северо-Осетинским Центром социальных исследований ИСПИ РАН среди жителей республики, общие черты предвыборных кампаний таковы:

- неприкрытая коммерциализация;
- отсутствие реальной оппозиции;
- упрощение избирательных технологий;
- реанимация традиционных родственных связей на фоне падения общественного интереса к результатам выборов.

Выборы превратились в инструмент манипулирования общественным сознанием в руках властных группировок с целью реализации личных и корпоративных интересов. Такова была политическая ситуация в РСО-Алания, сложившаяся накануне парламентских выборов 2007 г., воплощенная в адекватных выразительных средствах.

Новые парламентские выборы в России состоялись 2 декабря 2007 г.

72% голосов – столько в сумме получили партии, поддерживающие политику Президента, “Единая Россия” и “Справедливая Россия”.

Идентификация “Единой России” с В.В.Путиным позволила этой партии получить большинство в Государственной Думе 4-го созыва. “Единая Россия” была главным фаворитом и на выборах в декабре 2003 г., заручившись поддержкой главы государства, кото-

рый и в настоящее время имеет довольно большой кредит доверия среди населения России.

Главный итог выборов заключается в том, что они исчерпывающим образом подтвердили поддержку подавляющим большинством населения курса, который реализовывался на протяжении последних лет.

Еще одна задача, стоявшая перед властью во время избирательной кампании, заключалась в повышении явки электората. В.В.Путин отметил, что это была самая большая явка за последние 8 лет. На основании этого можно утверждать, что теперь легитимность парламента возрастает.

“Чувство ответственности граждан за свою собственную страну... самый важный показатель того, что наша страна укрепляется не только экономически, не только социально, но и внутривнутриполитически. Это хороший пример внутренней политической стабильности России”⁴.

В республике явка избирателей составила 60%. Полномочия нового депутатского корпуса в составе Парламента Республики Северная Осетия-Алания 4-го созыва признаны, депутаты приступили к исполнению своих обязанностей.

Главная интрига нынешних выборов – голосование за партии.

“Единая Россия”, за которую проголосовало 60,7% избирателей, набрала голосов на 25 депутатских мандатов, “Коммунистическая партия Российской Федерации”, набравшая 14,3% – на 6 мандатов, и “Справедливая Россия”, получившая 8,9% голосов – на 4.

Осетия в этом смысле выглядит более зрелой, чем некоторые соседи по региону, “продемонстрировавшие до 99% верноподданности”⁵.

Однако избиратель по-прежнему ориентируется на лидеров, а не на программы партий. Не следует забывать,

что партийные выдвиженцы шли и по одномандатным округам, и именно они стали решающей резервной силой в доминировании “единороссов”.

Тот факт, что большинство голосовавших сделали свой выбор в пользу партии “Единая Россия”, кроме всего прочего, подтверждает, что большинство населения республики сказало “да” настоящему курсу республиканской власти.

Таймураз Мамсуров, глава республики, фактически стал депутатом Государственной Думы России от “Единой России”. Номером два в партийном списке шел дважды олимпиец и депутат прошлого состава Госдумы Арсен Фадзаев. Ему и поручил партсовет Северо-Осетинского отделения “Единой России” быть представителем Северной Осетии в Госдуме.

Таким образом, партии власти получили, так называемое, конституционное большинство в парламенте, которое теоретически дает право единолично изменять Конституцию республики. Намного упрощается процесс законодательного обеспечения проводимой политики, стройность вертикали власти и ее управляемость. А на практике это означает беспрепятственное принятие любого закона, предложенного фракцией “единороссов”.

Остальные партии не смогли преодолеть 7% барьер и войти в состав Парламента РСО-Алания 4-го созыва.

“Аграрная партия России” получила 3,7% голосов избирателей; политическая партия “Союз правых сил” – 3%; ЛДПР – 2,9%; политическая партия “Патриоты России” – 1,3%; всероссийская политическая партия “Гражданская сила” – 0,9%; “Партия социальной справедливости” – 0,8%; российская объединенная демократическая партия “Яблоко” – 0,46%; “Демократическая партия России” – 0,19%⁶.

В 9 округах республики выборы не выявили победителя, так как ни один из кандидатов в депутаты не получил

50% плюс один голос избирателей. Поэтому во второй тур голосования вышли по два кандидата, набравшие наибольшее количество голосов среди остальных претендентов по этому округу. В результате повторного голосования, состоявшегося 23 декабря 2007 г., еще 9 депутатов вошли в состав Парламента республики.

Новый Парламент состоит из 70 депутатов:

Депутаты от партий получили 35 мандатов, столько же у депутатов, избранных на мажоритарной основе.

24 депутата, то есть 40%, входили в состав предыдущего Парламента. При этом, среди одномандатников таковых более половины – 13 чел., а среди “партийцев” – 11 чел.

Следует признать, что в результате выборов достигнут неплохой баланс: 40% на 60% – соотношение прежних и новых депутатов. Он оптимален или близок к той планке, которая позволит сохранить прежнюю работоспособность парламента и в то же время передать накопленный опыт новым парламентариям⁵.

Возрастной состав Парламента достаточно солиден: 40% депутатов – пятидесятих годов рождения, чуть меньше трети составляет поколение сорокалетних. Доля молодых людей – около 15%.

Если просмотреть списки кандидатов в депутаты республики разных уровней, то можно увидеть десятки молодых людей, порой даже 18–20 летних. Но большинство из них на выборах являются просто статистами, выставившими свои кандидатуры по просьбам более “маститых” кандидатов. Молодым “пробиться во власть” весьма трудно, так как для этого нужна поддержка со стороны самой власти. А если ее нет, то надо состоять либо в рядах сильной оппозиции, которая

окажет поддержку, либо иметь значительный личный капитал, чтобы деньгами проложить себе путь.

Самой “молодой” в Парламенте является фракция “Единая Россия”, в ней состоят трое парламентариев 1979 г. рождения. Самой “возрастной” стала фракция КПРФ, ее средний возраст – 58 лет.

По профессиональному составу в Парламенте доминирует “директорский” корпус: половина депутатов занимает должности генеральных директоров, просто директоров, начальников или заместителей.

Лидерство по этому показателю принадлежит одномандатникам, они составляют 64%. Большое значение имеет тот факт, что эти люди на практике знают недостатки действующего законодательства, пути их преодоления и могут активно влиять на либерализацию отношений в сфере экономики.

Ректоров, проректоров и президентов ВУЗ – 5 чел.

Двое из них занимали высокие должности в структурах местного самоуправления, двое – в высшей законодательной власти прежнего созыва.

Науку представляют 8 депутатов – преподавателей ВУЗ.

А вот сфера искусства в составе парламента представлена только одним депутатом – директором Русского театра. Следует отметить, что в составе депутатов, избранных в Парламент РСО-Алания, не оказалось представителей творческой и научной интеллигенции, учителей и врачей, если не считать четырех руководителей лечебных и учебных учреждений.

Весьма актуальным, а в последние годы особенно, остается представительство женщин в политике.

В гармонизацию соотношений мужского и женского пола нынешний состав Парламента революционную стра-

ницу не вписал. Женщины по-прежнему представлены в законодательной власти республики весьма слабо.

Среди 70 депутатов их на сегодня всего 6, то есть 4% состава. Однако и нынешние 6 представительниц прекрасного пола – это в несколько раз больше прежних показателей, где женщины составляли от 1% до 2% депутатов в разные годы.

Например, в составе Парламента РСО-А 3-го созыва была всего одна женщина, в то время как на всех уровнях декларировалась необходимость действительного равноправия, и избирательного в том числе. Интересен тот факт, что по одномандатным округам в Парламент РСО-Алания 4-го созыва тоже прошла лишь одна женщина. Поэтому первый успех перехода к формированию Парламента на партийной основе для женщин очевиден. Основной вклад в этот результат опять же внесла “Единая Россия”, в списках которой 5 женщины-депутатов, у “Справедливой России” – одна, а вот у КПРФ в этом плане – ноль⁵.

Одновременно с выборами депутатов Государственной Думы России и Парламента Северной Осетии, в республике 2 декабря 2007 г. проходили выборы и в местные органы власти.

Все депутатские мандаты в районных собраниях представителей распределены по результатам голосования. В Алагирском районе их получили 23 (по числу округов) депутата.

В Ардонском, Дигорском и Кировском районах, как предусмотрено уставами, избраны по 17 депутатов.

В Ирафском и Пригородном районах – по 25 депутатов, в Правобережном районе – 14.

Причем, состав Собрания представителей Пригородного района обновился на 68%, из 25 депутатов – 4 женщины, а представлял его люди разных национальностей⁷.

8 декабря 2007 г. состоялось первое заседание Собрания представителей Владикавказа 4-го созыва, где было объявлено о завершении выборов депутатов городского Собрания по 32 округам.

В кампании принял участие 191 кандидат – представители всех слоев общества, профессиональных групп и политических партий.

В состав депутатов входят 15 директоров, 3 работника здравоохранения, 17 представителей "Единой России", 1 представитель КПРФ, 8 депутатов 3-го созыва.

В Собрание представителей избраны 6 женщин, это 19% всего состава¹⁰.

Председателем Собрания Представителей и главой АМС Владикавказа во второй раз был избран Казбек Пагиев, заместитель секретаря Северо-Осетинского Республиканского отделения партии "Единая Россия".

Таковы общие итоги декабрьских выборов 2007 г. в Республике.

От выборов к выборам избирательные технологии становятся все более совершенными, переходят в правовое поле, избавляясь от налета анархии; расширяется процесс формирования органов власти на партийной основе. Одновременно идет и процесс повышения политической культуры российского избирателя, в том числе и избирателя РСО-Алании. В сложившейся ситуации необходим не антагонизм между властью и народом, а взаимопонимание.

Выборы – важнейший компонент современной политики, один из главных институтов рекрутирования политической элиты, форма проявления суверенитета народа, его политической роли как источника власти. Парламентские выборы в Республике Северная Осетия-Алания являются типичным примером для России, они наглядно демонстрируют, как обновляется состав правящей элиты, изменяется политический вес партий и их представителей.

Основная проблема интеграции политического пространства как республики Северная Осетия-Алания, так и всех национальных субъектов, заключается не только в поисках конструктивного диалога местной власти и населения и ориентации администрации на формирование и реализацию эффективных социальных программ, но и в том, на каких принципах будут строиться отношения администрации, групп давления и населения.

Примечания

¹ Январские тезисы Дмитрия Медведева // Российская газета. 2008. 24 января.

² Антология мировой политической мысли. В 5 томах. М., 1997. Т. 2. С. 224.

³ Койбаев Б.Г. Проблемы взаимоотношения региональной элиты и населения в общественно-политической жизни // Гражданское общество. Владикавказ. 2006. № 1. С. 8–9.

⁴ Смирнов П. Арифметика доверия // Российская газета. 2007. 6 декабря.

⁵ Рязанов В. Новый парламент – в цифрах // Северная Осетия. 2007. 15 декабря.

⁶ Рязанов В. Парламент избран // Северная Осетия. 2007. 8 декабря.

⁷ Гурьева А. Избраны депутаты районных собраний представителей // Северная Осетия. 2007. 8 декабря.

⁸ Рязанов В. Депутаты Владикавказа начали работу // Северная Осетия. 2007. 11 декабря.

Трагедия итальянских военнопленных на Восточном фронте

Владимир Галицкий,
доктор юридических наук, профессор,
действительный член Академии военных наук

Взаимоотношения между Италией и Россией всегда характеризовались как дружественные. Широкие и многовековые культурные, торговые и иные отношения между двумя странами сформировали в национальной памяти итальянского народа положительные стереотипы по отношению к России. Поэтому и не случайно, что посланные правительством Муссолини итальянские солдаты воевать против СССР в 1941 г., так и не поняли: зачем их послали в Россию? Какие интересы Италии они там защищают?

Все это сказалось на их отношении к войне, на участии в боевых действиях, на их морально-психологическом состоянии.

“Великий Дуче” стремился доказать Гитлеру, что итальянцы “самоотверженно” сражаются против большевиков “рука об руку с немцами”. Однако этого не получилось. Итальянские солдаты и офицеры не понимали такого стремления Муссолини, не желали выполнять его приказы, не видели в русском народе своего врага.

Но советское военное командование, оказавшееся в тяжелейшем поло-

жении в первый период Великой Отечественной войны, относилось к итальянской армии на советско-германском фронте как к союзнице фашистской Германии со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами.

Несмотря на то, что Италия воевала в Африке, на советско-германский фронт она послала так называемый “Экспедиционный корпус”, состоявший из 11 дивизий, которые затем были объединены и переименованы в 8-ю армию. Общее количество личного состава ее составило 374 тыс. чел.¹.

Если судить по социальному составу итальянских военнопленных, то рабочих было лишь 45% (из них лишь 5% рабочих крупных промышленных предприятий), 33% крестьян, 13% батраков, 2% служащих и 7% мелких торговцев.

8-я итальянская армия не имела серьезных боевых традиций и не отвечала высоким уровням боевой готовности. Солдаты были привязаны к дому, рассматривали службу в армии и участие в войне как тягостную повинность. Они отличались большой религиозностью и суеверием, офицеры были слабо подготовленными к войне на

территории России. Связь с солдатами была слабая. Имело место рукоприкладство. Это потом сказалось и на взаимоотношениях между ними и в плену. Среди офицеров были сильны монархические чувства и взгляды¹.

Трудность объявления войны Советскому Союзу (не было причин) сказалась и на отношении к войне с Россией. Итальянцы воевали из благодарности немцам за помощь в Африке. Однако симпатий к немцам не было. Наоборот, имела место антипатия, особенно у уроженцев Северной Италии, а также у бывших участников первой мировой войны и их сыновей.

Немцы относились к итальянским военнослужащим с пренебрежением. Начиная с сентября 1943 г. даже стали применять незаконные расстрелы к ним.

Так, до сих пор остались вне поля правого разбирательства факты внесудебных расстрелов итальянских военнослужащих немцами в Львове в 1943 г.².

Учитывая непригодность итальянской армии к войне в Советском Союзе, немецкое командование использовало ее, в основном, на юге Украины и России. Осенью 1942 г. основные подразделения 8-й итальянской армии были втянуты в жесточайшую битву за Сталинград. Эта битва охватила территорию Дона и приволжские степи.

8-я итальянская армия была введена в сражение северо-западнее Сталинграда в начале августа 1942 г. и окончательно была разгромлена в ходе Острогожско-Россошанской наступательной операции (13–27 января 1943 г.).

Между реками Дон и Оскол в плен попало свыше 30 тыс. итальянских солдат и офицеров. Суровая зима 1942–1943 гг. завершила то, что не сделали пули и снаряды.

Трагична судьба 8-й итальянской армии, но судьба итальянских солдат и офицеров, попавших в плен зимой 1942–1943 гг., стала намного трагичнее. Их дорога из мест пленения до тыловых лагерей была дорогой смерти. Изможденные, измотанные многодневными боями в зимних условиях, полужаммерзшие, полуголодные итальянцы, попадая в плен, оказывались иногда в безвыходном положении.

Советское военное командование делало все возможное для облегчения участи военнопленных. Учитывая зимние условия, а также то, что большинство военнопленных поступало в тяжелейшем физическом и психическом состоянии, заместитель командующего Донским фронтом по тылу еще 25 декабря 1942 г. издал приказ о создании дополнительных армейских пунктов приема военнопленных (АППВ) в населенных пунктах Воробьевка, Новотроицкое, Севастьяновское, Затуловский.

Кроме того, были разработаны мероприятия по организации бесперебойного питания военнопленных в пути следования от АППВ до фронтовых и тыловых лагерей для военнопленных.

Во избежание заболеваний и вспышек эпидемий, а также для оказания своевременной помощи раненым, обмороженным и больным при военных госпиталях были открыты специальные отделения для лечения военнопленных³.

Но, как говорят, от запланированного до исполненного дистанция огромного размера. Как оказалось, многие из этих хороших мероприятий были не выполнены как по объективным, так и по субъективным причинам.

Учитывая, что количество военнопленных продолжало увеличиваться, заместитель командующего Донским фронтом по тылу генерал-лейтенант Советников И.Г. 26 января 1943 г. приказал начальнику тыла 64 армии не-

медленно приступить к организации фронтного лагеря для военнопленных в поселке Бекетовка г. Сталинграда.

Созданный в Бекетовке лагерь № 108 стал затем центральным лагерем системы Сталинградских лагерей для военнопленных.

В соответствии с распоряжением Оргпланового отдела Управления тыла Донского фронта № 023 от 26 января 1943 г. строительство лагеря было закончено к 31 января 1943 г.³. Однако так было только на бумаге. Фактически же помещения, где размещались военнопленные, были частично разрушенными и к жилью, тем более в зимних условиях, приспособлены не были.

Пищеблок организован не был, водопровод не работал и воды по близости не было.

Таким образом, система Сталинградских лагерей фактически не функционировала, военнопленные, в большинстве случаев, размещались под открытым небом.

Безусловно, было невыносимо тяжело всему советскому народу и не только военнопленным. Вместе с тем, абсурдно было оставлять такое огромное количество пленных в районе Сталинграда и Воронежа, где не было условий для их нормального содержания. Вместе с тем, в Московской, Горьковской и других близлежащих областях уже функционировали вполне нормально оборудованные тыловые лагеря для военнопленных. Именно такой подход привел к росту смертности среди военнопленных, захваченных в ходе Сталинградской битвы.

Какие же были причины такого положения?

Для разрешения возникших сомнений и поиска дополнительной информации об истинных причинах большой смертности военнопленных, автором было проведено специальное исследование. Многомесячные поиски не про-

пали даром. Документ был найден. Им оказалась докладная записка начальника отделения по делам военнопленных на Воронежском фронте подполковника госбезопасности Ф.Челнокова от 23 апреля 1943 г. на имя начальника управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР) генерал-майора Петрова “О работе фронтowego аппарата по делам военнопленных Воронежского фронта с 15 января по 1 апреля 1943 года”. К чести Ф.Челнокова, он, в отличие многих других своих коллег, оказался честным и смелым человеком.

В своей докладной записке Челноков откровенно изложил не только тяжелую обстановку содержания военнопленных, но и вскрыл причины большой их смертности.

В частности, он отмечал: “Я прибыл на фронт в момент невероятного хаоса, царившего как в лагере (лагерь для военнопленных № 81 в поселке Хреновое. – Авт.), так и на приемных пунктах. ...

Этапирование военнопленных воинскими частями до лагеря № 81 сопровождалась с грубейшими нарушениями самых элементарных требований этапирования: военнопленные конвоировались пешим порядком на 200–300 км при 35 градусах мороза, не получая питания по 7–8 дней, в лагерь приходили резко истощенными и обмороженными”⁴.

... На приемные пункты и в лагери приходило до 50% дистрофиков, которые, предвидя конец дорожным мытарствам, также в предчувствии тепла и пищи, при опросах подтягивались, заявляли, что они вполне здоровы, а наши медработники (на приемных пунктах – это малограмотные фельдшера узкой специальности) не учитывали этого.

В результате все поступавшие военнопленные получали сразу 600 грамм хлеба, литр горячей пищи, моментально поглощали на ссохшийся желудок и умирали”⁴.

Поэтому и не случайно, что с конца 1942 г. и по 1 января 1944 г. по дороге в

лагеря и непосредственно в лагерях и спецгоспиталях для военнопленных умерло наибольшее количество итальянских военнопленных – 22987 чел., то есть около 50% от всех взятых в плен за весь период Великой Отечественной войны. Это самая большая смертность иностранных военнопленных в советском плену.

Безусловно, нет оправдания тому, что Советским правительством и руководством НКВД СССР была допущена такая большая смертность среди итальянских военнопленных, которая оказалась самой большой (50%) в сравнении с количеством умерших в плену военнопленных других национальностей.

Иногда можно услышать: ну и что? ведь итальянцев в Россию никто не звал, они сами пришли с оружием в руках и вместе с фашистами воевали против нас (хоть и плохо, но воевали).

Однако взятые на себя обязательства по соблюдению международного права по вопросам содержания военнопленных должны были выполняться. Значительная часть итальянских военнопленных умерла в период зимы 1942–1943 гг. по причине плохой организации их приема, этапирования и содержания. Эти данные долгое время скрывались. И даже в официальной статистике не было четкости и ясности.

Результаты проведенного исследования архивных документов органов НКВД СССР показали, что по официальным данным количество плененных советскими войсками итальянских военнослужащих 8-й армии не однозначно.

В одних официальных документах указывается, что пленено было 48812 чел. (на 1 марта 1948 г.), в других – 48957 чел. (на 1 января 1949 г.)⁵.

Какие критерии брались за основание для подсчетов общего количества

взятых в плен итальянских военнослужащих – неизвестно.

Автор встретился с рядом затруднений при уточнении данных о количестве итальянских военнопленных.

В частности, одним из моментов затрудняющим установление истины, явилось то, что в официальной статистике Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР употреблялись следующие выражения: “военнопленные итальянцы”, “военнопленные итальянской армии”, “военнопленные, имеющие гражданство Италии” и т.п.

Исходя из того, что это разные понятия и наиболее правильное из них это “военнопленные итальянской армии”, поскольку в него включаются все военнослужащие итальянской армии, которые были захвачены в плен советскими войсками не независимо от их национальной принадлежности.

В связи с этим необходимо сказать, что на 1 сентября 1949 г. в лагерях для военнопленных на территории СССР содержалось 149 военнопленных, имевших гражданство Италии, из них было 9 итальянцев, 58 немцев и 82 австрийца⁶. К сожалению, наиболее полные статистические данные о количественном составе и демографических данных имеются лишь за 1944 г. (табл. 1).

Окончательные результаты проведенного исследования дают основания считать, что в период с 1941 г. по май 1945 г. советскими войсками было взято в плен 48957 военнослужащих итальянской армии, из них: генералов – 3, офицеров – 739, унтер-офицеров и рядовых – 48215 чел.

Из этого количества в советском плену умерло по разным причинам 27683 чел. (52 офицера, 27631 унтер-офицер и рядовой)⁵.

Остальные 21274 военнопленных итальянской армии были репатриированы, в их числе: 3 генерала, 687 офицеров, 20584 унтер-офицера и рядовых⁵.

Таблица 1

**Сводные данные о количестве военнопленных итальянской армии,
содержавшихся в советском плену на 5 марта 1944 г.***

Место содержания; выборочные демографические данные	Общее количество
Количество военнопленных на 5 марта 1944 г.	10624
в том числе содержалось в:	
крупных лагерях (№ 26,29,58,160,165,185)	8284
специальных госпиталей	2037
небольших лагерях (мелкими группами)	203
находилось в пути	100
Содержавшиеся в крупных лагерях распределялись по:	8284
а) Партийной принадлежности:	
члены фашистской партии и фашистского союза молодежи	3652
члены коммунистических и демократических партий	8
беспартийных	4629
б) Образованию:	
высшее и среднее	1064
низшее	6717
неграмотные	503
в) Возрастному составу:	
от 18 до 25 лет	4281
от 25 до 45 лет	3978
от 45 до 55 лет	25
г) Социальному положению (до призыва в армию):	
рабочие	2985
крестьяне	3727
служащие частных фирм	385
чиновники госучреждений	247
инженеры	211
кустари и торговцы	
д) Выходцы из семей:	
помещиков и фабрикантов	27
военнослужащих	67
служителей религиозных культов	10
ж) Срокам службы в армии (призваны):	
до 1938 г.	202
в 1938–1939 гг.	1778
в 1940–1941 гг.	4387
в 1942 г.	1894
в 1943 г.	23

* Табл. 1 составлена автором на основании обобщения документальных материалов, хранящихся в РГВИА.

Война, как широкомасштабный вооруженный конфликт, оказывает сильное морально-психологическое воздействие на поведение как отдельных личностей, так и больших, и малых групп.

Опыт прошлых войн свидетельствует, что в период войны люди относятся к ней и ведут себя по-разному. Доминирующей составляющей их поведения является нежелание большинства из них участвовать в боевых действиях. Даже в периоды массовых патриотических, национальных подъемов, вызванных ненавистью к врагу, желанием защитить свое Отечество, у большинства граждан воюющего государства возникает чувство боязни за свою жизнь, нежелание быть убитым, раненым, плененным.

Все эти чувства оказывают на психическое состояние человека и особенно тогда, когда он попадает во вражеский плен. Военный плен, с психологической точки зрения, всегда воспринимается как "неприятное". Многие люди, оказавшиеся в плену, становятся пассивными, ранимыми, сильно переживают за свое будущее, свое здоровье, свою жизнь⁷.

Итальянским военнопленным также были присущи все эти психические состояния. Однако, по сравнению с военнопленными других национальностей, они более тяжело переносили обстановку плена. Это было вызвано следующим: они не видели в русских своих врагов; Россия и Италия всегда были в традиционно хороших отношениях; Россия никогда не угрожала жизненно важным интересам итальянского народа; климатические условия Италии резко отличались от климатических условий России; плохое вещевое и продовольственное обеспечение итальянцев в их воинских частях до плена, сочетавшееся с пренебрежительно-унизительным отношением к ним со стороны не только немецких офицеров, но и сол-

дат; неспособность советского правительства обеспечить нормальные условия для содержания итальянских военнопленных.

Одним из первых, кто официально поставил вопрос о тяжелейшем положении итальянских военнопленных перед советскими партийными и государственными органами, был итальянский коммунист и политэмигрант, член ИККИ Биянки (Бьянки) Винченцо.

Так, в июне 1942 г., посещая лагерь в г. Караганде, где содержались и итальянские военнопленные, он провел анкетирование их. Результаты анкетирования Винченцо Биянки привез в Москву и доложил Тольятти и в ИККИ. После этого содержание итальянских военнопленных несколько улучшилось, но не настолько, чтобы считать его хорошим.

Другим защитником интересов итальянских военнопленных был итальянский военнопленный генерал-майор Пасколини Этольвальдо, один из трех итальянских генералов 8-й итальянской армии, оказавшийся волею судеб в советском плену.

Среди итальянских военнопленных проводилась достаточно солидная антифашистская работа. Для итальянских военнопленных выпускалась газета "Альба", корреспондентами которой были сами итальянские военнопленные. Основные внутривойсковые и внешнеполитические вопросы своевременно доводились до них.

Из числа итальянских военнопленных был сформирован антифашистский актив, который широко использовался в политико-воспитательной работе среди пленных.

Советское правительство через возможности УПВИ НКВД СССР постоянно интересовалось реакцией итальянских военнопленных на события в Италии (особенно после 3 сентября 1943 г., когда Италия вышла из войны на стороне Германии).

Результаты реагирования итальянских военнопленных (особенно генералов и офицеров) на события в Италии и в мире систематически докладывались официаль-

ными справками руководству УПВИ НКВД СССР и Советскому правительству. Вот одна из таких справок: "Справка от 31 июля 1943 г. Последние события в Италии среди генералов итальянской армии вызвали приподнятое возбуждение и живой интерес к каждому сведению, освещающему положение в Италии. Генералы германской армии сходятся во мнении, что Гитлер предусматривал эту возможность и принял необходимые меры удерживать свои войска на Итальянском полуострове, что должно быть наиболее выгодно в стратегическом отношении. Во всяком случае, успокаивали себя немцы: «Германия сможет продолжать войну и без Италии».

Фельдмаршал Паулюс высказал генералам итальянской армии мысль, что "Италия сделала для Германии много, истощила свои силы и единственный для Италии выход, выйти из войны".

После того, как итальянцы узнали об отставке Муссолини (25 июля 1943 г. фашистский режим в Италии был свергнут. – *Авт.*) и ознакомились с текстом обращения Рузвельта, военнопленные генералы Риканьо и Пасколини 28 июля 1943 г. обратились с просьбой к администрации лагеря № 48, чтобы итальянских военнослужащих изолировали от немецких. Их просьба была удовлетворена.

Следует сказать, что в этот период Советское правительство занимало выжидательную позицию в отношении многих политических и иных инициатив со стороны итальянских военнопленных. Однако бурно развивающиеся события в Италии после июля 1943 г. (заключенно соглашение о перемирии с Италией от 3 сентября 1943 г. и дополнение к этому соглашению от 29 сен-

тября 1943 г.) вызвали широкий патриотический подъем среди итальянских военнопленных. Учитывая, что в это время немецкими военнопленными была создана антифашистская организация Национальный комитет "Свободная Германия" (НКСП), итальянские военнопленные также стремились создать свою антифашистскую организацию. Но им разрешили создать лишь "Союз гарибальдийцев".

И.Сталин не верил итальянским военнопленным, считал Италию родиной фашизма и, естественно, одним из главных вражеских государств по отношению к СССР после фашистской Германии.

Результаты проведенного исследования показали, что такое отношение к итальянским военнопленным было несправедливым.

Итальянские военнопленные систематически писали групповые заявления и обращения к Советскому правительству и руководству УПВИ НКВД СССР с просьбой разрешить им с оружием в руках воевать против Германии. Однако только небольшому их количеству было разрешено участвовать в вооруженной борьбе против фашизма на стороне Советского Союза и его союзников.

Итальянские военнопленные генералы Пасколини, Риканьо и Баттисти, пользовались большим авторитетом среди военнопленных офицеров и солдат итальянцев и стремились создать из них вооруженные формирования для борьбы с фашистской Германией. В связи с этим они 15 сентября 1943 г. написали и направили правительству СССР следующее обращение:

*"ПРАВИТЕЛЬСТВУ СОЮЗА ССР.
Гор. Москва*

В связи с положением, создавшимся после капитуляции Италии, в интересах итальянского народа, мы считаем возможным и для нас обязательным быть активно полезными нашей Родине.

С этой целью мы предлагаем создать из военнопленных итальянцев, находящихся в Советском Союзе, вооруженные части.

В связи с этим мы просим Советское правительство:

1. Сообщить, согласно ли Советское правительство создать итальянские воинские части, вооружить их и экипировать.

2. Поставить в известность итальянское королевское правительство о нашем предложении и получить от него согласие и необходимые распоряжения, ибо мы твердо намерены не проявлять никакой деятельности, которая не будет одобрена итальянским правительством.

В случае принятия Советским правительством наших предложений, зафиксированных в пунктах 1-м и 2-м, мы поручаем генералу дивизии Баттисти Эмилио ведение переговоров с компетентными советскими органами, чтобы уточнить все вопросы, касающиеся осуществления этого предложения, как в отношении Советского, так и Итальянского правительства.

*Лагерь военнопленных № 48
5 сентября 1943 г.*

*Генерал Э.Баттисти
Генерал Э.Пасколини
Генерал У.Риканьо”*

Советское правительство разрешило им обратиться с соответствующим призывом ко всем итальянским военнопленным в СССР (13 октября 1943 г. Италия официально объявила войну Германии. – *Авт.*).

14 октября 1943 г. такое обращение было отправлено во все лагеря, где содержались итальянские военнопленные, но и после фактического согласия всех итальянских военнопленных с оружием в руках выступить против фашистской Германии Советское правительство не приняло окончательного решения и заняло нейтральную позицию. Генералы Пасколини, Баттисти и Риканьо 28 октября 1943 г. написали повторное обращение к Советскому правительству по аналогичному вопросу. Ответа никакого они не получили.

Такая позиция Советского правительства совершенно не понятна, поскольку в этот же период из числа румынских военнопленных формировались две пехотные дивизии.

Кроме того, из общего количества итальянских военнопленных 13806 чел. по дан-

ным на 14 сентября 1944 г. всего было выявлено лишь 3600 чел., являвшихся профашистски настроенными.

После вступления Италии в войну с фашистской Германией была усилена антифашистская работа среди итальянских военнопленных.

11 сентября 1943 г. была издана ориентировка за № 28/2/14565 “О проведении агитационно-пропагандистской работы среди военнопленных итальянцев”.

В этом документе подчеркивались следующие опорные точки, которые должны лечь в основу пропагандистской работы: итальянский народ всегда неприязненно относился к немцам; война не популярна в итальянском народе; надо воспитывать враждебное чувство к прогитлеровским элементам; разъяснять платформу антигитлеровского общеполитического национального движения; вопрос о создании Итальянского национального комитета стоять не будет; будет создан “Союз гарибальдийцев”; военнопленные офицеры итальянцы будут приспосабливаться, надо быть зоркими”.

Политические настроения итальянских военнопленных и их отношение к немцам постоянно контролировалось.

По результатам этого контроля издавались ориентировки для учета в работе среди итальянских военнопленных.

Так, в ориентировке от 19 ноября 1943 г. "Об отношении итальянцев к немцам" отмечалось, что многие итальянцы заявляют о своих намерениях перебить всех немцев в лагере.

В результате проведенного исследования автор пришел к выводу, что Советское правительство не разрешило направление итальянских военнопленных в Италию для участия в вооруженной борьбе с немецкими войсками по ряду причин политического характера. В частности, наиболее важными из них были следующие причины: Советское правительство не хотело, чтобы преждевременно произошла утечка информации о большой смертности среди итальянских военнопленных; не хотело увеличения сил и возможностей американцев и англичан в борьбе с немцами в Италии; надеялось, что чем дольше будут оставаться итальянские военнопленные в СССР, тем больше из них пройдут политическую обработку в коммунистическом духе под руководством итальянских коммунистов-политэмигрантов и, естественно, они составят "вооруженный отряд" Итальянской коммунистической партии.

Подготовка политических бойцов из числа итальянских военнопленных осуществлялась по последнему слову советской партийно-политической работы:

- составлялись программы, тематические и учебные планы;
- разрабатывались методические рекомендации по проведению занятий: (чтения лекций, проведения семинарских занятий, организации самостоятельной работы);
- определялся порядок проведения консультаций и контрольно-проверочных

занятий, индивидуальной работы с курсантами антифашистских курсов и политических школ.

Так, например, только для изучения истории Италии отводилось 118 час. аудиторных занятий, из них на лекции отводилось 54 час. и на семинарские занятия – 64 час. Занятия проводили квалифицированные лекторы ведущих академических вузов СССР, итальянские коммунисты-политэмигранты, специалисты по Италии.

Обращает на себя внимание тот факт, что на антифашистских курсах и политшколах проходили подготовку не только идеологические противники фашизма, но и бывшие члены итальянской фашистской партии и ее организаций.

На учебу направлялись, как правило, итальянские военнопленные не старше 35 лет, предпочтение отдавалось выходцам из трудящихся слоев итальянского общества. Следует отметить, что опора делалась на выходцев из беднейших слоев населения.

Так, на 23 ноября 1944 г. на антифашистских курсах при антифашистской школе № 165 обучалось 108 итальянских военнопленных, из них: 64 рабочих, 18 крестьян, 22 служащих и интеллигента; 58 чел. имели низшее образование, 35 – среднее и 15 – высшее; 25 чел. были членами фашистской партии, 56 – члены фашистских юношеских организаций, 14 – члены фашистских профессиональных организаций и 13 – беспартийных⁸.

Интенсивно проводимая антифашистская и политико-воспитательная работа среди итальянских военнопленных давала свои плоды. Рост числа антифашистов среди итальянских военнопленных имел тенденцию к увеличению (табл. 2).

Безусловно, статистические данные о количестве антифашистов среди итальянских военнопленных, а следовательно, и лояльно настроенных к Советскому Союзу, не всегда соответствовали истинному положению дел. Суть данного вывода сводится к тому, что в

антифашисты зачисляли всех, кто высказывался против войны, против Германии, Муссолини и Гитлера. Часть итальянских военнопленных умышленно выдавала себя за антифашистов, надеясь тем самым повысить свою лич-

ную безопасность, ускорить репатриацию домой и т.п. Поэтому к статистике УПВИ-ГУПВИ НКВД СССР о росте антифашистов среди итальянских военнопленных следует относиться критически.

Таблица 2

Динамика роста антифашистов среди итальянских военнопленных в лагере № 26 (г. Андижан, Узбекистан) в июне-августе 1944 г.*

Наименование	Июнь–август 1944 г.	Июнь 1944 г.	Июль 1944 г.	Август 1944 г.
Всего содержалось итальянских военнопленных,	2 357			
из них:				
членов антифашистского движения		1625	1665	1705
активистов антифашистского движения		126	195	215

* Табл. 2 составлена автором на основании обобщения официальных архивных данных РГВИА. Ф. 4п, оп. 4, д. 2, л. 203–204.

Как показали результаты исследования, военный плен представляет собой опасную, экстремальную, конфликтную ситуацию для личности, насильственно захваченной в плен по независящим от нее обстоятельствам, а также и для личности, добровольно сдавшейся в плен, но содержащейся в лагере для военнопленных на общих основаниях.

Влияние условий и обстановки плена имеет общие закономерности, которые существенным образом сказываются на психологии человека и его поведении как в плену, так и после возвращения из плена.

Советское правительство допускало ущемление прав итальянских военнопленных. В частности, им не была разрешена переписка со своими родственниками. Это право предоставлялось им не только международным правом (Женевская конвенция о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г.), но

и советскими законами (Ст. 13 “Положения о военнопленных” от 1 июля 1941 г., утвержденного постановлением Совета Народных комиссаров СССР № 1798-800 с от 1 июля 1941 г.). И только в конце 1945 г., когда итальянская и мировая общественность подняла широкую кампанию за скорейшее возвращение домой итальянских военнопленных, Советским правительством была разрешена переписка и увеличено количество публикаций в открытой прессе (прежде всего на Западе) и сообщений по радио, освещающих содержание итальянских военнопленных в СССР.

Широко использовались радиообращения итальянских военнопленных к своим родственникам.

Вот выдержка из одного такого обращения:

“Обращение капитана Розелла Сальваторе по Московскому радио к родным, проживающим в Бергамо, 10 декабря 1945 г.

Я, капитан Розелла Сальваторе, из Бергамо. Говорю от своего имени и от имени офицеров-земляков, находящихся здесь вместе со мной: лейтенанта Каванья Сандро, лейтенанта Нозари Челестино и лейтенанта медицинской службы Теста Паоло. С чувством благодарности к Московскому радио, давшему мне радость разговаривать с Вами, посылаем вам, наши родные, горячий привет. Мы всегда помним Вас, Вы всегда в наших сердцах. Все мы чувствуем хорошо. Благодаря заботе, проявленной Советским правительством, наша жизнь здесь в лагере № 160, протекает спокойно. Надеемся скоро увидеться. Проводим время просто, но полезно: читаем русские и итальянские книги и журналы, с особым волнением и интересом следим за событиями в Италии, смотрим спектакли, организуемые итальянскими офицерами, бываем на киносеансах. ... ».

Анализ содержания выступлений по радио итальянских военнопленных показывает, что подавляющее большинство из них думали и беспокоились не только о своих родных и близких, но и о будущем своей родины – Италии. Это свидетельствовало о высоком чувстве любви и патриотизма к своему Отечеству. За годы плена это чувство не ослабло, а еще больше обострилось и окрепло.

Долгий и тяжелый был путь домой итальянских военнопленных. Прежде чем попасть домой им пришлось много потрудиться, многое пережить.

Целесообразно рассмотреть вопросы трудового использования итальянских военнопленных.

Фактически во всех областях народного хозяйства СССР использовался труд военнопленных. Предпочтение отдавалось использованию военнопленных на объектах, где требовался тяжелый ручной труд (земляные работы, лесозаготовки, строительство дорог, восстановление разрушенных войной объектов и т.п.).

Трудовое использование военнопленных осуществлялось по решениям Советского правительства и указаниям НКВД СССР, исходя из потребностей народного хозяйства СССР. Труд военнопленных оплачивался по тем же нормам и расценкам, что и для аналогичного труда советских рабочих. Однако общая сумма денежного вознаграждения, выплачиваемая одному военнопленному в месяц, не превышала 200 руб. (в ценах 40-х годов) для работающих на тяжелых работах и 150 руб. для работающих на прочих.

Для стимулирования производительности труда использовалась неплохая продуманная система поощрений.

Вот некоторые из них:

- установление дополнительных норм питания, а также дифференцированного питания за выполнение и перевыполнение производственных заданий и за работу на объектах с повышенной опасностью для здоровья (угольные шахты, рудники, химическое производство и т.п.);

- выделение премиального денежного фонда как для военнопленных, так и для администрации лагерей;

- определение специальной шкалы выплаты денежного содержания командирам отделений (бригадирам, командирам взводов – десятникам и командирам рот из числа военнопленных за руководство подчиненными им военнопленными при среднем выполнении государственных норм в месяц).

Так, командирам отделений – бригадирам в случае перевыполнения плана месячное денежное вознаграждение увеличивалось на 20% суммы, причитавшейся им к выдаче на руки.

Некоторые могут не придавать особого значения этим мерам стимулирования труда военнопленных. И напрасно. Дело в том, что при каждом лагере или лагерном отделении организовывалась продажа через ларьки (торговая точка) продуктов питания и других необходимых предметов. Чем больше денег получал военнопленный в месяц на руки, тем больше дополнитель-

ных продуктов питания и предметов личного обихода он мог приобрести в торговой точке;

- назначение специальных премий за рационализаторские предложения по усовершенствованию процесса производства, более эффективное использование средств и орудий труда. Военнопленным выдавались на руки денежные премии в размере 50% от суммы премии, но не свыше 500 руб.;

- предоставление улучшенных условий содержания против остальных военнопленных для тех, кто хорошо работал и перевыполнял нормы выработки (выдача в первую очередь одежды и обуви, первоочередная продажа из торговой сети предметов личного обихода, продуктов по децентрализованным заготовкам, табака и т.п.).

Так, военнопленный итальянской армии капитан Пияцца Мелькноре Иноченце, 1904 г.р., уроженец гор. Палермо (о. Сицилия), командир 4-й огнеметной роты дивизии "Торина", пленен 21 декабря 1942 г., до службы в армии занимался вопросами производства вискозы. В плену работал на Балахнинском бумажном комбинате в Ивановской области. Дал ряд технических предложений по улучшению процесса производства целлофана, а также по составу клея для его склеивания.

В числе других военнопленных итальянские военнопленные внесли существенный вклад в восстановление разрушенного войной народного хозяйства СССР.

Изучение истории содержания итальянских военнопленных в СССР показывает, что Советское правительство имело все основания (по международному праву) осуществить их репатриацию сразу же после вступления Италии в войну с фашистской Германией.

Их репатриация затянулась вплоть до 1950 г., хотя мирный договор с Италией был подписан 10 февраля 1947 г.

Репатриация итальянских военнопленных, как и всех остальных, проводилась только по распоряжению Правительства СССР, которое дублировалось приказами, директивами НКВД-МВД СССР. В первую очередь репатриировались инвалиды, больные и физически ослабленные итальянские военнопленные.

К маю 1950 г. все итальянские военнопленные были репатриированы домой.

Последний итальянский военнопленный, душевно больной Тонет А.А. был репатриирован 12 сентября 1956 г., о котором просто забыли и случайно обнаружили его в одной из больниц гор. Киева.

Всего было репатриировано 21274 итальянских военнопленных, в их числе: 3 генерала, 687 офицеров и 20384 рядовых и унтер-офицеров.

Вторая мировая война осталась незаживающей раной для итальянского и русского народов. Десятки миллионов людей погибли с обеих сторон на полях брани, стали инвалидами, прошли через позор и унижения плена. История судьбы итальянских военнопленных в СССР – это комплексная проблема и ее необходимо решать совместными усилиями итальянских и российских ученых.

Примечания

¹ ЦА МО РФ. Ф. 32. оп. 1136, д. 89, л. 8–10.

² *Ильинский М.* Сенсация из архивов КГБ: каждый третий итальянец, не вернувшийся с Восточного фронта, погиб в ГУЛАГ // *Известия*. 1992. № 23. 28 января. С. 5; П. Тольятти отказался помочь итальянским военнопленным – следует из письма, опубликованного газетой "Джорно" // *Известия*. 1992. № 28. 3 февраля. С. 7; *Ильинский М.* Продолжение "львовского дела" // *Известия*. 1990. № 142. 21 мая. С. 5; *Зафесов Г.* Этот многоликий шар земной // *Правда*. 1988. № 207. 25 июля. С. 7.

³ РГВИА. Ф. 47, оп. 22, д. 1, лл. 9, 10.

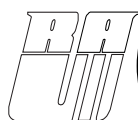
⁴ РГВИА. Ф. 1п, оп. 3а, д. 6, лл. 103, 104.

⁵ РГВИА. Ф. 1п, оп. 30е, д. 1, л. 2; оп. 19 т, д.6, л. 44; и др.

⁶ РГВИА. Ф. 1п, оп. 01е, д. 46, л. 234.

⁷ Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях плена // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 48–63.

⁸ РГВИА. Ф. 88п, оп. 2, д. 2, л. 281–283.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail:observer@nasled.ru

***На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:***

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2008 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2008 гг.) на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer”

Статьи представляются на дискете в программе Word вместе с распечаткой.

Распечатка статьи дается Кг. 14 через 1,5 интервала.

Общий объем статьи не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Текст статьи должен быть структурирован.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, причем они должны быть привязаны к тексту с указанием выходных данных и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию на русском языке, отражающую основные идеи материала.

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или TIF.

При пересылке материала по E-mail требования по форме представления материала сохраняются.

В сопроводительном письме в редакцию необходимо указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, другие звания, должность и контактные телефоны.

Редакция не ведет переписку с авторами.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.
Подписной индекс **47653** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 12.03.2008. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 131.